

A woman with her hair in a bun, wearing a white, long-sleeved, button-up dress, stands in a field of tall grass. She is looking out over the horizon under a soft, golden sky. The scene is captured in a cinematic style with warm lighting.

Елена Барлоу

Песня для
разбитого сердца

18+

Елена Барлоу
Песня для разбитого сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70295827

SelfPub; 2024

Аннотация

Юная красавица Кейли, дочь виконта, проживала беззаботную жизнь, полную радости и смеха. Когда родители выбрали для неё мужа, она не воспротивилась, ведь молодой и привлекательный капитан Стоун уже успел завладеть её сердцем. Однако надежды на счастливый брак рухнули, когда стало понятно: под ликом успешного офицера скрывался угрюмый и циничный женоненавистник, для которого подобный союз – всего лишь холодный расчёт.

Содержание

Пролог	4
Глава 4	48

Елена Барлоу

Песня для разбитого сердца

Пролог

Из своей спальни на втором этаже она хорошо слышала голоса мужа и его отчима. Конечно, только мистер Эшбёрн посмел бы пожаловать к ним в поместье в столь поздний час. А теперь он спорил о чём-то со своим сыном...

Приёмным сыном. Кейли уже устала каждый раз поправлять себя, но делала это упрямо и настырно. Он ему не сын, на самом-то деле. *Он не его сын.*

Разговаривали они на повышенных тонах, и продолжалось это уже... сколько? Минут двадцать? Почти полчаса? Сон Кейли, разумеется, как рукой сняло. Она металась по комнате, одетая лишь в тонкий пеньюар, едва подвязанный халат да домашние тапочки, в которых её ноги так жутко мёрзли. Камин давно уже погас, и в нетопленной спальне было прохладно, но она продолжала метаться туда-сюда, гадая, что же ей делать, если этот Эшбёрн... это чудовище не уйдёт сию же секунду.

И вдруг из холла первого этажа раздался звон, будто что-то разбилось о пол. Кейли замерла, как вкопанная. Руки у неё дрожали, а в мыслях было только одно: Алекс...

Он говорил, что не нуждался в её помощи. Предупреждал, чтобы она не лезла, куда не просили. Но как она могла игнорировать то, что узнала о нём, о собственном муже, о человеке, которого, как она считала, всё это время любила?

Кейли дёрнулась, потому что снизу снова раздались их голоса. Казалось, вот-вот, и будет драка. И одна лишь мысль о том, что Эшбёрн посмеет прикоснуться к её мужу...

Девушка бросилась в смежную спальню, а оттуда – в кабинет супруга. Едва ли она осознавала свои действия в тот момент, но всё, о чём Кейли могла и хотела думать – это Алекс и его безопасность.

Плвать, если он разозлится потом. Плвать, если накричит на неё или даже не захочет с нею разговаривать. Подсознательно Кейли уже пожертвовала их отношениями ради этого искреннего порыва. Даже если он не поймёт, ей хотелось его защитить.

Она знала, где хранился его револьвер. И знала, что он был заряжен. Благо, нижний ящичек в шкафу оказался не заперт. Дрожащими руками Кейли взяла оружие и, совершенно наплевав на то, как выглядела со стороны, кинулась в коридор.

Она резво сбежала вниз по лестнице. В парадной дверь была приоткрыта. Жуткий сквозняк свистел в большом холле.

Там она и увидела их – своего мужа и его отчима. Оба почти красные от напряжения и злости. На полу, на светлой

мраморной плитке были разбросаны осколки стакана из-под бренди. Одного мгновения Кейли хватило, чтобы понять по лицу Эшбёрна – он в ярости. Ещё бы немного, и случилось что-то непоправимое, ведь их с Алексом отделяло не больше трёх шагов...

На Александре лица вовсе не было: он мигом побледнел, глаза были красными, а губы скривились, будто он только что выпил нечто мерзкое, и его уже тошнило... Кейли лишь раз посмотрела на него, и в голову ей тут же ударил гнев, да такой сильный, что все остальные ощущения сразу померкли.

– А вы что здесь делаете, дорогуша? – услышала Кейли в свой адрес от лорда Эшбёрна. – Ещё и в таком виде?

Её ответом стала решимость. Кейли встала между Алексом и его приёмным отцом, вытянула правую руку с револьвером и направила его на Эшбёрна.

– Дорогая моя, вы не в себе? Уберите это от греха подальше, – сказал мужчина, сменивший злость на саркастичный тон. – Право, нам тут несчастный случай не нужен.

Кейли стояла и слушала его жалкие уговоры. Он говорил с нею, как строгий дядюшка с нерадивой племянницей, испачкавшей руки в чернилах. Позади неё стоял Александр. Он молчал. Она слышала его тяжёлое дыхание. От этого звука и от вида ненавистного лица Эшбёрна Кейли ощутила внутри такую жгучую горечь, что желание пристрелить свёкра на самом деле почти возобладало над нею.

– Александр, твоя жена чертовски упрямая, – произнёс

мужчина с издёвкой. – Ты можешь сделать с нею хоть что-нибудь? Ей Богу, она же поранит себя!

– О, нет, сэръ, не себя!

Язык у неё во рту еле ворочался, в горле пересохло, но она готова была отвечать за свои действия перед этим монстром, даже если бы это затронуло её гордость и честь.

Всё то, что рассказал ей Алекс об этом человеке, все его ужасные поступки до сих пор отдавались эхом в её мыслях. Ей хотелось кричать, что он заслуживал смерти. Что из-за него она порой не могла спокойно спать по ночам. И, самое главное, что он разрушил жизнь и душу её мужа, а теперь с наглостью и презрением крутил этим фактом у него перед лицом.

Кейли больше не могла сдерживать слёз. Её губы дрожали, а плечи стали вздрагивать. И в тот момент, судя по исчезнувшей ухмылке Эшбёрна, он догадался, что она всё узнала. Это и была точка невозврата.

– Он – мой. Он – только мой... – шептала она, держа палец на курке. – Слышите?

Услышал её Эшбёрн или нет, было уже неважно. Границы между моралью, честью и любовью стёрлись в ту ночь. А она сделала выбор, понимая, что, будь он неверный, она потеряет своего мужа. И на этот раз навсегда.

Глава 1

Июль, 1815 год

Поместье Стиллфилд, Беркшир, Англия

Это был жаркий, почти безветренный день. Во владениях виконта Саутфолка все – от хозяина до последней прачки – изнывали от духоты. Не хотелось ни работать, ни просто шевелиться. Поэтому многоуважаемая супруга виконта объявила прислуге внеплановый выходной. Главное, чтобы стол был вовремя накрыт к ужину. Остальное – второстепенно.

Виконтесса Саутфолк с мужем отдыхали под большим старым дубом, который рос за домом, на холме. Супруги наслаждались тенёчком, едким шелестом огромной кроны над ними и прохладным чаем. Виконтесса сама разливала его по чашкам, сама подавала супругу, который потягивался в это время на покрывале, как большой ленивый кот.

Женщина улыбалась, глядя на него, и время от времени поддразнивала, будто невзначай оголяя лодыжку. Он замечал, конечно, и то и дело норовил погладить её ножку. В свои пятьдесят шесть он всё ещё был полон сил и прежнего обаяния, перед которым дамы в высшем свете до сих пор устоять не могли. Но это именно она – леди Кларисса Уоллес – стала его женой одиннадцать лет назад, а не какая-нибудь другая.

За разговорами о соседях и ленивыми обсуждениями ситуации на фронте леди Кларисса едва не забыла, о чём хотела поговорить с мужем ещё с утра.

– Мне до сих пор не верится, что ты так категорично решил найти для Кейли жениха, – бросила она вдруг.

Саутфолк посмотрел на неё с удивлением и на мгнове-

ние словно стал похож на любопытного мальчугана, которого подловили на шалости. Но лишь на мгновение. Затем он приподнялся на локте и взглянул вдаль, куда смотрела и его жена.

– Мы же не станем обсуждать это здесь и сейчас, драгоценная моя...

– Ох, не хочу слышать этот подхалимаж!

– Дорогая! Ну право слово...

Но женщина лишь шутливо ударила его по запястью.

– Ей всего пятнадцать, – а затем она пристально уставилась на покрасневшее лицо супруга. – Пятнадцать, я повторяю! Какие там женихи?

– Я женился на матери Кейли, когда той было шестнадцать.

– Я знаю, дорогой, но это не означает, что твоя дочь должна пройти тот же путь с таких юных лет. Она ещё ребёнок, а то ты не видишь!

Он видел, разумеется, но частые боли в груди и отдышка последние несколько месяцев так пугали его, что виконт боялся не дотянуть до момента, когда смог бы подержать внука на руках. Казалось бы, об этом стоило беспокоиться леди Клариссе, но для неё сама Кейли была ещё совсем малышкой. Кажется, она так и не успела нанянчиться с нею вдоволь. Ещё бы!.. У леди Клариссы не было собственных детей.

– Ты заботишься о Кейли, я понимаю. Но я не собираюсь гнать её под венец именно сейчас. Лишь познакомить с на-

дёжным и привлекательным для неё джентльменом, – рассудил виконт; внезапный солнечный луч заставил его прищуриться. – Пару-тройку лет обождать, и ты уже не узнаешь Кейли, поверь мне. Да, она игрива и не без ветра в голове...

Леди Кларисса на эти слова лишь рассмеялась, как и её муж.

– Но за фасадом легкомыслия кроется такой твёрдый стержень, что мы оба с тобой ещё наплачемся.

Обдумав недолго его слова, женщина вздохнула. Она взяла свой веер и стала обмахиваться им, а заодно и супруга.

– Понимаю. Ты желаешь выбрать для неё самого надёжного партнёра, к тому же, чтобы он тоже был крепким орешком, верно?

Виконт погладил жену по руке и улыбнулся. Всё-то она схватывала. Однако дальше разговоров да знакомств дочери с сыновьями его приятелей дело не продвигалось. Почти месяц прошёл, как состоялся дебют Кейли в свете, но девчушка, скорее, воспринимала это, как очередную игру. Молодые люди знакомились с нею, большинство и вовсе моментально готовы были пасть к её ногам (упоминая об огромном приданом, разумеется), но юная леди Кейли Хардинг, дочь виконта, отметала их всех. Даже дружеских отношений поддерживать не желала.

Мужчина вздохнул и сел прямо. Мышцы у него затекли, и жена тут же помогла ему размяться.

– Знаю, что Кейли не даст себя в обиду, – сказала она. –

Однако так ли уж необходимо знакомить её с лордом Эшбёрном? Мы его совсем не знаем.

– Зато я был приятно удивлён, когда он сам выразил желание представиться мне. Затем обмолвился, что его сын, который только что вернулся с поля боя со званием капитана, мог бы стать для Кейли прекрасной партией.

– Ну-ты! Какая наглость! Просить руки дочери виконта для новоявленного офицера! И всего-то? Что дальше? Сосватаем девочку за фермера?

– Брось, милая! Он не наглец, скорее, весьма настырный. Мне понравился его настрой, дорогая. Он галантен и остро словен. К тому же не он сватается, а его сын. И я слышал, что молодой человек хорош собой...

– Все они были «хороши», но наша дочь не купилась. А я ничегошеньки не слышала об этом капитане... – нахмурилась леди Кларисса. – Как там его? Слоу?

– Стоун, дорогая! Капитан Стоун!

Они оба захихикали, приблизившись лицами друг к другу и точно помолодев лет на двадцать, затем леди Кларисса спросила:

– Ну и где же этот твой Эшбёрн с его «превосходным кандидатом»? Как невежливо тянуть до вечера в столь жаркий день.

– Наверняка, поэтому они и задерживаются. Душно и почти безветренно. К тому же мы не договорились о времени. Но отсюда мы заметим, если их повозка покажется на дороге.

– Допустим, допустим... Ох, во имя всех святых, но где же Кейли? Она пробежала всё чаепитие...

Ещё около получаса леди Кларисса усердно обмахивалась веером, пытаясь не ворчать из-за жары и очередного сеанса сватовства для своей падчерицы. И вот, когда недалеко послышался звонкий смех, а затем из-за холма показался самодельный воздушный змей, виконтесса мягко улыбнулась.

Воздушный змей вынырнул, словно из-под земли, и взмыл в небо, когда его верёвка слегка расправилась. Затем уже виконтесса с супругом увидели светло-русую макушку их дочери, которая бежала вверх по холму, быстро-быстро, да так, что лента в её волосах распуталась, и теперь струилась за нею, как и длинные прямые локоны. Одной рукой Кейли держала моток с верёвкой, другой поддерживала юбки платья. От бега и смеха щёки у юной леди покраснелись, а на лбу выступила испарина. Но она всё равно бежала и хохотала, невзирая на жару.

– Воистину ветер в голове! – засмеялся виконт Саутфолк, разглядывая свою дочь. Ещё немного, и он бы заплодировал.

За Кейли, едва поспевая, торопились её весьма симпатичная и склонная к полноте горничная Оливия и графиня Бриджертон, восемнадцатилетняя Анита Спенсер, дочь богача и извечная подруга Кейли. Виконтесса любила эту милую особу, к тому же та сама только-только вышла замуж и наверняка уже все уши прожужжала Кейли о своём новом поло-

жении.

– Леди, вы великолепны! – прокомментировал их появление мужчина. – Мисс Оливия, вы в порядке? Дышите вы громко и часто!

– Ох, Ваша Милость!.. Знаете ли вы...

Но не успела бедняжка горничная начать жаловаться, как Кейли плюхнулась на покрывало рядом с отцом, попутно ловко намотав на древко хвост воздушного змея.

– И откуда в тебе столько силы, радость моя? – улыбнулся виконт.

– Да ещё и в такую погоду, – леди Кларисса почти критично оглядела троих бегунов. – Что за марафон, Кейли?! Заставила этих несчастных бежать за тобой...

Вместо ответа девушка засмеялась и, изящно потянувшись, чмокнула мачеху в щёку. Что и говорить! Это всегда обезоруживало, кого ни спроси!

– Благо, миледи не уговорила нас бегать в сорочках... хотя, судя по погоде, сама идея выглядела неплохо, – отдышавшись, сказала Анита.

– Даже... весьма... соблазнительно выглядела! – буркнула, наконец, горничная, чем заставила окружающих засмеяться снова.

Примерно через пять минут, пока подруги хихикали, а виконт с супругой приводили разгорячённую горничную в чувства, на холм поднялся посыльный и правая рука дворцового Уитфорда. Выпрямившись и утерев платком лоб он сообщил

о прибытии лорда Эшбёрна и его сына, капитана Стоуна.

– Как это верно, что Уитфорд проводил их в парк, – заметил хозяин вслух. – Беседка там чудесная, а в тени деревьев не будет столь жарко. И передайте, чтобы накрыли на стол и подали тёплый чай с лимоном!

Посыльный убежал, а графиня Бриджертон вместе с Кейли тут же обступили виконтессу с расспросами. Затем они стали неторопливо спускаться с холма по тропинке: мужчина впереди, а дамы позади него.

– Ты не встречала этого лорда, дорогая, но твой отец настоял на знакомстве, – сказала леди Кларисса падчерице. – Бог видит, я была против, но, думаю, нам стоит ему довериться в этот раз.

– Я вовсе не прочь поглядеть на этих джентльменов, Ваша Милость, – улыбнулась девушка, затем подмигнула подруге. – В конце концов, одним больше, одним меньше!

Анита засмеялась, но под суровым взглядом виконта тут же состроила серьёзную гримасу, как и её подруга.

Для Кейли Хардинг это знакомство будет лишь одним из многих, так она сама считала. Шестое или седьмое за сезон. Поначалу она относилась к этому ужасно серьёзно, но постепенно осознав, насколько скуден выбор и насколько безразлична она ко всем этим мужчинам, серьёзность сменилась беспечностью. Теперь она воспринимала поиск жениха как очередную комедию на Друри-Лейн в Лондоне. Её отец, разумеется, считал, что это ребячье поведение со временем ис-

чезнет, но Кейли твёрдо решила – её время, а точнее, время для сватовства, ещё не наступило.

Благо, у неё была поддержка в виде леди Клариссы, её мачехи. Девушка была ей бесконечно благодарна за всяческие уговоры виконта отложить сватовство и так далее. Даже сейчас, в этот самый момент, когда они направляются по аллее в парк, расположенный возле их поместья, построенного в георгианском стиле, леди Кларисса то и дело посылает падчерице сочувствующие взгляды.

– Просто потерпи немного, детка, – произнесла она тихо, поравнявшись с Кейли. – Скоро это закончится. Думаю, к ужину мы от них избавимся.

Прыснув со смеху в кулак, девушка кивнула.

– Верно, Ваша Милость. В конце концов, отец не станет давить на меня, если и в этот раз потенциальный ухажёр окажется мне не мил.

– Разумеется. К тому же, он может быть косым или хромым...

– Именно! Или у него кривые зубы!

– Или он вовсе лысый...

Графиня Бриджертон поддакнула:

– А что ещё хуже, если у него отвратительные манеры.

– Например, он невоспитанный грязнуля...

– Или вечно утирает нос рукавом...

Все эти саркастичные перешёптывания между мачехой и Кейли, конечно, не прошли мимо ушей виконта. Он обер-

нулся посреди парковой дорожки, сурово посмотрел на всех леди, сверкнув глазами, как коршун, и, когда они замолчали, виновато опустив головы, лишь затем ускорил шаг. Разумеется, их молчания хватило меньше, чем на минуту. Все леди, в том числе горничная позади них, едва не засмеялись в голос.

Наконец, Кейли успокоилась и убедила себя, что нечего ждать от этого знакомства. Она немного пофлиртует, с кем требуется, затем скажет отцу, что «всё обдумает».

Лорд Эшбёрн, о котором она и слыхом не слыхивала, вместе с сыном ожидали их в большой беседке, где уже был накрыт стол для чаепития. Самого Эшбёрна она заметила ещё издали, он был такой высокий и прямой, как доска, что наверняка всегда выделялся на фоне других джентльменов на светских раутах. Но кроме этого, по её мнению, он оказался лишь типичным лондонцем, каких тысячи: высокий лоб, глаза в прищуре, которые едва видны, жутко длинный нос, который все почему-то обзывали «аристократичным», и тонкие губы, из-за которых улыбка чудилась неискренней. Худощавый, но крепкий, не старше её собственного отца. Вот и всё.

После краткого приветствия и представления гостей, Кейли, наконец, тяжело вздохнула и удосужилась поднять глаза на потенциального жениха, который, тем временем, сам только-только обернулся к ним. Видимо, до этого он любовался клумбами вокруг беседки или стайкой воробьёв на

ближайшем кусте.

В общем, ничего не ожидавшая Кейли Хардинг, леди пятнадцати лет, желающая лишь поскорее вернуться к своим беззаботным обязанностям дочери виконта, подняла глаза и увидела, наконец, этого самого «потенциального жениха».

Первым из того, что ей захотелось моментально сделать, это раскрыть рот и стоять так, пялясь, как крестьянка на платье королевы. Затем всё её юное тело обдало таким жаром, что оно, пожалуй, даже гольшом на ночном ветру не остыло бы. И, наконец, Кейли Хардинг просто потеряла дар речи. Ей почудилось, будто она застыла на месте, как смертный перед Медузой Горгоной.

Лишь осознав, что мачеха зовёт её по имени и шепчет сделать реверанс и представиться, Кейли отреагировала и подумала о своём поведении и реакции, которую никак не ожидала. Чтобы произнести собственное имя, ей пришлось откашляться.

Затем капитан Стоун представился сам, и от звука этого голоса Кейли захотелось упасть ему в ноги и просидеть так до ночи.

Разумеется, отец остался недоволен её манерами. Виконт так посмотрел на дочь, что любая другая леди покраснела бы до кончиков ушей. Но какая, к чёрту, разница, особенно сейчас, когда она может просто смотреть на самого совершенного мужчину, какого она когда-либо встречала?

Всё, о чём они с мачехой и Анитой болтали до этого, и

каждый из тех молодых джентльменов, кого Кейли узнала прежде – всё это оказалось таким абсурдом и бредом, что создавалось впечатление, будто этот человек в военном мундире перед нею вышел не из этого мира. Практически весь разговор за столом, пока виконт и леди Кларисса развлекали Эшбёрна, Кейли только и делала, что глазела на капитана.

Во-первых, она никогда прежде не встречала таких красивых мужчин. Предыдущие «женихи» были либо бледными, либо низкими, худыми, чопорными или невзрачными, но тот, кто сидел напротив неё сегодня, явно отличался от всех. Нетипичная, оригинальная привлекательность – так подумала о его внешности Кейли.

У него очень густые волосы, и пряди, спадающие на лоб, слегка выются. А ещё у них интересный цвет. Вроде бы светлые, но когда их треплет ветер, волосы кажутся темнее, хотя он явно не шатен. Кейли отметила его ровный загар лица, нетипичный для их края. Видимо, он долгое время жил где-то южнее. Затем она принялась изучать цвет его глаз – больших и светлых глаз – поскольку это почему-то оказалось очень важным. Голубые или тёмно-серые. В тени так сразу не поймёшь, а вблизи она смогла бы рассмотреть их цвет лучше. Нос у него крупный, с горбинкой, но не слишком выдающейся, так что он придавал его мужественному лицу некую уникальность. Ну а его губы...

Кто-то ткнул Кейли под столом в ногу. Это была её мачеха. Леди Кларисса посмотрела на неё с явным намёком вер-

нуться в реальность, так что Кейли успела лишь раз подумать, что губы у капитана очень красивые, не слишком тонкие, а нижняя чуть больше верхней...

Кейли снова ощутила толчок под столом. Пришлось выпрямиться и изобразить заинтересованность в разговоре. Говорили о сдаче Наполеона и битве при Ватерлоо. Кейли мигом наострила уши, когда капитан Стоун принялся рассказывать о том, как побывал на поле боя, и как после объединения с пруссаками на Мон-Сен-Жанском плато началась битва на долгие десять часов; как он был ранен в ногу, однако сумел довести свой отряд до одной высоты и занять её; затем ещё три дня вместе с пруссаками преследовал остатки союзников Наполеона; как сам герцог Веллингтон позже встретил его в лагере, похлопал по плечу и сказал, что из него выйдет отличный командир. Так он получил звание капитана.

Едва он замолчал, Кейли, наконец, выдохнула и подумала о том, что он не только красив и грамотен, судя по его речи, но ещё и смел и силён. Слабакам и трусам нечего было делать на войне, а слухи о том, какой жаркой была битва при Ватерлоо, давно ходили в обществе. Девушка сглотнула слюну и продолжила пялиться на него, нервно теребя ткань юбки под столом.

В какой-то момент капитан заметил, наконец, её пристальное, вернее, маниакальное внимание к его персоне, и прежде, чем она успела отвести взгляд, улыбнулся. Кейли мигом опустила глаза. Он и так был красив с этой типичной

офицерской строгостью на лице, но стоило ему улыбнуться, Кейли показалось, словно её ударили под дых.

Ничего подобного прежде она не испытывала. Никогда в жизни. Снова посмотрев на него, она вдруг вспомнила парочку историй, рассказанных Анитой, когда та только вышла замуж. После медового месяца в Уэльсе Анита заметно переменилась, и при первой встрече Кейли жаждала знать подробности. Графиня Бриджертон была достаточно откровенна, чтобы подруга поняла, как это, быть замужем.

Так вот в эту самую минуту Кейли вспомнила её слова про поцелуи, объятия, и что муж обязательно должен полностью раздеться перед тем, как лечь с супругой в постель, чтобы продолжить, и, соответственно, жена должна сделать то же самое. Кейли мигом покраснела и почувствовала, как по спине у неё скатилась капелька пота, потому что она моментально представила этого капитала без одежды в её собственной спальне.

Полёт фантазий так и длился бы дальше, однако случилось то, чего она совсем не ждала. Лорд Эшбёрн предложил ей и капитану Стоуну немного прогуляться по парку. На мгновение Кейли запаниковала (чего раньше не было), затем с мольбой взглянула на мачеху (чего тоже раньше почти не происходило). Но леди Кларисса лишь улыбнулась, как улыбается любая мать, желающая подбодрить своего ребёнка.

– Просто будь собой, крошка, – шепнула она девушке, когда та поднималась из-за стола.

Когда такое происходит, когда человек разрывается между желанием сделать что-то или воспротивиться этому – тут уж не до манер, этикета и прочей светской чепухи. Но Кейли твёрдо велела себе не упасть в грязь лицом, она выпрямилась, выдохнула и, не взглянув больше на собравшихся за столом, неторопливо последовала за капитаном по дорожке. Затем они поравнялись шагом и через минуту уже остались наедине.

Глава 2

Как же ей неловко! Такого определённо никогда ещё не случалось! А ведь ей, Кейли Хардинг, даже в невинные пятнадцать лет палец в рот не клади – она всегда найдёт, что ответить. Помимо прочего, она уже беседовала с офицерами, поскольку у виконта множество связей в министерстве. Он даже знаком с герцогом Веллингтоном.

Но почему-то именно сейчас она не может собраться и начать диалог. Они с капитаном Стоуном прошли уже два поворота, а никто из них ни слова не произнёс. Кейли то и дело бросала на него восхищённые взгляды. По её мнению, он был скромнен, возможно, даже смущён, оттого молчал. На минуту она задумалась: а вдруг она понравилась ему не меньше, чем он ей? Тогда всё объяснимо! Тогда она попросту самая счастливая девушка в графстве и может хоть завтра выйти за него замуж.

От таких радостных мыслей Кейли захотелось петь и танцевать. Она осчастливила себя этой идеей, и теперь желала лишь вывести капитана на разговор, затем откровенно всё прояснить. Воистину отличный план!

– Вам, наверное, скучно было слушать меня там, за столом.

Когда он произнёс это, девушка словно с небес на землю вернулась. Она мигом заверила его, что это вовсе не так, и рассказы о победе над Наполеоном и объединённых армиях куда интересней, чем светская болтовня о погоде и сплетни про соседей. Тогда он улыбнулся и кивнул, взглянув на неё. В ответ Кейли улыбнулась так лучезарно, и, как она считала, мило, что щёки заболели.

Они перебросились ещё парой фраз, затем она попросила капитана рассказать побольше о его семье. Как оказалось, лорд Эшбёрн был лишь его опекуном, а родной отец умер от лихорадки ещё до его рождения. Мать капитана скончалась, когда ему было одиннадцать. Так что Кристофер Эшбёрн растил его в одиночку.

Кейли ему очень сочувствовала. Она решила, что у него было не слишком счастливое детство. К тому же отчим рано отдал его в новое Королевское военное училище в Сандхёрсте. А ещё у него был младший единоутробный брат, сын Эшбёрна.

И всё то время, пока он говорил, Кейли не только могла наслаждаться звуками его голоса, но даже просто смотреть

на него, молча восхищаться и на задворках сознания представлять их совместную жизнь. От такого по её телу бегали мурашки, и в горле пересыхало.

«Какой он статный и крепкий, – подумала она с удовольствием, разглядывая его плечи и руки. – В мундире не настолько заметно, но я уверена, что и тело у него красивое. Не то, что эти худющие родовитые англичане ростом с великанов! У него-то рост приемлемый, так что года через три я уже не буду казаться на его фоне коротышкой...»

Кейли хитро заулыбалась, и он это заметил. Тогда она решила начинать раскрывать карты.

– Простите меня, капитан. Я вела себя несколько вольно за столом. Обычно я не такая... – она вспомнила обо всех шалостях, которые устраивала на приёмах отца, и едва не прикусила язык. – Я лишь сегодня узнала о нашей с вами встрече и, кажется, мои ожидания оказались ниже того, что я увидела.

– Вот как. Понимаю.

Он произнёс это слегка безучастно, но она не придала его бесстрастному тону значения.

– Вы, разумеется, давно привыкли к пристальному вниманию со стороны леди, верно?

– Я бы так не сказал.

Кейли слегка насупилась. Она ожидала услышать, что он, как и она, стал «жертвой» в погоне за удачной партией, тогда она бы заметила, как много у них общего, и что это явный

знак. Но этого не произошло.

Они прошли ещё немного в тишине, и дорожка как раз повернула назад возле большого валуна. Когда капитан галантно пропустил Кейли вперёд, она улыбнулась и подумала о том, что уже любит его. Прошло не больше пары часов с момента их встречи, а она уже любит его! Она хотела посмеяться над собой, но сдержалась. Что сказала бы Анита? Что она романтичная дуручка. А леди Кларисса? Наверняка, покачала бы головой и сказала бросить эту затею.

Ох, но её сердце с ума сходит и колотится, как сумасшедшее! И ей хочется смотреть на него ещё и ещё! И чтобы он поговорил с нею, хоть немного, и пусть он так сильно смущён, ей всё равно!

«Хочу стать его женой! – подумалось ей. – Хоть бы завтра... Нет, даже сегодня ночью! А завтра мы бы делали то же, что и Анита со своим мужем... Ох, отец бы точно меня убил за такие мысли!»

– У вашей семьи очень красивый дом, миледи, – сказал капитан Стоун, когда они обогнули очередной пустой фонтанчик. – Я заметил с подъездной дороги.

Кейли мигом оживилась:

– Благодарю вас, сэр! Его лет шестьдесят назад построили, как дань старому стилю георгианской архитектуры. Хотя там ужасно много комнат, которые находятся далеко друг от друга. Разумеется, когда я была маленькой и бегала по его коридорам, он казался ещё больше, но куда интереснее. Ах,

и с перил большой лестницы скатывалась, представляете?

Он ничего не сказал. Кажется, попытался улыбнуться, но, скорее, лишь скривил губы. Кейли подумала, что брякнула какую-то чушь. Это плохо. Может, стоило ещё поговорить о войне? А вдруг ему было бы неприятно это вспоминать?

До беседки оставалось всего ничего, один поворот, и Кейли неожиданно решила, что молчать и медлить больше нельзя. Вспомнив об уроках этикета, она выпрямила спину, изобразив «королевскую осанку», потом решительно встала перед капитаном, преградив ему путь собой.

– Капитан Стоун! Сэр! Я заранее должна перед вами извиниться, потому что то, что я скажу далее, может вас смутить ещё сильнее или даже шокировать. Но самое главное, мне бы не хотелось, чтобы вы во мне разочаровались...

На его загорелом лице появилось недоумение, что естественно, и, чуть откашлявшись, Кейли улыбнулась и продолжила:

– Кажется, вы не упомянули о своём возрасте, сэр.

– Вам не кажется, – ответил он, настороженно глядя на неё. – В августе мне исполнится двадцать один год...

– Чудесно! То есть, простите меня, это замечательно, конечно... Так вот, честно говоря, меня слегка удивил тот факт, что никакая леди до сих пор вас не окрутила... Ой! Не совсем приличное выражение, да? Но, пожалуй, среди офицеров и солдат и не такие словечки гуляют! В общем, знаете, сэр, я увидела в этом некий знак.

– Знак... в том, что я свободен?

Кейли буквально просияла, когда он понял её.

– Верно-верно! Ах, сэр, пока мы не вернулись к нашим родителям, я хочу дать вам понять, что со мной такое впервые. И если я покажусь наглой и беспринципной, пускай, мне всё равно! Мне кажется, что вы самый лучший мужчина из всех, кого я встречала. И больше всего на свете сейчас я хочу стать вашей женой.

Кейли изящно склонила голову и выдохнула. Она улыбнулась так ослепительно, глядя ему в глаза, что любой другой джентльмен, пожалуй, был бы растроган. Но капитана, видимо, её речь застала врасплох. Иного она и не ждала. Всю прогулку от него так и веяло дисциплиной и светской вежливостью. Кейли даже усомнилась в том, что он приехал в Стиллфилд по собственному желанию.

Но в его строгости и неловкости она находила некое очарование. Когда молодой мужчина уязвим и растерян, он становится немного ближе к даме сердца. А Кейли просто загорелась желанием стать для него этой самой дамой.

Он молчал уже, наверное, минуту, то прищуриваясь, глядя на неё, то кривя губы. Видимо, пытаясь переварить её предложение и всё обдумать без лишних слов. Девушка была готова ждать, сколько угодно, пока они находились наедине.

– Ох, теперь я вижу! У вас голубые глаза! – выпалила она с какой-то совершенно детской простотой. – Наверное, отныне это мой любимый цвет!

Эти самые большие голубые глаза вытаращились на неё с неподдельным удивлением. Пожалуй, он был в шоке. Кейли хотела засмеяться, потому что это было мило, но мигом одёрнула себя. Это не игра. Больше не до игр. Она влюблена, а сие вещь серьёзная.

– Честно говоря, я растерян... – произнёс капитан медленно. – Как это странно.

– Что именно, сэр?

– Вы меня не знаете, а уже утверждаете, что я – лучший на свете?

– Именно так!

Кейли снова заулыбалась, надеясь, что его настроение улучшится благодаря её очарованию, которого всегда хватало, чтобы мачеха или отец сменяли гнев на милость. Но капитан Стоун выглядел всё так же настороженно. Даже нервно.

– Вы ещё слишком юны и многого не знаете...

– С этим сложно не согласиться, сэр. Да, мне только пятнадцать, но я далеко не дурочка и со мной не скучно. Поверьте, я не стану пилить вас или устраивать скандалы на пустом месте...

На слове «пилить», однако, он всё-таки попытался улыбнуться, что вселило в Кейли надежду.

– Мы, конечно, знакомы всего пару часов, но почему-то я верю, что этого достаточно. Вы вежливый, обходительный и красивый...

Капитан попытался что-то возразить, но Кейли даже бровью не повела. Она решила использовать весь свой арсенал:

– Это нормально, если вы мне не верите и считаете наивной. Но провалиться мне на этом месте, если я неискренна! Если вы женитесь на мне, я стану самой лучшей женой, о какой офицер только может мечтать, клянусь! Буду слушаться и хранить в доме уют, это я умею. А ещё у меня весомое приданое, но об этом вы наверняка и так знаете...

Пока она болтала всякие девичьи глупости, капитан Стоун разглядывал её, как будто впервые увидел. Или как когда воришка видит перед собой огромный драгоценный камень, прикидывает его стоимость, а заодно поражается, до чего же он большой.

– И вы думаете, что ваш отец позволит этому браку случиться? – спросил он, наконец, едва девушка замолчала.

– Отец любит меня, я надеюсь, он пойдёт навстречу моим желаниям... Сэр, честное слово, для меня это необычно тоже, но я боюсь, что если вы не станете моим сейчас, то я буду жалеть до конца жизни!

Пожалуй, именно эти слова поразили его больше всего. Капитан Стоун приоткрыл рот, затем снова закрыл, ничего не сказав. Он выглядел таким обескураженным, что Кейли уже не хотелось смеяться и умиляться. Она вдруг испугалась, что он попросту посмеётся над нею. В конце концов, это был абсолютно девичий порыв. Глупый, хоть и искренний. Ещё минута, и она стала бы умолять его согласиться на

брак, однако позади неё раздался голос леди Клариссы. Она заметила их за деревьями и позвала вернуться к столу.

Приближалась буря, и несмотря на скорый дождь, ощущение жары становилось лишь сильнее. Гости пробыли в парке Стиллфилд ещё около получаса, и всё это время Кейли молилась про себя, чтобы капитан Стоун сказал хоть слово о том, что он согласен на брак и хочет этого не меньше неё. Но ничего подобного не произошло.

Кейли ещё никогда не чувствовала себя так подавлено. К тому же к повозке гостей провожала прислуга, а не она. А ей очень хотелось, чтобы капитан поцеловал её руку на прощанье.

Через несколько минут после ухода Эшбёрна и его сына к Кейли, застывшей у входа в парк, подошла леди Кларисса. Выведав всё, о чём девушка наболтала во время прогулки с капитаном, виконтесса с трудом сдержала смех, выдохнула и, наконец, сказала:

– Я поражена тому, как быстро ты попала на этот голубоглазый крючок, детка. Я тоже заметила, что он красив. А ещё я заметила, как ты в рот ему заглядывала там, в беседке. – Леди Кларисса улыбнулась, заметив, что падчерица покраснела. – В одном он прав. Ты ещё слишком юна... Но это не значит, что ты не можешь влюбиться. Ты поделилась своими чувствами, а он растерялся и не ответил на них. Тебя это задело?

Девушка утвердительно кивнула. Сейчас она прятала от

мачехи глаза. Леди Кларисса поняла, что бедняжка уже льёт по этому капитану первые слёзы. Виконтесса снисходительно вздохнула:

– Однако он же не сказал «нет», верно? А это значит, что не всё потеряно. Твой отец обдумает предложение Эшбёрна. Судя по тому, о чём мы беседовали без вас, этот человек весьма серьёзно настроен влиться в нашу семью.

Кейли шмыгнула носом и искоса взглянула на мачеху:

– Я бы не хотела, чтобы он заставлял своего сына выходить за меня... Я бы хотела, чтобы это было искренне.

Виконтесса не нашлась, что ответить. Как мало браков случилось по большой и чистой любви. И хотя она сама вышла за виконта по расчёту, им обоим не понадобилось много времени, чтобы полюбить друг друга. К тому же у виконта уже была Кейли. Из-за неё некогда суровая леди Кларисса стала совсем неженкой.

– Может быть, дадим твоему капитану чуть-чуть времени? – предложила она. – А заодно ты подумаешь над своим поведением и постарайся больше не шокировать его. Поверь мне, дорогая, некоторые мужчины до того хрупкие и уязвимые, что хитрости в них бывает меньше, чем в самой откровенной греческой пьесе.

На том леди Кларисса потрепала её по плечу. Кейли выпрямилась и, наконец, улыбнулась. Она кивнула, да так бодро, что лента в её волосах снова сползла. Девушка решила послушаться мачеху, как делала это раньше.

«Уж я постараюсь, изо всех сил постараюсь, – подумала она, глядя на пустую дорогу за пределами парка. – Ты ещё увидишь, Александр Стоун! Без драки я тебя ни за что не упущу!»

Едва повозка тронулась с места, он поспешил расстегнуть пару пуговиц мундира у горла. Мало того, что в такое пекло ему приходилось носить полное обмундирование без веской причины, так ещё и этот странный разговор с девчонкой Хардинг едва его не добил. Кто бы мог подумать, что какая-то мелкая богачка заставит его краснеть и ощущать себя полным дураком!

Эшбёрн, сидящий напротив, молчал недолго. Сначала он просто рассматривал Алекса, затем, наконец, спросил:

– Ну и что ты думаешь?

Ему не хотелось об этом говорить. Не хотелось снова притворяться, будто ему интересна перспектива жениться. Алекс упорно смотрел в окно, на голые зеленеющие равнины.

– Я спрашиваю, что ты думаешь о дочери виконта Саутфолка.

Опять этот тон. От него не спрятаться и не убежать, хоть за Атлантику плыви – и там настигнет. Алекс вздохнул и посмотрел отчиму в глаза.

– Невысокая и смазливая, совершенно невоспитанная и вульгарная девица, – сказал он, мысленно умоляя Бога, что-

бы Эшбёрн отмёл эту идею с Саутфолком. – Она меня разочаровала. Бывали девушки и получше неё... А ещё у неё волосы совсем прямые, ничуть не выются... Я впервые такие увидел...

– Ты, видимо, совсем слепой! – Эшбёрн ненадолго спрятав покрытое испариной лицо в ладони, затем вытерся платком. – Мало того, что она хорошенькая, так ещё и приданое, как у принцессы...

– Женитесь на ней сами!

Он смело выдержал тяжёлый обозлённый взгляд отчима, хотя у самого уже дрожали пальцы, так что он вцепился ими в колени. Повозку слегка тряхнуло, и на мгновение Алекс подумал, как хорошо было бы, развалилась она на куски...

– Даже если бы я и хотел, виконт не такой идиот, чтобы отдать свою пятнадцатилетнюю дочь за пожилого джентльмена, – произнёс Эшбёрн, сверля парня взглядом. – И я не только о себе говорю. Он бережёт её, как зеницу ока. Она – единственная наследница всего его состояния. Тот, кто отхватит этот кусок пирога, до конца жизни будет купаться в роскоши!

Алекс покачал головой, скривив губы:

– Она ещё дитя...

– Она станет взрослой уже совсем скоро! Ты что, действительно ничего не понимаешь? Ты думаешь, что имя твоей матери и жалкое звание, подаренное Веллингтоном, обеспечат тебя и твоего брата?

– И вас, разумеется.

Эшбёрн ухмыльнулся, откинувшись на спинку сиденья.

– Да, и меня. Ты болван, Александр! А Кейли Хардинг – самый лучший вариант из всех, что нам попадались! Её отца не так уж и сложно уговорить. Особенно после сегодняшнего вечера. – Мужчина стал пристально разглядывать его лицо, из-за чего Алексу захотелось выскочить из повозки на ходу. – Я видел её реакцию за столом. Она глазела на тебя, будто влюбилась, как дурочка. Да, я уверен, что это так. Что она тебе сказала в парке?

Капитан вкратце изложил, что ему предложила дочь виконта. Сначала Эшбёрн язвительно засмеялся, но вскоре умолк, приложив руку к подбородку. Он задумался.

– Всё даже лучше, чем я представлял. О Боже, да я потрясён! Она действительно была так откровенна? Сумасшедшее дитя! Если виконт не передумает и послушает свою дочь, считай, дело в шляпе!

От радости Эшбёрн едва не подкинул к потолку повозки свою резную трость.

– Поразительно, на что порой родители готовы ради своих детей!

– Жаль, что мне не так повезло.

Но отчим его даже не услышал. Он был слишком поглощён предвкушением новой победы. Алекс прикрыл усталые глаза, чтобы хоть ненадолго убежать от этой реальности, где за него всё решали другие, где его мнением никто не инте-

ресовался. Где он был игрушкой для битья.

Он бы хотел преподавать в училище дисциплины, но не хватало опыта и связей. Он бы хотел остаться в Бельгии или Франции, но это оказалось невозможно. А больше всего он хотел бы стать свободным. Но он никогда и не был свободен. Как детёныш волка, выросший в неволе. Если отпустить его, дворовой собаке, которой он стал, там не выжить.

Эшбёрн продолжал предаваться фантазиям о будущем, где виконт Саутфолк станет его роднёй, пока Алекс мысленно поднимался на сооружённый для него эшафот.

Глава 3

Март, 1819 год

Рединг, Беркшир, Англия

Тем прохладным мартовским утром в городском двухэтажном доме виконта Саутфолка, расположенном в одном из лучших районов столицы графства, было необычайно тихо. Прошлым днём хозяева гостили у своих друзей, и теперь отсыпались после бурной ночи. Можно сказать, что виконт давно так не веселился и до самого падения в постель бормотал, что счастлив был «дать жару» на той вечеринке.

Единственной, кто проснулся раньше родителей, была Кейли. Она не имела привычки спать допоздна, да и вряд ли танцы или пара бокалов шампанского могли лишить её сил и бодрости. Девушка уже месяц как вернулась из частного лондонского пансиона, а всё никак не могла отказаться от привычки одеваться и готовиться к завтраку самостоятель-

но. Она отвыкла от опеки домашней прислуги, хотя очень соскучилась по своей горничной Оливии, и теперь каждое утро просто забывала позвать её. За завтраком она была уже одета, причёсана и свежа, как распутившаяся роза.

Нынче утром девятнадцатилетняя Кейли Хардинг причесалась, облачилась в любимый домашний халат и шаль и преспокойно спустилась в холл, мурлыча какую-то песенку. Она улыбалась, вспоминая, как мисс Шарп негодовала по поводу множества её «вредных привычек», вроде громкого смеха, насвистывания мелодий посреди коридоров пансиона и кривляний за спинами учительниц. Впрочем, этим грешило большинство старших девочек, все они были подружками Кейли, но расставание с ними стало единственным неприятным воспоминанием, связанным с тем местом. В остальном Кейли лишь стремилась вернуться домой.

Девушка прошла мимо лакея, забрав у него почту с благодарной улыбкой. Затем посетила кухню, утащив у миссис Ридс кусочек свежего хлеба, зашла в гостиную, чтобы поправить штору на окне и взглянуть на строящуюся ратушу напротив их дома, и лишь тогда взглянула на пару писем.

Одно из них предназначалось её отцу. Кейли отложила конверт, затем внимательно изучила второй, присланный на её имя. На мгновение её сердце упало, потому что она узнала обратный адрес. Это определённо был плохой знак.

И вот, дрожащими пальцами она распечатала конверт и прочла содержимое открытки, оказавшейся в нём. Не пове-

рив в то, что только что прочла, она сделала это снова. Она была без очков, поэтому поднесла открытку близко к лицу.

Кейли замерла, будто статуя. Недоеденный кусочек хлеба выпал из её пальцев на ковёр. А затем она издала такой громкий и пронзительный крик, что, пожалуй, он смог бы поднять из могилы призрак короля Генриха I, чьё аббатство находилось в том же районе города.

Разумеется, весь дом мигом встал на уши. Виконт с супругой проснулись, чуть не подскочив с постели и, едва поспевая запахнуть халаты, спустились вниз. Тут уже и половина всего штата прислуги сбежалась. Начался такой галдёж, что разогнать их смог лишь громкий приказ виконта.

– Детка, что за визги?! Я уж было решил, что у нас пожар!

– Или очередные военные действия начались, – заметила леди Кларисса.

Кейли, разумеется, уже не кричала. Она просто стояла около столика, смяв в руке открытку. Побагровев от злости, она протянула открытку мачехе:

– Что это?! Что это такое?!

Совершенно спокойная леди Кларисса взяла (не без труда) из цепких пальцев девушки смятый клочок и прочитала.

– Как она смеет?! Как смеет эта стерва посылать мне такое! – Кейли вцепилась руками в спинку ближайшего кресла, просто потому что ей нужно было что-то сжать. – Она лжёт! Лжёт! Мама, вы вообще в курсе, что это всё значит?

Виконт стоял позади супруги, хлопая глазами, как сонный

филин. Он ничего не понимал, пока жена не дала ему прочесть злополучную открытку. Лишь после этого он выдохнул и с тяжким вздохом опустился в кресло.

– Ты всё об этом капитане Стоуне! Господь Всемогущий, Кейли! Я думал, ты им уже переболела!

– Папа!!!

– Ну всё, всё! Прекрати истерику!

– Папа, я сотню раз говорила тебе, что всё, что я делала, и в том числе этот дурацкий пансион – всё это ради него!

– Боже, помоги мне...

Тогда леди Кларисса лениво пригладила свои каштановые кудри, затем сказала:

– Для начала, успокойся. Ты и так устроила для прислуги представление с утра пораньше. Достаточно на сегодня сцен. Во-вторых, с каких это пор Ребекка Ноксвелл решила, что выходит замуж за Александра? Мы виделись с лордом Эшбёрном в прошлом месяце, и он сказал, что его сын остаётся в Лондоне до середины марта, пока не закончатся курсы у его солдатиков. Ни о какой свадьбе и речи не шло.

– Эта Ребекка просто змея! – произнесла Кейли. – Она прекрасно знает, что я люблю Александра Стоуна, и пока я торчала в том пансионе, она крутилась вокруг его отчима. Она хочет за Александра замуж, я знаю это!

Затем девушка вдруг приложила ладонь к груди, прикрыла глаза ненадолго и опустилась на краешек подоконника.

– А вдруг она встречалась с ним и за пару недель они так

сблизились, что он решил жениться на ней? О, папа-а-а...

– Успокойся, дорогая! Твой капитан настоящий кремень¹, вот уж воистину! Да ни одна столичная девица не сумеет его охомутать, поверь мне.

– Ребекка Ноксвелл знает его всего полгода, а ты уже почти четыре, – заключила леди Кларисса. – И вряд ли Эшбёрн промолчал бы о таком. Уж я успела его изучить. Он так хочет, чтобы вы с его сыном поженились, что готов был бы похитить любую другую леди и спрятать её куда подальше, лишь бы тебе не мешать.

После такого Кейли действительно успокоилась. Ей, конечно, всё ещё было горько из-за открытки, но она поверила, что это был лишь фарс ради обмана.

– Эта твоя мисс Ноксвелл – пустоголовая кукла, – улыбнулась виконтесса. – Ей всего семнадцать, но вряд ли с годами она поумнеет. Капитан Стоун даже не взглянул бы в её сторону, а эта жалкая попытка тебя одурачить может обернуться для неё катастрофой. Если, конечно, ты решишь обнародовать содержание этой открытки, тогда все узнают, что она – пустомеля. Это станет для её семьи позором.

Виконт с любопытством слушал жену, затем перевёл взгляд на дочь, которая молчала ещё около минуты. Она выглядела слегка бледной и растерянной. Но, в конце концов, Кейли поднялась, выпрямила спину и произнесла:

– Я порву это и сожгу в камине вечером... Но это не зна-

¹ Фамилия Stone переводится, как «камень»

чит, что я прощу её когда-нибудь!

Леди Кларисса осталась довольна таким решением. Пока Кейли не ушла, она напомнила ей, что завтра они идут на скачки, делать ставки.

– Я слышала, что твой капитан может прийти туда, – разговорчески заметила леди Кларисса.

Остановившись на второй ступеньке лестницы, Кейли даже не подняла головы, не взглянула на родителей. Но мачеха заметила, как она ненадолго зажмурилась. Затем девушка почти бегом помчалась наверх.

Виконт Саутфолк устало покачал тяжёлой головой. К лёгкому утреннему похмелью ему как раз не хватало любовной лихорадки его дочери.

Семейство Ноксвелл было знаменито тем, что лет сто назад один из их предков прославился из-за большого и значительного вклада в армию, чем заслужил расположение Его Величества, тогда ещё Георга II. И Кейли осознавала, что, решив капитан Стоун или его отчим породниться с ними, то даже у неё не осталось бы шансов. Поэтому с самого утра, пасмурного и хмурого, она выискивала в толпе соперницу или хотя бы родственников Ребекки Ноксвелл. В конце концов леди Кларисса взяла её за руку и успокоила: никого из них на сегодняшних скачках не было.

Попутно Кейли, разумеется, искала капитана, однако его поблизости тоже не оказалось. Утро началось ужасно, и на-

строение девушки становилось всё хуже. Ей было всё равно, на какую лошадь поставить. За неё это сделала мачеха.

К девяти утра на ипподроме стало очень шумно, и Кейли пожалела, что вообще выбралась сегодня из постели. К тому же, буквально за несколько минут до начала соревнования, к ней попытался подсесть молодой лорд Тревис, сын одного дипломата – богатый и самовлюблённый, как римский император – и Кейли едва удалось от него избавиться, освободив тем самым место рядом с собой.

Она не следила за стартом и за лошадьми, однако, когда услышала над собой знакомый голос, мигом оживилась.

– Лорд Эшбёрн! Какими судьбами? – виконтесса первая протянула ему руку. – Садитесь, скорее, к нам, пока очередная скучная персона не стала катализатором моей мигрени.

– Рад, что мне посчастливилось спасти вас хотя бы таким скромным способом.

– Вас скромным не назовёшь, сэръ!

Они с леди Клариссой перебрасывались манерными приветствиями ещё долго, разговаривая через Кейли, которая едва сдерживалась, чтобы в лоб не спросить про Александра. Прошёл уже час, и начал накрапывать мелкий колючий дождь, так что спустя тонну болтовни и сплетен из Палаты общин, всё внимание переключилось на английскую погоду.

И когда Кейли уже изорвала вторую местную брошюру, леди Кларисса, наконец, заинтересовалась насчёт капитана

Стоуна.

– Он опаздывает, – бросил Эшбёрн грубоватым тоном. – Я думал, что его негодный брат станет моим последним разочарованием, но Александр в последнее время совершенно дурно показывает себя в обществе. Он озабочен лишь повышением по службе и только...

Кейли молчаливо удивилась. Она слышала, что младший Эшбёрн слыл лентяем и любителем праздной жизни, так, что даже родной отец его не жаловал, но подробностей не знала. Что же до капитана...

– Наконец-то! Помяни чёрта! – пробормотал лорд Эшбёрн, и девушка взглянула туда же, куда и он.

Капитан Александр Стоун приближался к ним твёрдой уверенной походкой, держа достойную осанку; он выделялся из толпы не только из-за офицерского обмундирования и роста, Кейли готова была поклясться, что и воздух, и атмосфера вокруг него были иными; с годами его взгляд стал острее, и лицо более суровым, однако он всё равно внешне почти не изменился. Такой негибачаемый, прямой и серьёзный. Каждый раз при виде него у Кейли захватывало дух.

Пока он не подошёл к их ряду, девушка сама едва не подскочила, благо леди Кларисса быстро её одёрнула и вернула с небес на землю. После короткого приветствия и поцелуев рук леди, Эшбёрн вдруг пригласил виконтессу прогуляться, ведь первый этап скачек как раз завершился.

Провожая мачеху взглядом, Кейли снова начала панико-

вать, как и каждый раз, стоило ей остаться с капитаном наедине. И пусть случалось это не часто (за три с лишним года они встречались только восемь раз), она никак не могла привыкнуть к жуткой нервозности. Кейли знала, что начнёт болтать чепуху, типичную девчачью чепуху, а такому, как капитан Стоун, всё это было неинтересно.

Кейли сделала глубокий вдох и мысленно воззвала к собственному рассудку. Пора было взять себя в руки и показать этому мужчине, что она больше не маленькая глупая болтушка.

Да, он всегда был не слишком разговорчив. Да, он явно скромн и даже иногда стеснителен. Каждый раз Кейли приходилось самой «вытягивать» из него слова и начинать беседу. Любую другую леди это могло бы насторожить: обычно офицеры вели себя иначе, тем более с юными красавицами. Но каждый раз стоило ему заговорить, и не так важна была тема, Кейли забывалась настолько, что она могла лишь смотреть на него и буквально отключаться от реальности. Так случилось и в этот раз.

Девушка моргнула, будто только что проснулась, и спросила:

– П-простите, что вы сказали?

– Я говорил о том, что поставил на чёрную венгерскую сегодня...

– Ах, да! Отличный выбор! Хотя я не слишком в этом разбираюсь. А мне леди Кларисса посоветовала сделать ставку

на австралийскую кобылу.

Капитан Стоун кивнул и улыбнулся, а Кейли захотелось поцеловать его, и плевать, что вокруг было столько народу, да ещё и целая куча знакомых со всего графства. Кроме поцелуев, конечно, было ещё много чего приятного, судя по рассказам замужней Аниты. Кейли поспешила отогнать непрошенные мысли. А затем случилось то, чего она уж явно не ожидала. Капитан пригласил её пройтись по аллее, за пределами мероприятия.

Дождь прекратился, даже ветер стих, так что шум крон высоких деревьев в парке стал едва слышен.

Она шли бок о бок по широкой дорожке, и, едва миновав большое скопление посетителей, капитан Стоун убавил шаг.

– Знаете, сэръ, вы совсем не изменились с нашей последней встречи, – заметила Кейли. – Я слышала, что военные дела отражаются на лицах мужчин, пока они молоды. И на их манерах, и на походке, и так далее.

– Да, я помню. Мы виделись на обеде у герцога Веллингтона. И на вас было красивое голубое платье...

– Так вы и это не забыли?

Он скромно улыбнулся, мельком взглянув на неё:

– Разумеется. Вы там были самой очаровательной леди. Бесспорно.

После такого ей бы хотелось громко завизжать от радости, но Кейли напомнила себе, что она уже не в том возрасте, чтобы падать в обморок после каждого комплимента.

– Благодарю вас, сэр, однако жаль лишь, что вы полдня проговорили с мисс Ребеккой Ноксвелл, – напомнила она, кокетливо улыбнувшись. – Я была немного обижена.

– Действительно, жаль, – ответил он. – Но мисс Ребекка была настойчива, и от неё оказалось нелегко отделаться. Да я и не хотел грубить.

– О, разумеется! И в настойчивости Бекки не откажешь!

Она засмеялась, желая лишь, чтобы он смеялся вместе с нею, но он этого не сделал. Кейли заметила, что сегодня он выглядел ещё серьёзнее обычного. Это было странно.

А затем он вдруг остановился. За ним и она. Капитан посмотрел по сторонам, явно проверяя, не было ли кого поблизости, и лишь потом посмотрел на свою спутницу. Кейли насторожилась. Он был необычайно напряжён, она сразу это заметила. Почему-то именно в этот момент ей хотелось, чтобы мачеха оказалась рядом.

– Миледи, мы с вами давно знакомы, – произнёс Александр, наконец. – Я до сих пор иногда вспоминаю день, когда впервые приехал в Стиллфилд...

– Да, и я помню. Я была несколько откровенна и прямолинейна.

– Прошло столько времени, а вы всё ещё так охотно со мной общаетесь...

Кейли чуть нахмурила лоб:

– Почему это я не должна общаться с вами?

– Вы же дочь виконта. С вашей безупречной репутацией

и тем более таким положением, вы могли бы отыскать друга гораздо... солиднее, чем я.

Постепенно девушка стала понимать, к чему он клонил. И тогда она осознала, что это был один из решающих моментов её жизни. Однажды она уже говорила себе: даже если отец будет против, даже если весь мир скажет, что она не сможет быть с тем, кого любит, она отвергнет их всех, и весь мир, и пойдёт за ним.

– Друга... – повторила Кейли задумчиво, затем посмотрела капитану в глаза. – Сэр, меня воспитывали, как леди и наследницу своего отца. Меня вырастила самая прекрасная и добрая женщина из всех, кого я знаю. Папа вложил в меня столько надежд, что и в голове не укладывается. Однако они оба всегда твердили мне оставаться собой. Наверное, поэтому я сегодня стою здесь, перед вами. Как бы там ни было... знайте, сэр, что дружба с вами... это самое драгоценное, что у меня есть. Не репутация, не имя... а именно это.

Он всё ещё смотрел на неё пристально, не изменившись в лице. Руки он держал за спиной, и иногда Кейли замечала, что плечи у него слегка дёргались.

– Так вы даже не думаете отказываться от тех слов, – сказал он вдруг, и она поняла, что он говорил о дне их знакомства.

– О том, что я люблю вас? Я-то, может, и изменилась. Но не мои чувства, это уж точно.

– А если я вовсе не так хорош, как вы считаете?

Она даже не задумалась:

– Сомневаюсь, что есть нечто такое, что заставит меня передумать.

Капитан Стоун улыбнулся, вернее, попытался это сделать. Получилось вымученно и неискренне.

– Всё ещё наивно и так по-детски.

– Пусть. В этом вся я.

– И вы были бы готовы связать свою жизнь с офицером, хотя ваша семья и влияние вашего отца могли бы открыть вам дороги куда более перспективные?

Когда он произнёс это, Кейли попросту проигнорировала смысл предложения. Самое главное для себя она уловила.

– Знаете, сэр, я готова подождать ещё хоть год, или два, или пять, – она почти засмеялась, – или десять, и никто, даже отец, не заставит меня делать то, чего я не пожелала бы.

Он кивнул сам себе, будто бы пришёл к некоему заключению. Затем снял головной убор и выпрямился, как по стойке смирно, а Кейли сжала пальцы в кулак так, что ногти до боли впились в ладонь.

– Значит, вы окажете честь стать моей женой?

Это было совсем не романтично, даже неуклюже и однообразно. Но Кейли было всё равно. Любовь затуманила ей разум настолько, что, превратись Александр в гнома или жабу сию же секунду, она бы не передумала. Она кричала внутри себя о долгожданной победе и не могла поверить, что это происходило с ней.

Кейли Хардинг, дочь виконта Саутфолка, наконец, добилась своего.

Глава 4

Это был самый благоприятный день для свадебной церемонии. Минимум гостей, в самые кратчайшие сроки, к тому же не далеко от загородной резиденции виконта – буквально каждая мелочь говорила о том, как всё удачно складывалось. Графиня Бриджертон накануне даже разложила карты, загадав, удачно ли пройдёт венчание. Результат оказался положительным, и молодая женщина осталась довольна.

В течение трёх недель Анита Спенсер следовала за своей подругой – по всем модным салонам Рединга, Саутгемптона и даже Лондона, несколько раз она даже оставалась в доме виконта на ночь, чтобы взволнованная до дрожи невеста не переживала грядущие события в одиночку. Кейли выросла буквально у неё на глазах, и Анита была счастлива увидеть её такой – предвкушающей, в триумфе и любви. Однако чем ближе был день свадьбы, тем больше волнения ощущала сама графиня Бриджертон.

Вскоре поползли слухи. Разумеется, и Кейли, и её семья были к ним готовы, но Анита не могла отделаться от мысли, что на этот раз светские сплетни оказывались не такими уж и беспочвенными. Во-первых, лорд Эшбёрн настаивал на самой скорой свадьбе, которую он также желал контролировать. Казалось, никого больше сей факт не смущал, только вот миссис Спенсер ощущала неладное. И всё бы ниче-

го, но прошёл слух, что младший брат Александра Стоуна – Джордж Эшбёрн – влез в такие долги, что даже его дражайший отец ничем помочь не мог. Все знали, что Кристофер Эшбёрн разорился несколько лет назад, и с тех пор пытался сделать всё, чтобы хоть как-то протянуть в высшем обществе. Ни именитый род его покойной супруги, ни полуразрушенные владения в северной деревушке Фаунтинс не спасали его от настигавшей нищеты. Все последние средства он вкладывал в импорт товаров из Индии – но даже торговать у него получалось дурно. И вот, младший сыночек окончательно подвёл. Теперь Эшбёрн надеялся на руку помощи от виконта и жаждал получить её, как можно скорее.

Анита знала это, Кейли тоже знала, но она была так ослеплена любовью к капитану Стоуну, что ни один слух уже не смущал её. Вдобавок ко всему, многие их подруги (а значит, и их именитые семьи) восприняли этот союз как вызов титулованному обществу. Дочь виконта и какой-то капитан с позабытой для всех родословной, пусть даже и герой Битвы при Ватерлоо – для кого-то это оказалось неприемлемо.

Юная леди Хардинг, конечно, разочаровывалась, получая очередной отказ от знакомых посетить её свадьбу, но мигом забывала об этом. Анита наблюдала, как Кейли порхала по спальне, опьянённая своей любовью. Она убеждала подругу, что капитан, разумеется, в скором времени получит повышение, а при должных связях и работе даже титул.

Леди Кларисса качала головой, повторяя слова супруга о

том, что, хоть титул виконтессы у Кейли сохранится и в замужестве, это не даст никаких привилегий капитану Стоуну, а по сути, им обоим.

Что же до самого виконта... Едва ли он смирился с выбором своей дочери. Но стоило отдать ему должное. Её счастье он поставил выше принципов и наследственности.

Итак, к началу апреля все приготовления были позади, все бумаги подписаны, все формальности соблюдены. И наступило тёплое солнечное утро, когда в церкви Святого Мартина, на юге Рединга, графиня Бриджертон вместе с супругом поднялись со скамьи и обернулись, чтобы взглянуть на вошедшую под руку с виконтом невесту.

Анита улыбалась, глядя на свою прелестную подругу. На Кейли было очаровательное белое платье из шёлка, с достаточно короткими рукавами и двумя рядами кружевных оборок на юбке. Волосы девушки уложили в высокую причёску, так что всё внимание было приковано к бриллиантовому ожерелью на её открытой шее. Подарок от виконта, достойный Королевы.

Невеста прошла мимо, и графиня Бриджертон попыталась разглядеть её скрытое под длинной фатой лицо. Аните показалось, что Кейли совершенно бледна, а зелёные глаза смотрели вперёд, не мигая, будто загипнотизированные. Поначалу это показалось забавным. Её озорная подружка, и вдруг серьёзная, почти напуганная. Невообразимо...

Леди Анита Спенсер взглянула на жениха возле алтаря и

насупилась. Её давно начала раздражать его манера стоять по стойке смирно, глазеть в упор с каменным выражением лица и кривить губы, словно в одном месте у него застряла кочерга. Супруг подсказывал Аните, что в училище и на поле боя капитан Стоун имел репутацию строгого и жёсткого офицера, который не терпел ошибок и неподчинения. Анита с горечью представляла свою жизнерадостную и светлую, как лучик солнца, подругу рядом с этим негибачаемым холодным мужланом, и поверить не могла в то, что Кейли готова была связать с ним судьбу.

После клятв, произнесённых обоими молодыми людьми так тихо, что, пожалуй, даже священник едва расслышал, настало время для первого поцелуя. Анита вспомнила все полуночные рассуждения подружки на эту тему, и каким волнительным и прекрасным будет долгожданный момент... Но в реальности всё получилось сухо и быстро. Графиня в возмущении распахнула глаза после того, как капитан наскоро, едва прикоснувшись губами к щеке невесты, поцеловал девушку и тут же опустил её фату. Анита посмотрела на своего мужа, и тот еле пожал плечами. Мол, странно всё это.

Праздновать и гулять семья невесты планировала два дня, затем молодожёны должны были отбыть в небольшое поместье Гринвейв, находящееся на острове Уайт и принадлежащее виконту Саутфолку. Разумеется, лорд Эшбёрн предлагал и свои владения в Фаунтинс, однако их ещё предстояло привести в порядок. Но леди Кларисса настаивала, чтобы

молодые не уезжали так далеко на север. Словно что-то подсказывало ей держать Кейли поблизости.

Но то были лишь грядущие дела. Сейчас, после церемонии, запыхавшаяся от спешки Анита Спенсер отыскала Кейли за оградой территории церкви. Девушка сидела на кривом поваленном бревне и сосредоточенно смотрела вперёд, на просторное поле и горизонт, где виднелся город. Фата с закреплённым на ней ободком и белыми цветами лежала рядом.

Не успела Анита подойти совсем близко, как услышала голос подруги, звучащий так, словно он ей вовсе не принадлежал:

– Скажи, что со мной не так?

Графиня помотала головой:

– С тобой, дорогая? Ничего! Всё с тобой хорошо...

Она присела рядом с Кейли и взяла её руку в свою.

– Но со мной определённо что-то не так.

– Ох, милая! Это из-за свадебной суеты? – спросила Анита, но затем осознала, что дело было не в самой церемонии. – О, Боже, Кейли! Только не говори, что этот капитан Стоун натворил что-то такое...

А потом Кейли посмотрела на неё, и на лице теперь уже замужней девушки отразилась такая боль, что на мгновение графиня всерьёз испугалась.

– Во время церемонии я заметила, как ты была расстроена. Всё же шло неплохо до сих пор. И с самого утра ты была

такое оживлённой и бодрой... Кейли! Что случилось? Что он сделал?

С минуту она молчала, то ли пытаясь подобрать нужные слова, то ли от сильного волнения. Она явно не хотела говорить, но, возможно, всё же решила не оставаться со своей бедой наедине:

– Примерно за час до церемонии, когда мы все прибыли, и я отошла подышать свежим воздухом, то он... я говорю о капитане... он отыскал меня возле тропы, за церковью. Ну, ты знаешь, та, что ведёт к озеру... Я так обрадовалась, когда увидела его! Такой красивый в этом его красном мундире, высокий и статный! Я подумала, он захотел узнать о моём состоянии или рассказать, что он на самом деле тоже взволнован... Когда он подошёл ко мне так близко, я заулыбалась, как полная дура, и совсем забыла, что мы приехали порознь, а он не должен был видеть меня до алтаря...

Кейли сделала глубокий вдох, а затем скривилась так, словно половинку лимона съела. Так бывало, когда она собиралась заплакать, но изо всех сил сдерживалась. В итоге, она никогда ни слезинки не роняла.

– Он действительно искал меня, чтобы поговорить. Но не о том, о чём я воображала. Он сказал, что благодарен за мою доброту, а также приданое, которое так нужно было его отцу и брату... А потом он сказал... Боже, его голос звучал, как из-под могильной плиты, или мне только показалось!.. Он сказал, что позволяет мне вести такую жизнь, какую я только

захочу. И что мы оба можем делать вид, будто нас друг для друга не существует.

Она отвернулась и сидела так, пока графиня Бриджертон пыталась осознать услышанное. Нет, разумеется, только дурак не понял бы, что капитан Стоун не настолько влюблён. Да и, пожалуй, просто не разделяет тех чувств, которыми переполнена Кейли, но чтобы оказаться настолько жестоким и категоричным! Анита была поражена.

– Ты, конечно, попыталась узнать, отчего он так думает, да? – спросила она, когда Кейли снова повернулась к ней в профиль. – Не может же быть всё так плохо!

– Да, я попыталась... Он ответил что-то про формальности и расчёт, а потом соорудил на лице такую гримасу из нетерпения и недовольства, что мне разрыдаться захотелось... И он сказал, что, несмотря на то, что ничего ко мне не чувствует, брак с ним не станет мне обременением. Анита! Он буквально отверг меня прямо перед церемонией!

– Но вы всё равно поженились, и дали клятвы, и...

– А что мне оставалось делать? Всё отменить? Устроить скандал, чтобы дать повод для ещё более ужасных сплетен? О том, что дочь виконта выбрала в мужа обыкновенного офицера, и так весь Беркшир судачит! А если бы я резко ворвалась в церковь и начала срывать со скамеек те чёртовы ленточки и цветы и кричать, словно сумасшедшая, что он меня не любит... какой был бы позор для семьи!

Анита с шумом втянула воздух, глядя на покрасневшие,

но сухие глаза подруги. У Кейли тряслись губы, и лицо побледнело. Пожалуй, останься она тут одна, случилось бы нечто кошмарное.

– Дорогая, но неужели нельзя было поступить иначе?

– Нельзя!

– А раньше ты не догадывалась, что он женится на тебе лишь по расчёту?

Кейли на мгновение задумалась, потом стала открывать и закрывать рот, словно рыба, выброшенная на берег, настолько она растерялась.

– Я думала, что существует хотя бы симпатия. Я думала, что он не чёрствый и холодный охотник за деньгами, хотя готова была хоть всё своё состояние отдать, лишь бы он был рад! – Она прижала ладонь к груди и ещё крепче сжала в другой руке пальцы подруги. – Я думала, что моей любви хватит, и вскоре я так оживлю его, что у него просто не останется выбора, как полюбить меня в ответ! О, Господи, Ани-та! На что я согласилась? Что я натворила?!

И вот тогда она разрыдалась, бросившись ей на шею, как не делала с тринадцати лет, со дня, когда умер один из псов её отца по имени Брут. Это был прелестный ирландский волкодав, белый, с умнейшими глазами, и Кейли очень его любила. И хотя он прожил долгую достойную жизнь и умер от старости, девочка плохо перенесла эту потерю. В тот день она плакала, словно ушёл член их семьи. Но никогда с тех пор Кейли не позволяла себе таких слёз.

Графиня обняла девушку, и стала нежно гладить её по спине. Ей хотелось так много посоветовать, а лучше всего пойти и дать пощёчину этому грубияну, ставшему мужем её лучшей подруги.

Когда голоса гостей возле церкви стали громче, видимо, отсутствие леди уже затянулось, Кейли сама отстранилась, утёрла глаза и наспех надела фату, аккуратно её распрямив.

– Я была так шокирована, что даже не сообразила остановить этот фарс под названием венчание, – произнесла она, успокоившись. – Пока я стояла там, перед ним, мне хотелось провалиться от стыда. Мой избранник не любит меня, и он честно в этом признался, хоть и так поздно, ха!

– Он действительно так и сказал?

– Он словно манифест передо мною зачитывал! Сказал, что будет признателен, если мы останемся кем-то вроде партнёров и не будем надоедать друг другу. Но я поняла, что он намекал на меня. Чтобы я ему не мешалась.

– До сих пор не верится, что он так поступил, – графиня быстро обернулась, проверяя, не шёл ли к ним кто-нибудь. – Нужно срочно сообщить твоей мачехе!

– Нет! Умоляю, Анита!

– Почему? Ясно, что ты не хочешь ещё больше расстраивать Его Милость, но леди Кларисса должна знать, как этот негодяй с тобой обошёлся. Она что-нибудь придумает и...

Кейли схватила её за руку, когда графиня поднялась, затем вдруг обняла подругу.

– Прошу, никому не говори! Мама ничего не захочет знать, она тут же устроит лорду Эшбёрну взбучку и заставит меня развестись.

– Неужели ты готова терпеть этого капитана после того, как он признал тебя пустым местом? – спросила Анита шёпотом.

Несчастливая побледневшая невеста отстранилась, и через ткань фаты Анита увидела её мгновенно посерьёзневшее лицо. словно лицо ребёнка, которому пришлось повзрослеть за пару часов.

– Я хочу сама с этим разобраться. Анита, я в этом виновата не меньше. Я так сильно его хотела, что забыла о собственной гордости. А сейчас, когда уже всё случилось, нельзя просто взять и вернуть на свои места.

– Как ты с этим справишься одна?

– Мне нужно подумать. А, возможно, ещё раз с ним поговорить. Что скажешь?

Анита тяжело вздохнула и сжала руки подруги в своих. Её пальцы были холодными.

– Как твоя старшая наставница на протяжении уже нескольких лет, я бы сказала, что твои детская увлечённость и капризы привели к этому дню. Ты действительно ничего вокруг не замечала, а теперь попала в ловушку. Ребёнок в тебе до сих пор никуда не исчез, – затем она покачала головой и отпустила руки Кейли. – Но как твоя подруга, я бы хотела придушить его, а лучше заставить тебя развестись сей

же час. Как твоя подруга, я вижу, что ты желаешь принимать решения и самостоятельно нести ответственность за их последствия. И, возможно, с такой фантазией, как у тебя, ты найдёшь выход... даже без чужой помощи.

Им пришлось быстро вернуться, потому что новобрачная и так заставила гостей ждать. Для всех, кроме Кейли и Аниты, празднество продолжалось в том же духе. А графиня Бриджертон ещё долго сверлила взглядом красный мундир капитана Стоуна, желая лишь одного – прожечь в нём дыру.

В тот день она почти ничего не съела. А вечером, сидя за праздничным столом, едва могла смотреть на богатое изобилие блюд и напитков. Даже излюбленный виконтом херес, который Кейли хотела попробовать уже давно, теперь её не интересовал. Целый день она играла роль счастливой новобрачной, как и её муж играл свою. Но на него практически никто не обращал внимания. В какой-то миг капитан Стоун вообще исчез из поля зрения Кейли, и она жутко позавидовала ему. Ей не положено было никуда сбегать.

Она всё ещё надеялась объясниться с ним и понять, можно ли сделать так, чтобы он хоть немного поделился своими искренними чувствами. В конце концов, они знали друг друга не один год...

За этой мыслью Кейли почти нервно рассмеялась. Оказалось, настоящего Александра Стоуна она вовсе не знала.

А мачеха всё норовила вывести её на разговор. Ближе к

закату она крутилась вокруг Кейли, пока мужчины находились в курительной комнате, желая разузнать, отчего она так себя ведёт. И где, собственно, пропадает её супруг. Улыбаясь и ссылаясь на усталость, Кейли повторяла, что всё прекрасно. Однако, судя по недоверию на лице леди Клариссы, женщина не купилась на это.

Когда большая часть гостей отбыла, и пришло время для отдыха, Кейли была так измотана и расстроена, что буквально пропускала мимо ушей то, о чём пыталась сказать ей ма-чеха:

– В конце концов, мы с тобой уже обсуждали это... точнее, пытались обсудить. Ох, детка! Как неожиданно ты стала взрослой!.. Помню тот день, когда ты испугалась своей первой... хм, в общем, сегодня произойдёт примерно то же самое...

Кейли едва улавливала смысл её слов, поднимаясь из-за стола. Она лишь заметила, как Уильям Хэффнер, племянник её покойной матери, пристально наблюдал за нею с другого конца большого обеденного стола. Он ухмыльнулся тогда, сверкнув тёмными глазами так, будто задумал нечто увлекательное, а после отвернулся и снова принялся за бренди.

– Ты слушаешь меня? Понимаешь, что произойдёт? – Леди Кларисса потрясла Кейли за плечо, и девушка с улыбкой кивнула. – А вот мне так не кажется! В такие моменты тебе не остаётся ничего иного, как довериться мужчине, понимаешь?

– Довериться?

– Да, своему мужу. В первую ночь всегда бывает... неприятно. Ох, не смотри на меня так. Я говорю о том, о чём графиня Бриджертон нашёптывала тебе ещё четыре года назад!

Кейли сглотнула и сделала глубокий вдох. Вот так да. Об этом она как раз-таки и забыла. Интересно, а как быть, если супруг считает тебя пустым местом? Он всё равно обязан делать то, что обязан?

– Но потом, поверь мне, когда наступает... гармония... всё становится куда лучше.

«Возможно, у тебя с папой так и есть, – подумала Кейли с горечью. – А как быть мне?»

Кейли снова, упрямо и настырно, напомнила себе, что этот путь она выбрала сама. Что мысль о разводе не промелькнула в её голове ни разу за этот день. Что каждый раз, глядя на Александра, ей хотелось лишь одного – стать для него единственной возлюбленной. Она даже не понимала, злится ли на него вообще.

На большой парадной лестнице леди Кларисса вдруг остановила её, затем обняла и прошептала, что всё будет хорошо.

– Моя девочка. Сумасбродная и несносная. Никогда не меняйся!

Виконтесса улыбнулась и погладила Кейли по щеке. «Если бы я не была такой дурой, – подумала она, – я бы уже всё ей рассказала!»

В гостевой спальне, где ей с мужем предстояло провести

ночь, Оливия и две другие молоденькие горничные помогли Кейли раздеться и причесаться. Она выдержала их обоюдное молчание и хитрые улыбки с огромным трудом, словно пытку, а когда девушки ушли, уселась на край постели, заправленной свежим бельём, и принялась щипать себя за руку, чтобы хоть как-то оставаться в сознании. Даже в лёгкой ночной рубашке и тонком домашнем халате ей было ужасно жарко.

Если он не придёт, это кто-нибудь да заметит. А если придёт, то что будет делать?

Он сказал, что благодарен ей за брак по расчёту. И явно намекнул, что, как жена, она его не интересуется.

Кейли медленно сходила с ума в одиночестве, прислушиваясь к каждому шороху за дверью. Наконец, в первом часу ночи, раздался громкий щелчок, и дверь отворилась. Александр вошёл в спальню, и, глядя на него, Кейли уже не понимала, чего на самом деле хотела: забиться от него подальше в угол комнаты или заставить его страдать такими способами, о которых он и не знает.

В любом случае, он пришёл. Кейли в последний раз ущипнула себя и подумала, что этой ночью она заставит его говорить.

Глава 5

Он прошёл на середину комнаты, совсем близко от постели, на которой сидела Кейли, и огляделся, но с таким видом, будто здесь кроме него никого не было. Словно она

действительно была пустым местом. Затем Александр вдруг стал снимать с себя пиджак. И вот тогда, едва Кейли с шумом втянула носом воздух, он соблаговолил к ней обратиться:

– Умоляю, только без сцен. Я не собираюсь ничего делать.

Мало того, что он даже не взглянул на неё, его голос прозвучал совершенно отстранённо и лениво. Будто она была не его женой, а каким-нибудь старым приятелем из военного училища.

Александр снял пиджак и жилет и небрежно повесил их на край ширмы. Затем обошёл кровать и уселся с другой стороны, чтобы снять сапоги. Всё это время Кейли боялась пошевелиться. Она ничего не понимала и не знала, чего ожидать. Станет ли этот странный человек требовать от неё исполнения супружеских обязанностей прямо сейчас или будет тянуть до последнего?

Девушка вздохнула и повернулась к капитану. Она достаточно долго глядела ему в спину, затем, наконец, решила, что пора всё прояснить, и заговорила первой:

– Что вы намереваетесь делать теперь?

Он не ответил. Лишь поднялся, бросил сапоги возле большого сундука, затем налил себе из графина воды и залпом осушил стакан.

– Всё, что вы сегодня мне сказали, мол, наш брак – это лишь расчёт и ничего более... за что вы так со мной?

Александр снова промолчал. Но она заметила выражение недовольства на его красивом лице. Затем он расстегнул

верхнюю пуговицу рубашки и встал напротив окна.

– Что такого ужасного я сделала, чтобы заслужить это? В чём причина?

Кейли не унималась. Она не собиралась останавливаться и молчать. Раз уж он намеревался разбить ей сердце, она желала понять, почему.

Капитан вздохнул так, словно она пилила его болтовнёй уже пару часов, не меньше. Когда, наконец, он ответил, Кейли пришлось вцепиться руками в пуховое одеяло, на котором она сидела:

– Да, я ясно дал понять, что между нами ничего, кроме формальных отношений быть не может. Это правда.

– Но почему?

Он повернул к ней голову. В его взгляде – холодном и пристальном, как у хищной птицы – будто застыл вопрос, а не идиотка ли она, раз спрашивает такую чушь?

– Потому что вы – это вы, миледи, а я – это я. Этого достаточно. Никаких чувств, никаких привязанностей. Я привык так жить. Советую и вам привыкнуть.

– Если вам настолько нужны были деньги, почему выбрали меня? – ещё немного, и у Кейли закрипели бы зубы. – Неужели среди всех молодых леди я оказалась самой доступной?

– Не в этом дело. Лично мне всё равно, но лорд Эшбёрн был заинтересован в этом союзе... Повторюсь, никакой привязанности, тем более бреда, вроде любви, я не испытываю.

Ни к кому... И вы здесь совсем ни при чём.

Ей захотелось ударить его. Впервые в жизни ей так искренне захотелось причинить кому-то боль, тем более человеку, которого она любила.

– И вам всё равно, что ваши решения и решения вашего отца заставляют меня страдать?

Он снова посмотрел на неё, как на дуру. Причём, так искренне и неподдельно, что Кейли почти ощутила себя таковой. Впрочем, душой она и оказалась, раз связала себя узами с тем, кому была не нужна.

– Миледи, вы крутились вокруг меня три с лишним года. Я был вежлив и не просил ничего ни от вас, ни от вашего отца, – он уселся на самый край постели, спиной к Кейли. – Жизнь – несправедливая штука. Чем раньше ты это поймёшь, тем будет проще. Да, это грустно, что ты не вышла замуж за какого-нибудь слюнтяя с мечтами о детях и посиделках у камина в Рождество... Но, как я уже говорил, делай, что пожелаешь. Крути романы, с кем захочешь. Я не скажу ни слова. Лишь бы мы не мозолили друг другу глаза...

Он пробормотал ещё что-то, и собирался сказать больше, но в следующий же момент в него прилетела декоративная подушка с кресла. Александр резко обернулся. Упираясь в край кровати коленом, Кейли держала в руках следующую подушку, довольно увесистую. Губы у девушки дрожали, а глаза налились кровью.

Но Александр даже бровью не повёл. Он лишь усмехнулся

и произнёс:

– Заслуженная кара. Я это ожидал. Честно говоря, я ожидал, что ты закатаешь истерику ещё в церкви, но ты оказалась более стойкой.

– Я была в шоке!

– Не сомневаюсь...

Кейли снова запустила в него подушкой. На этот раз капитан просто увернулся.

– Как вы можете быть таким бессердечным ублюдком?! Я вас любила! Все эти годы! Да я ежедневно грезила об этом дне, о свадьбе и празднике! Я представляла, как вы меня поцелуете, в первый раз, и как это будет прекрасно, а потом...

Она говорила громко, чуть не задыхаясь, и хотела наговорить ещё много чего. Хотела выплеснуть всю свою злость, всю боль на того, кто стал этому причиной. Однако, едва Кейли снова раскрыла рот, она посмотрела в лицо своему мужу и увидела такую неприкрытую ненависть, такое возмущение и гнев, что на мгновение ей просто стало страшно.

Его лицо заметно побагровело, а кулаки сжались ещё сильнее, даже костяшки пальцев побелели. Кейли медленно опустилась на пол возле прикроватной тумбы, потому что в следующую же секунду, этот человек, мужчина, которого она попросту не узнавала больше, вскочил и подошёл к ней. Он навис над нею, и Кейли заметила, как он задрожал. Когда он заговорил, ей захотелось одного – быть подальше отсюда:

– Ты ни черта не знаешь! Маленькая избалованная дев-

чонка, которая всю свою жизнь получала то, что хотела. Ты даже сейчас получила желаемое, – затем он наклонился, и Кейли вжала голову, испугавшись, что он её ударит. – Интересно, а когда же начнут исполняться мои мечты? Видимо, я уже упустил все шансы... Ещё раз повторяю: не лезь в мою жизнь, как и я не стану лезть в твою. Я не хочу тебя, я не полюблю тебя и не упаду перед тобой на колени, как это готовы сделать все, кому ты улыбнёшься. И уж тем более я не прикоснусь к тебе. Ни-ког-да.

Поскольку она вся сжалась и зажмурилась, она не заметила, с каким презрением он посмотрел прежде, чем отойти от неё. Через минуту лишь Кейли открыла глаза и увидела, что Александр взял с кровати одну из подушек и покрывало, а затем устроился в большом глубоком кресле в другом углу комнаты.

Кейли медленно поднялась, машинально задула пару свечей и улеглась в пустую холодную постель, укрывшись одеялом до самого подбородка. Её трясло от страха и угасающей паники. Она долго не могла уснуть. В голове всё крутились его жестокие слова, а перед глазами всё расплывалось.

«Я не хочу тебя. Я не полюблю тебя». Она вспоминала эти слова снова и снова, в итоге так и уснула с мыслью о том, что сама же разрушила свою жизнь.

Для семьи виконта Саутфолка стало большой неожиданностью, когда через три дня Кейли объявила, что её супруг

по долгу службы должен отбыть в Йоркшир. Там его ожидали дела, не терпящие отлагательств, поэтому медовый месяц решено было перенести на север страны, во владения лорда Эшбёрна. Фаунтинс-холл был построен около трёх веков назад и за это время почти не менялся – большое поместье с особняком в три этажа, конюшней и чудесной яблонево́й аллеей, а вокруг лишь сады (пришедшие в упадок), река да лес. Работы там предстояло уйма, но Кейли с улыбкой рассказывала о том, что предпочтёт уехать вместе с мужем на север, а не прохладиться на далёком острове без него.

Леди Кларисса всё это и так знала, однако новость о том, что новобрачные столь стремительно уезжают в Йоркшир, толком не отдохнув, заметно её беспокоила. А ещё её беспокоило поведение падчерицы. Виконтесса старалась списывать это на волнение и усталость, но всё же любящее материнское сердце подсказывало, что Кейли скрывает за натянутой улыбкой больше, чем послесвадебное волнение.

Кейли была стойкой. Она упрямо играла роль довольной жены, получившей желанного мужчину, и на вопросы отца и мачехи отвечала бодро и довольно убедительно. По крайней мере, так казалось со стороны. А вот гостившая в доме графиня Бриджертон с каждым днём испытывала всё больше тревоги и готова была вот-вот рассказать правду самому виконту.

В конце концов, на четвёртый день Анита Спенсер не выдержала созерцать свою подругу в том состоянии, в котором

она пребывала. В то пасмурное утро, пока слуги молчаливо относили багаж к готовому экипажу, Анита отыскала Кейли на крыльце дома. Капитан Стоун отбыл в Йоркшир ещё прошлым вечером, так что она не надеялась схватить его за ухо и притащить на суд к виконту.

– Ты ведёшь себя просто поразительно спокойно! – объявила графиня, приблизившись. – Я удивлена и даже расстроена. Уму непостижимо! Этот человек с его хитрющим отцом... или опекуном... Они оба просто воспользовались тобой и расположением виконта! Когда ты всё расскажешь родителям?

– Последние две ночи я много думала над этим, – сказала Кейли и обернулась. – Да, им нужны были мои деньги. Да, браки по расчёту всё ещё случаются в наше время. Да, я бесспорно разочарована... Однако я ничего не скажу родителям. И тебя прошу о том же, Анита. Нет, нет, не возражай, пожалуйста! Это единственное, о чём я готова тебя умолять. Разве я когда-нибудь обременяла тебя просьбами?

Графиня Бриджертон нахмурилась и открыла было рот, чтобы разразиться очередной тирадой о том, какой капитан Стоун подлец и тому подобное. Но Кейли выглядела так решительно, так непоколебимо и серьёзно, что невольно Анита осекла себя.

– Не понимаю, для чего ты собираешься терпеть это унижение. Если бы он дал тебе понять о своих намерениях заранее, у меня не возникло бы вопросов, но получается, что

тобой просто пользуются.

Кейли опустила глаза и около минуты просто смотрела на кончики своих дорожных туфель. Затем кивнула, словно собственным мыслям, и твёрдо сказала:

– Да, пожалуй, ты права. И верным решением было бы доложить обо всём отцу. Мы бы развелись, что послужило бы поводом для очередного скандала. Это бы отразилось на карьере Александра, как и на моей репутации. Ведь все считают, что мы полноценные муж и жена, и кому я сейчас нужна буду такая испорченная... Плюс ко всему, с компенсацией приданого придётся повозиться...

– О, ради всего святого, Кейли!..

– Но я буду молчать не из-за этого. Он сказал, что я не интересую его. Ни как родственная душа, ни как женщина. Однако он был прав в одном – я получила желаемое. Я хотела его в мужа, и это случилось. Думаешь, теперь я просто так сдамся? Позволю ему или Эшбёрну крутить мной, как вздумается, или запереть в стенах его дома? Чёрта с два!

Неожиданно Кейли улыбнулась, взяла подругу за руку и, глядя ей прямо в глаза, произнесла:

– Я не дам ему удовольствия сделать из меня пустое место. Он сказал, что не падёт передо мной на колени – а я заставлю его пасть! Пусть на это уйдёт время, но я снова добьюсь своего.

– Ты думаешь, он изменится?

– Я не смогу изменить его, знаю, но я сделаю так, что он

признает меня. И однажды точно попросит прощения.

Она обняла молодую графиню, затем отстранилась и упрямо заявила:

– Я от него не отстану, вот увидишь! Когда я упомянула о том, что мечтала сделать его своим мужем, он буквально вышел из себя. Сказал, что его собственные желания остались неисполненными. Хочу выяснить, что это означает. Возможно, тогда я пойму, почему он такой...

Закончить свою мысль Кейли не успела. На крыльцо уже высыпала толпа оставшихся гостивших родственников виконта, сам хозяин дома и его супруга. Вдобавок, большинство из штата прислуги хотели проводить их любимую леди в добрый путь.

Леди Кларисса особенно долго обнимала её и всё сетовала, как же далеко она уезжала. Она просила падчерицу быть осторожнее и смелее. Не давать себя в обиду. В конце концов, держа лакея за руку, Кейли обернулась к большой толпе народа, к родным лицам, и с улыбкой послала им воздушный поцелуй. Затем быстренько забралась в экипаж, к встревоженной и уже предвкушающей поездку Оливии, и выдохнула, едва дверца за ней захлопнулась.

Как только особняк виконта Саутфолка скрылся за деревьями, и Кейли, наконец, осознала, на что обрекала себя, она упрямо заставила себя поверить во всё, что наобещала Аните.

А в глубине души она сомневалась даже в том, что смо-

жет сдержаться и не выскочить из экипажа, чтобы вернуться назад.

Глава 6

– О, милостивый Боже! – воскликнула Кейли, едва экипаж остановился перед огромной мраморной лестницей, покрытой пожелтевшей листвой.

Девушка выскочила наружу, не дождавшись жеста лакея. Она просто отмахнулась и сама подала руку Оливии. Теперь они вдвоём стояли и, разинув рты, смотрели на трёхэтажное здание, больше напоминавшее древний замок, а не особняк. От волнения Кейли прижала руки к груди. Вот так да! Она-то не ожидала, что у обанкротившегося лорда Эшбёрна в закромах имелось такое сокровище архитектуры.

Внушительных размеров здание из серого камня, мрамора и белого песчаника, с огромными окнами, колоннами и статуями у главного входа, не было единственной поразительной вещью – территория поместья Эшбёрна занимала около шестидесяти пяти акр земли, и по дороге сюда Кейли успела заметить многочисленные жилые постройки за пределами стены, конюшни с севера и части близлежащих ферм с юга. Девушка была поражена этой красотой: земля была достаточно ровной, газон походил на пушистый зелёный ковёр, плюс ко всему, столько водоёмов различных форм – круглых, квадратных и прямоугольных – она не видела ещё ни у одного богача.

Кроны плакучей ивы чуть колыхались над зеленоватыми

бассейнами с рогозой и кувшинками; шум от ближайшей излучины реки с порогами дополнял великолепии парка перед особняком; вековые деревья здесь росли близко к воде, и в летнюю жару наверняка спасали от солнца; старые каменные мосты через реку, построенные очень давно, были покрыты мхом, а под ними, в тёмных тоннелях, бурлил над валунами прозрачный поток; выцветшие скамейки под невысокой стеной возле главного входа так и манили присесть и насладиться чудесным видом, даже в такую пасмурную погоду.

Кейли была поражена. Она уже ощутила любовь к этому месту. Любовь и огромную печаль. Потому что здесь явно не хватало заботливой хозяйской руки. Это был настоящий рай для уединения, и он изнывал от застоя и старости. Скорее всего, Эшбёрн забросил его за неимением средств и лишних рук.

И вот, новоиспечённая миссис Кейли Стоун, виконтесса Саутфолк, стояла у подножья нечищенной мраморной лестницы и уже прикидывала, сколько денег потребуется, чтобы привести тут всё в порядок. А ведь кругом, как она слышала, находилась огромная площадь для аренды, усадьбы и сельскохозяйственные участки. К тому же бурная река да лес были, как нельзя, кстати. Это ведь, как минимум, мельницы и материалы для строительства...

– Голова кругом идёт! – произнесла Кейли, снимая дорожную шляпку.

Лорд Эшбёрн заверил её перед отъездом, что, поскольку

теперь она – хозяйка Фаунтинс-холла, то вольна делать там все, что заблагорассудится. И Кейли поспешила уцепиться за эту мысль.

Что и говорить, а подобный сюрприз смог хоть немного компенсировать сутки тряски в экипаже, сырость и дурное настроение. «По крайней мере, я знаю, с чего начать, – подумала девушка. – Я не дам этому месту зачахнуть, и сама взбодрюсь».

Аллея, что вела к особняку, сады и каждый из водоёмов – всё это требовало хозяйской руки, однако даже в запущенности территория имела свою привлекательность. Но вот стоило Кейли вместе с Оливией подняться по лестнице и войти в большой холл особняка...

– О, милостивый Боже! – повторила новобрачная и тут же схватила горничную за руку. – Чёрт бы меня побрал...

Внутри всё было плохо. Очень и очень плохо. Под оханье и аханье Оливии, Кейли принялась рассматривать покрытые пылью и паутиной стены, парадную лестницу с её потрёпанным обюссонским ковром, не знавшим чистки лет двести, плитку на полу, также забывшую уборку, чудесную люстру, посеревшую от грязи и многочисленные дырявые гобелены на стенах. Здесь всё буквально пестрело коврами – от пародий на фламандские шпалеры до ковров эпохи Людовика XIV, что, по мнению Кейли, являлось верхом безвкусицы. Будто прежние хозяева пытались сочетать несочетаемое в гостиной, холле и коридорах... Затем Кейли подумала о

верхних этажах и едва сдержалась, чтобы не заплакать.

В этом особняке давно уже угасла жизнь. Неудивительно, что ни Эшбёрн, ни его сыновья здесь жить не хотели. Кейли упрямо сжала кулаки. Теперь её всё равно, что сослали сюда. Только вот у её муженька была причина. «Интересно, а он сам вообще собирается приехать когда-нибудь?» – подумала она с нарастающим гневом, который, впрочем, вскоре утих.

Она не могла его ненавидеть, и по этой причине ненавидела и проклинала саму себя. Возможно, она сумеет его раскусить. Возможно, он даже начнёт уважать её когда-нибудь. Однако, возможно, что все эти «возможно» так и останутся мечтами.

Между всем этим делом Кейли даже не заметила, что к ней подошёл низенький, уже лысеющий старичок в одежде управляющего. Он откашлялся, и девушка обернулась, прошелестев юбками по его ногам. Это действительно был управляющий владений Эшбёрна, звали его мистер Грэм, и он был на полголовы ниже Кейли, вдобавок ещё и полуслепой.

Затем этот милый старичок весьма вежливо представил ей трёх женщин; две из них были горничными, нанятыми буквально три дня назад, а третью, экономку, звали миссис Серена Миллз, или просто миссис Миллз, как она попросила к ней обращаться. Это была невысокая худощавая дама лет пятидесяти, всё ещё крепкая и довольно привлекательная, несмотря на острые черты лица и взгляд такой прожигающий

и суровый, что сам Наполеон на минуту струсил бы.

Судя по её тону и манерам королевы, Кейли решила, что с нею труднее всего будет найти общий язык. Пока экономка проводила экскурсию по особняку, девушка следовала за ней и всё сильнее хмурилась. На верхних этажах ситуация была такая же плачевная, как и внизу. Повсюду пыль да паутина. Ещё и мышиный помёт кое-где. А также множество безвкусных предметов мебели, ужасной расцветки старинные шторы, покрывала, ковровые дорожки, и далее, далее.

– Сколько же средств понадобится, чтобы всё это привести в божеский вид... – пробормотала Кейли себе под нос.

На что миссис Миллз обернулась к ней прямо посреди коридора, возле огромного старинного портрета некоего рыцаря, и вдруг заявила:

– Эти владения по праву наследственности перешли к капитану Стоуну. Он здесь хозяин. И все перемены будут происходить исключительно по его приказу.

Кейли приподняла левую бровь от удивления:

– Что же, и пыль, и грязь тоже останутся на своих местах до распоряжений «всемогущего» капитана?

– Вы, кажется, меня не поняли, м'леди...

– Это вы не совсем понимаете ситуацию, миссис Миллз. Видите ли, лорд Эшбёрн позволил мне делать здесь всё, что я захочу. К тому же, все средства, коими владеет мой супруг, на самом деле перешли в его карманы из карманов моего отца, – Кейли решила действовать незамедлительно и твёрдо,

иначе, как она чувствовала, проиграла бы этой нагловатой даме. – Мне безумно нравится этот особняк и всё, что я сегодня увидела. Но он находится в плачевном состоянии. Сюда и соседей не позовёшь. Да что там! Я бы и спать тут не решилась, настолько всё захламлено и пыльно! Однако если мы с вами соберёмся и вместе хорошенько потрудимся...

– Вы действительно оригинальная девушка, как и писал лорд Эшбёрн, – перебила её экономка, и бровью не поведя. – Я проработала в этом месте более пятнадцати лет. Вы же здесь и дня не провели. Если вы хотите прижиться в Фаунтинс, советую быть поскромнее... Кстати говоря, капитан Стоун вырос на моих глазах. И он не будет рад, если вы переделаете здесь всё без его ведома.

«Это от неё он заразился высокомерием? – подумала Кейли, глядя в спину женщине, которая покидала её прямо посреди коридора. – Хороша воспитательница! Грубиянка!»

И хотя чуть позже, когда, наконец, в большую столовую, где явно не хватало света и особенно тщательной уборки, подали обед, Оливия настойчиво посоветовала Кейли уволить к чертям «эту наглую жердь», новая хозяйка Фаунтинс-холла отклонила её предложение. Радикальные меры останутся на самый крайний случай. А Кейли была терпеливой и стойкой, в глубине души надеясь, что мстительной она точно никогда не станет.

Если миссис Кейли Стоун и не желала развязывать войну с суровой экономкой своего нового дома, то у самой миссис

Миллз на этот счёт были иные планы. Точнее, рассчитывала она уж точно на другое. Наверное, на скромную и покладистую девушку девятнадцати лет, которая послушно усядется в кресле в своей спальне и будет часами напролёт вышивать да поглядывать в окно, в ожидании супруга.

На деле же всё оказалось иначе.

Чтобы хоть как-то пережить удар, нанесённый Александром, Кейли решила окунуться с головой в домашние хлопоты. По крайней мере, так делала леди Кларисса в своё время – постоянно выпускала пар благодаря уборке, готовке, садоводству и обучению прислуги. Поэтому для Кейли стычек с вездесущей миссис Миллз было не избежать.

Основной багаж девушки и несколько слуг виконта Саут-фолка прибыли в Фаунтинс-холл через два дня. Кейли встретила их, как родных. Экономка же брезгливо наблюдала за чужаками, ведь она-то рассчитывала нанять новый штат из работников с ближайших ферм. Кейли поняла это и стойко проигнорировала некоторые замечания экономки по поводу начала её жизни во владениях мужа. Она не хотела давать повод для ссор и собиралась прислушаться к любому адекватному предложению со стороны обитателей поместья. Так её учила мачеха – не задирать нос перед подчинёнными, но и крутить собой позволять тоже нельзя.

Вскоре из Беркшира были привезены три крепкие молодые лошади – одна аппалуза и две полукровки-гунтеры. Кейли была в восторге, хотя и не являлась отличной наездни-

цей, но лошадей отца обожала; к тому же она понимала, что такую огромную территорию, как Фаунтинс, ей и за полдня шагом не обойти. Придётся привыкать к верховой езде.

И вот, спустя уже неделю, в особняке и на примыкающей к нему территории закипела работа. Главный конюх и трое мальчишек-помощников были наняты с молочной фермы, находящейся на юго-востоке. Остальные работники приходили из деревни Стадли-Роджер, чтобы что-то ломать, затем чинить, а ещё разгружать и нагружать телеги, колоть дрова для каминов, и делать остальную самую тяжёлую работу. Служанок, как своих, так и местных, Кейли попыталась доверить миссис Миллз, но, судя по донесениям Оливии, в одиночку экономка не справлялась, а порой она попросту давала не те указания. Кейли пришлось несколько раз ставить её на место (хотя ей этого вовсе не хотелось).

К середине апреля уже каждый обитатель Фаунтинс-холла – от управляющего мистера Грэма до последней сторожевой собаки – был в курсе напряжённых отношений хозяйки и экономки. В конце концов, самое главное их столкновение произошло из-за коврового покрытия на парадной лестнице. Кейли настаивала на том, чтобы убрать его и заменить, но миссис Миллз стояла за него горой.

– Этот ковёр был привезён сюда из Франции! Над ним работали ещё ткачи-гугеноты! Да ему цены нет! – твердила экономка; она так распалилась, что чепец на её голове слегка съехал набок. – А вы собираетесь его выкинуть!

– Сколько же веков этому ковру, если над ним трудились гугеноты? – не унималась Кейли. – Вас не смущают ни протёртости, ни дыры. Ни пятна, которые не вывести, ни въевшийся затхлый запах. Эта дорожка портит весь вид такой прекрасной лестницы...

– Вы уже избавились от всего, что только возможно было выбросить, м'леди. Но этот ковёр останется на своём месте. Он здесь с самого первого владельца и является наследием дома. Капитан Стоун будет недоволен...

– Капитану Стоуну совершенно всё равно на дырявый обюссонский ковёр!

– Вы ещё слишком юны, чтобы что-то в этом понимать. Поразительно, как легко вы раскидываетесь деньгами, которые могли бы пойти на иные благие дела поместья.

Кейли вскинула левую бровь. Она была уже на грани, ещё немного, и она начала бы повышать голос.

– А разве привести поместье в надлежащий вид – дело пустое?

– Я говорю о пашнях и восстановлении мельниц на территориях ферм, которые давали бы прибыль...

– Что-то я запуталась! Разве финансовые дела и пополнение дохода – это не забота лорда Эшбёрна? То есть, теперь его сына... Разве я не должна присматривать за домом в его отсутствие и сделать так, чтобы, по возвращению сюда, он не вдыхал пыль или натыкался на паутину повсюду?

– А как вы собираетесь объяснить капитану Стоуну рас-

траты на мелочи, вроде табуреток, постельного белья и новых седельных сумок для лошадей?

Девушка сделала глубокий вдох. Ей так сильно хотелось наорать на эту бестолковую даму, что просто сил уже не хватало. Кейли вспомнила свою мачеху. Как бы она справилась с хамоватой прислугой, которая за свою работу ещё и деньги получала? Девушка ощутила, что теряет над ситуацией контроль. Затем она ещё раз взглянула на женщину, стоящую перед нею с самодовольным видом закостенелой монахини.

Между тем, они обе и не догадывались, что на первом этаже, в холле и у входа в столовую, уже собралась толпа из горничных, кухонных работников, парочки мальчишек с фермы и троих лакеев. Все они наострили уши и жаждали представления. Не хватало только управляющего, но в это время он пытался привести в порядок бумаги хозяина.

– Я скажу это один только раз, миссис Миллз, – произнесла Кейли, наконец, строгим тоном. – Всё, что я делаю для Фаунтинс-холла сейчас, все эти табуретки и ковры, каждый шиллинг и фунт в оплату рабочим – всё это мои личные сбережения. Я с удовольствием тратила свои карманные деньги, только чтобы увидеть, как это прекрасное место вновь расцветёт. Запомните это, миссис Миллз. И я понимаю, что вы ревностно относитесь к своим обязанностям и пытаетесь сохранить ту атмосферу, в которой рос здесь мой муж, но, прошу вас, смиритесь. Я никуда отсюда не денусь, и вас тоже увольнять не собираюсь. А чтобы вы, наконец, осознали мои

серьёзные намерения...

Кейли шмыгнула в дверь своей спальни, которая находилась как раз неподалёку, взяла ридикюль и вытащила оставшиеся в нём десять однофунтовых банкнот.

– Это остаток моих накоплений за несколько лет, – сказала она и протянула деньги ошарашенной женщине. – Берите-берите! Ну же! Что же вы смутились? Вы так печётесь о финансовом состоянии капитана, что совершенно забыли, кто именно вытащил его и лорда Эшбёрна из долговой ямы. Если вы так зациклены на деньгах, забирайте это, и я продолжу приводить особняк в божеский вид без вашего брюзжания.

Побледневшая миссис Миллз стояла, как истукан, и не двигалась. Кейли вздохнула, вернула банкноты в ридикюль и передала его подошедшей Оливии. Затем, подбоченясь и присев на корточки, схватила за край ковровой дорожки и дёрнула её на себя. Послышался треск, и пыль, которую не выводили годами, поднялась над полом. Кейли кашлянула, встала и с улыбкой обернулась к своей горничной:

– Дорогая, нам тут понадобится не меньше трёх пар рук! Позови кого-нибудь из мужчин, а когда мы освободим этот мрамор от остатков знаменитой работы гугенотских ткачей, распорядись, пожалуйста, насчёт обеда для всех.

Те, кто внимательно прислушивался к этому разговору на первом этаже, мигом разбежались по своим делам, мысленно нахваливая новую хозяйку Фаунтинс-холла. А Кейли,

отряхивая руки о передник, улыбалась, пока миссис Миллз, скривившись и презрительно взглянув на неё напоследок, не ушла восвояси.

Кейли осталась довольна собой. Очередная маленькая победа.

Он вернулся за неделю до конца апреля. Вернулся, хотя и сам толком не знал, для чего именно. Может быть, он действительно настолько устал отдавать приказы, командовать и строить желторотых парней в училище Рейнтонна, где ещё конь не валялся – настолько всё было запущено и требовало титанической отдачи от офицеров. Или, может быть, он просто устал от постоянного наседания Эшбёрна с его нытьём о приличиях, светском обществе и супружеских обязанностях... И это Эшбёрн-то говорил ему о приличиях?

Александр ехал в качающемся экипаже, слушая накрапывающий по крыше дождь и вдыхая запахи мокрых сена и земли. Последнее письмо из Фаунтинс-холла от миссис Миллз его даже позабавило. Если прежде она писала о том, какие чудовищные изменения претерпело поместье из-за дочери виконта (что уже порядком его бесило), то на этот раз экономка прошла исключительно по «наглой и невоспитанной» личности девушки. Экономка поведала о том, что его жёнушка – транжира, а ещё высокомерная особа. Александр тогда попробовал вспомнить хоть раз, когда Кейли вела себя высокомерно, и не смог. Зато он знал миссис Миллз, и в ду-

ше позлорадствовал. Этим двоим, безусловно, было весело в особняке.

К Фаунтинс-холлу он подъезжал уже к закату, когда прекратился дождь, и всё вокруг блестело в каплях, отражающих лучи уходящего солнца. Александр жутко устал, был голоден, и желал лишь одного – поест и свалиться в кровать часов на пятнадцать.

В дороге он даже не задремал, всё время думал. Чаще всего думал о том, что деньги виконта Саутфолка уже полностью перешли в распоряжение Эшбёрна; что драгоценное кредитное письмо дошло по назначению; что отчим, разумеется, уже побывал в банке, а клерки виконта в курсе последних дел и готовы передать ему все сведения о возможных коммерческих сделках и действиях с наследством девчонки...

Конечно, он думал и о ней. О том, что сильно её обидел, и что они не виделись со дня свадьбы. К тому же, она ни разу не написала ему, хотя прекрасно знала, где он служил. А выходит, судя по словам экономки, она далеко не горевала или просто тосковала – она завладела домом его детства и правила тут, как королева. Она даже не планировала разводиться! Эшбёрн не прогадал, Кейли Хардинг была действительно крепким орешком.

Александр не знал, что и думать. К его удивлению, всё это не раздражало его. Даже не злило. Это было странно, непонятно, но приемлемо.

Наконец, капитан Стоун отпустил кучера, и, подхватив единственный свой саквояж, поднялся по ступеням к входу. Под навесом он остановился и взглянул на статуи, что украшали колонны по бокам от массивных дверей. Мрамор блеснул от капель, они стекали по мощному туловищу изображённого мужчины на постамент, затем падали в траву...

Когда позади послышался топот, капитан обернулся. Так он увидел свою жену верхом на серой гунтере. Девушка подъехала ближе и остановила лошадь возле дорожки, на траве. В амазонке из плотного хлопка светло-жёлтого оттенка, со шляпкой персикового цвета, новеньких сапогах и перчатках она выглядела, как принцесса. К тому же, подъехав к крыльцу, она широко и весело улыбалась, хотя Александр не понимал, почему. Он её отверг, а она была рада его видеть? Значит, она действительно дура. Он считал её легкомысленной, поэтому поначалу удивлялся, как она вообще выдержала почти целый месяц рядом с миссис Миллз.

– Добрый вечер, капитан, сэр! Как приятно, что вы соизволили приехать! – воскликнула Кейли, убрав хлыстик. – Дорога была утомительной? Вы прибыли один? А где ваш экипаж?

Он упрямо посмотрел на неё – юную, красивую и полную жизни – и мысленно выругался. Он всегда завидовал её неугасаемой энергии, поражаясь, откуда она черпала её, и списывал это на девичью дурость. Она просто не хлебнула всех горестей этой жизни – так он думал.

– Да, я один и чертовски устал... Объезжаете свои новые владения, как я погляжу. Вы одеты не по погоде, – пробор-мотал он; впрочем, он тоже умел задирать нос, и голову всегда держал прямо.

– Ох, я катаюсь со времени обеда! Погода была превосходной до этого! Но я не боюсь скользкой земли. За эти недели я подтянула свои навыки верховой езды.

Она хвасталась, несомненно. И снова улыбалась, как в самый первый день, когда встретила его. Он хотел бы возненавидеть девчонку за эту её черту характера, за то, чего ему доставало... Но почему-то не мог.

– Кстати говоря, сэр! Мистер Грэм привёл в порядок все документы, почту и бумаги арендаторов, – сообщила Кейли бодро. – Я ему лишь чуть-чуть помогла. Ох, и поспешите внутрь! Чем быстрее велите приготовить ванну, тем скорее отдохнёте и отмоетесь. Мистер Грэм всё организует. И не пугайтесь новых лиц в доме – они все проверенные и надёжные работники. Ой, да, и в вашей спальне я почти ничего не трогала, лишь обновила малость текстиль и кое-что из мебели.

Она собиралась было повернуться и пустить лошадь галопом, но перед этим добавила:

– Чуть не забыла! Чеки и расписки по потраченным мною за этот месяц средствам у вас, на столе. Несмотря на то, что это были мои карманные деньги, я считаю это целесообразным – известить вас, откуда всё появилось. Возмещать не нужно! Это от чистого сердца, сэр!

Кейли прищёлкнула языком и рванула с места так быстро, что лошадь взрыхлила землю копытами. Пара мгновений – и она скрылась за поворотом, умчавшись в сторону конюшен.

Александр ещё пару минут простоял, как вкопанный. В конце концов, он успокоился, и его правый глаз перестал дёргаться. А мысль о том, что его только что поставила на место и практически унизила какая-то девчонка, потихоньку перестала жечь разум. И всё же он сжал кулаки и с удовольствием представил, как его жена падает с лошади... Правда, вскоре тут же обругал себя за это. Подобные мысли были неприемлемы для человека его положения.

Он подумал о насилии и увечьях, о гневе и ненависти, а также о войне, которая всегда была ими переполнена, и заставил себя усмирить гордыню. Девчонка была права – всё, что сделано, случилось лишь благодаря ей и её отцу. И, едва оказавшись в особняке, Александр в этом убедился.

В кои-то веки здесь не воняло дохлыми грызунами, и пыль не сыпалась с люстры. Дубовые перила лестницы были начищены до блеска, как и пол, столики, зеркала – в общем, всё, на что падал глаз. В просторном холле было светло и уютно, а в камине гостиной горел огонь, отражаясь на светлой мраморной плитке.

Поприветствовав Грэма и вручив лакею саквояж, Александр взглянул на пресловутую новую ковровую дорожку парадной лестницы – тёмно-багровую, мягкую и чистую, и ухмыльнулся. Наверное, миссис Миллз всю плешь проела дев-

чонке за эту выходку. Как хорошо, что его самого рядом не было.

Конечно, после ужина, во время которого Кейли отсутствовала, экономка кинулась рассказывать ему обо всём, что произошло с тех пор, как приехала «странная юная леди». Уставившись на огонь в камине, Александр сидел в кресле (которое тоже почистили спустя много лет) и допивал второй бокал хереса, пока миссис Миллз, которую он знал с детства, докладывала о выходках его жены.

Ближе к одиннадцати вечера он начал зевать, и уже едва различал, что она там болтала. Поэтому, когда женщина в очередной раз попыталась уговорить его взять девушку в «ежовые рукавицы», он поднялся и взглянул на неё так, словно готов был вот-вот прибить.

– Миссис Миллз, я глубоко уважаю вас, как домоправительницу, но если вы скажете ещё хоть слово, я запроу вас в кладовой на всю ночь.

Это подобие угрозы её не удивило, даже не обидело. У них и прежде случались споры, уж он-то помнил. Но она не унималась, а он тоже уступить не собирался.

– Ваша молодая супруга ведёт себя вызывающе. Без вас она посмела говорить с арендаторами и даже наняла рабочих на починку мельниц. Я убедительно прошу вас потолковать с...

– Если вы не замолчите, то я сброшусь с крыши.

Экономка чуть не раскрыла от удивления рот, но сдержала-

лась. Они сверлили друг друга глазами около минуты, затем женщина сухо извинилась, пожелала ему спокойной ночи и ушла.

Александр покачал головой и, допив остатки хереса, поднялся к себе в спальню, где вот уже две недели не было ни одной пылинки.

Глава 7

От неё было не так уж просто избавиться. Александр впервые в жизни столкнулся с настолько настырной и упёртой особой. Хотя, что и говорить, прежде он вовсе с девицами никаких дел не имел да и желания не было. Но Кейли оказалась достаточно изворотливой и смышлёной, чтобы крутиться вокруг, не успевая ему надоедать.

Раз уж отчим категорично спихнул на него все дела поместья, по-видимому считая, что он не справится, а его юная жёнушка сойдёт с ума от этой разрухи и уединения посреди голых полей да дремучих лесов, Александр намеревался пробыть в Фаунтинс-холле какое-то время, не выезжая за его пределы. На следующий день после прибытия он с ужасом ожидал, какая гора дел из подсчётов, договоров, писем и просьб от местных фермеров, а также недовольные слуги, которые давно не получали заслуженной оплаты, упадёт на него, стоит засесть за рабочий стол в хозяйском кабинете.

Мало того, что он обнаружил сам стол чистым и прибранным, оказалось, большая часть документации уже была готова. Плюс ко всему, управляющий сообщил, что миссис Сто-

ун даже договорилась с Кофферсами и Джонсонами из пригорода Рипона насчёт аренды пашни и постройки двух мельниц на реке Скелл.

– Разве два этих семейства не враждовали уже лет тридцать? – припомнил Александр, когда мистер Грэм вернулся к нему в кабинет с чашкой чая.

– Так точно, сэр, воистину враждовали! Но буквально неделю назад супруга ваша – ей Богу, смышлёная леди! – после знакомства с каждым семейством разослала им по приглашению на ужин.

– И что же, они встретились здесь, в нашем доме?

– О нет, сэр! Она отослала им приглашения друг от друга.

Александр оторвался от очередного счёта по расходам и посмотрел на старика Грэма.

– Рискованно...

– Я тоже так думал, сэр. Но леди с улыбкой пояснила, что то была благая ложь, и Кофферсам было приятно получить вежливое послание от Джонсонов и наоборот. В конце концов, они встретились на ярмарке в Рипоне, сэр. Состоялся очень долгий и яркий разговор между главами семей, но в итоге всё кончилось рукопожатиями.

– Понятно.

– Я бы никогда не подумал, что столь юная особа может так умело завладеть положением и умами людей, сэр!

– Да, я тоже.

Александр ухмыльнулся и вернулся к подсчётам. Разуме-

ется, Кейли уже не была той надоедливой пятнадцатилетней девчонкой, которая смотрела на него, как на божество. Но за всё время их редких встреч он и не думал, каким крепким орешком она могла быть.

Кейли не навязывалась и не требовала от него особого внимания. Она умела находить себе занятие, где и когда угодно. Так что создавалось впечатление, что Александр вообще не был ей нужен. Она здоровалась с ним и улыбалась во время совместных трапез, но не более. В основном их общение проходило в его кабинете, в первые дни, когда она настойчиво пыталась передать ему все дела.

Что-что, а помощь в ведении хозяйства ему была очень нужна. С тех пор, как отчим отдал его в «заботливые руки» военного дела, Алекс едва ли много знал о бытовых хлопотах. Поэтому ему пришлось привыкать к тому, что каждый день, около десяти утра, Кейли входила в его кабинет с собственным набором для письма, усаживалась на стул напротив и с улыбкой начинала что-то рассказывать.

Её поведение вызывало у Александра смешанные чувства. Она и правда была мила и вежлива, не отклонялась от деловых тем, порой рассказывая что-то о фермерах, с которыми успела познакомиться, но не более того. В вечер их свадьбы, отвергнув её, он понадеялся, что девчонка станет для него невидимой, потому что, как он был убеждён, жизнь несправедлива, и всё сводится к холодному расчёту и взаимной неприязни. Семейные ценности – чепуха, а любовь –

просто способ оправдать желания плоти... Были, правда, и другие причины. О них он даже думать не хотел.

Он надеялся, что она не будет той, какой она мечтала быть рядом с ним. Теперь же Александр даже не знал, что и думать.

«От её хвалёной любви и следа не осталось, – рассуждал он порой, наблюдая, как она старательно записывала что-то в журнале. – Надо радоваться. Но почему-то не получается».

К началу мая она чувствовала себя полноправной хозяйкой Фаунтинс-холла, в то время как он до сих пор не мог привыкнуть к тишине и спокойствию поместья. Если, конечно, это можно было назвать тишиной. Кейли постоянно спорила с миссис Миллз; вечно носилась туда-сюда так, что Александр только успевал замечать разнообразие её нарядов – от шёлковых белых платьев до бардовых и зелёных пелиссов; совершенствовалась в верховой езде; иногда играла на спинете, привезённом из лондонской резиденции её отца, а также занималась многими другими женскими штучками.

Прислуга относилась к новой хозяйке с уважением и, разумеется, благодарностью, за то, что именно с её появлением в этом всеми позабытом месте вновь закипела жизнь, появилась работа, а главное, достойное жалование для каждого. Что же касается чопорной миссис Миллз, то, после не слишком приятного разговора с Александром, её пыл заметно поубавился. Однако ей всё равно тяжело было мириться с переменами и тем, как успешно юная леди справлялась со

своими обязанностями, а сама экономка словно находилась в её тени.

Однажды Александр неожиданно для себя высказал эту мысль вслух, когда они с супругой в очередной раз заканчивали бумажные дела. На предположение о том, что миссис Миллз ревнует и ощущает себя уязвлённой, Кейли задумалась, затем заметно нахмурилась:

– Тогда я постараюсь не быть такой надоедливой! Хм, знаете, возможно, когда вчера она вошла в библиотеку и увидела, как я протираю пыль на самой верхней полке, а Оливия держала подо мною лестницу, это было уже слишком...

Алекс покачал головой и уткнулся в журнал, чтобы она не увидела его ухмылку. Эти недомолвки с экономкой почему-то его забавляли, как и тот факт, что Кейли частенько забывала, что она до сих пор виконтесса Саутфолк, а не какая-то там горничная.

Когда через несколько дней после начала июня, около полудня, Кейли вдруг вбежала в раскрытую дверь его кабинета, раскрасневшаяся и улыбающаяся, он на мгновение растерялся и забыл, что пообещал себе не восхищаться ею... насколько это было реально. На ней была амазонка и шляпка со скромным пером, держащаяся на боку.

– Я только что прогуливалась вдоль ограды сада, с северной стороны, там, где вода стекает с высокой насыпи. Меня неожиданно окликнул мистер Блэк и весьма любезно пригласил на празднование дня рождения его сына! Ох, да, я

имею в виду, что его сын родился два дня назад! Представляете?

Алекс кивнул и вдруг понял, что ему стало очень жарко, хотя он был одет лишь в домашнюю рубашку и брюки.

– Я его поздравляю, – произнёс он буднично.

– Поздравите его лично завтра вечером, – констатировала, как факт, девушка. Она плюхнулась в кресло напротив, и Александр понял, что быстро от неё не избавится.

– Разве он не тебя пригласил?

– Несмотря на то, что он всего лишь повстречал меня на улице, разумеется, это было официальное приглашение для нас обоих.

– Я не поклонник подобных мероприятий, – пробормотал капитан. – Можешь пойти и повеселиться. Это ведь близко, буквально соседние владения за рекой...

– Ах, какой вы бука, сэр! – Кейли наигранно надулась. – Хоть бы раз побывали на глазах местного общества. Это же не Лондон, и даже не центр Рипона.

– Для чего я тебе там нужен?

Кейли смело встретила его настороженный взгляд и ответила, не задумываясь:

– Это нужно не мне, а вам. Это вы тут хозяин, однако соседи вас почти не знают. Если не желаете стать объектом местных сплетен, я лишь советую время от времени являть себя, – она сделала небольшую паузу и опустила глаза на свои сложенные на коленях руки; её голос заметно дрогнул. – В

конце концов, вы женились на богатой наследнице ради денег и статуса. И всё шло... неплохо... до сей поры... Наверное, я слишком наседаю, но это всего лишь день рождения...

Она была права, чёрт возьми, но он и так всё это понимал! Понимал, но не желал делать! Ему не хотелось становиться хозяином Фаунтинс-холла, не хотелось вливаться в местное общество, не хотелось жениться... Но когда его хоть кто-нибудь спрашивал!

– Я могу сказать, что вы приболели, например, – вздохнула, наконец, Кейли, вскакивая с кресла. – Что-нибудь придумаю...

– Нет, не нужно врать потенциальным партнёрам, – сказал Александр твёрдо. – У Блэков можно нанимать рабочих за меньшую оплату, к тому же у них есть связи в Лондоне. Это может пригодиться... Хорошо, пойдём завтра к ним вместе.

Ответом ему была её совершенно пустая и холодная улыбка.

Он удивился, когда вечером следующего дня увидел Кейли в скромном платье из шёлковой клетчатой тафты с глухим воротом. Она напомнила ему типичную хозяйку плантации, каких он встречал пару раз в Америке. Это было короткое утомительное путешествие, и ему совершенно там не понравилось...

Александр привык видеть жену в нарядах светлых тонов, с кружевами да воздушными юбками, в которых ей нельзя

было дать больше шестнадцати лет. Сегодня она выглядела умудрённой и строгой леди, и неким образом это его задело. Видимо, уловив его удивление, Кейли хитро улыбнулась и сказала, спустившись с парадной лестницы:

– Я знаю супругу мистера Блэка. Она родилась в Суррей и мнит себя на голову выше местных. Попробую избрать с нею тактику «свой среди чужих».

– Это как так? – спросил капитан.

– Ударю по ней образом богобоязненной и непорочной монашки, чтобы она подпустила меня поближе и позволила стать её подпевалой. Это весьма ей польстит.

Александр едва сдержался, чтобы не засмеяться вслух. Но улыбка всё-таки мелькнула на его губах.

Они отбыли на праздник около восьми вечера, когда закат уже окрасил полосу горизонта в тёмно-рыжий. По дороге к Блэкам Алекс неожиданно для себя понял, что подал Кейли руку и помог ей забраться в коляску без всяких лишних мыслей. Потом он уткнулся в кулак и зажмурился.

Он терпеть не может прикасаться к людям. Для него невозможно дотронуться до чьей-то обнажённой руки и не испытать при этом дрожь и отвращение. Алекс заставил себя успокоиться. Нельзя втягивать Кейли в это его безумие. Какой бы смышлённой она ни была, она всего лишь девчонка и ничего не знает о гнусностях этого мира. Пусть и дальше не знает.

В большом доме Блэков яблоку негде было упасть. Алек-

сандр с раздражением оглядел просторный холл, где его и Кейли встретили сами хозяева, и приготовился к очередной попытке общением с незнакомцами, деревенщинами и прочим народом, обитающим в окрестностях Фаунтинс и Рипона.

Он заставил себя ничего, кроме воды, не пить, и съел всего пару закусок. Ему снова было неудобно в толпе, как и в юности. В училище и на поле боя всё было по-другому. Благо, Кейли действительно умело отвлекала соседей на себя, так что её муж превратился в некое дополнение – молчаливое и незаинтересованное.

Они познакомились с несколькими семьями, среди которых были местные землевладельцы, торговцы, лорды, и даже некий граф Дормер из Бристоля пожаловал. Но ни одного офицера.

В конце концов, после ужина, танцев и великолепной игры Кейли на хозяйском спинете, Александр признался себе, что иметь под боком разговорчивую и смышлённую партнёршу очень полезно. Она понравилась соседям, понравилась хозяевам дома и многим неженатым джентльменам. Глупо было не признать, что несколько повторных приглашений на танец что-то да означали. Кейли танцевала три раза, а потом просто вежливо отказывала. Александр не пригласил её, даже когда она напрямую поинтересовалась, какой танец он предпочитает.

Наверное, она решила, что он брюзга. Или неумеха. От этих мыслей ему неожиданно стало тошно. Ещё хуже, если

бы она до сих пор испытывала к нему девичью влюблённость и надежду, что сможет его окрутить.

Солдат до мозга костей, Александр и не знал, что влюблённость его жены никуда не исчезла.

В конце концов, около часа ночи они покинули владения Блэков. Фонарь их коляски слегка потрясывало из-за неровной дороги. Кучер Джексон тихонько мурлыкал под нос песню и не торопил лошадь. Вокруг было тихо, безветренно и темно. И запахи скошенной травы и влажной земли наполняли округу.

В тусклом свете фонаря Алекс видел угрюмое лицо Кейли. Теперь она села напротив него, а не рядом, как во время поездки из дому. Девушка выглядела расстроенной. Нет... Скорее, даже разбитой. Капитан то и дело натыкался взглядом на её хмурое лицо и просто не понимал, в чём было дело. Она блистала на празднике, и причин для расстройства не было. Он терпел изо всех сил, но уже на въезде на аллею Фаунтинс-холла не выдержал и спросил:

– Кажется, вечер прошёл отлично, так почему на тебе лица нет?

Она едва ли посмотрела в его сторону и сказала совершенно пустым голосом:

– Что с того? С каких пор вас интересует моё настроение?

– Ты добилась расположения местных и понравилась им.

Не вижу причин хмуриться.

Кейли вдруг так озлобленно на него взглянула, что даже

Александрю стало не по себе:

– Возможно, я ощущала бы себя лучше, если бы мой муж не притворился истуканом весь вечер!

– Я же говорил, что не люблю светские сборища, – вздохнул он. – Ты прекрасно знала это.

Ему показалось, что она зарычала в ответ на это. Или не показалось?

– Во имя всего святого, вы вообще человек?! – рявкнула девушка. – Вы умеете веселиться, делать глупости ради забавы? У вас нет увлечений, привязанностей или хоть кого-то, кого вы любите? Такое просто невозможно!

Александр совершенно спокойно выдержал её пристальный взгляд и заметил, что глаза её увлажнились. Только этого не хватало! Он говорил ей, но она продолжает думать, что они станут нормальной светской парой и вольются в общество вместе.

– Вы можете хоть что-то на это сказать?

Но он продолжал молчать. Ничего не получится. Он не сможет быть, как все. Не даст ей того, чего она хочет. Даже если бы действительно желал, он бы не сделал её счастливой.

Слишком уж глубокие старые раны... Слишком тяжело не думать о том, что было раньше... Она не поймёт.

Когда коляска остановилась напротив мраморной лестницы, Кейли соскочила на землю первой, даже не дождавшись подбежавшего лакея. Однако на самом верху она остановилась и, обернувшись, посмотрела на Александра. Он поднял

голову и в свете фонарей увидел на её щеках слёзы.

– Я просто дура... – услышал он. Затем она поспешила в дом.

Больше не было нужды ей приходить к нему в кабинет. И всё же она продолжала встречать его с улыбкой и вела себя исключительно вежливо. Наступил июнь, и Кейли, наконец, превратилась в неназойливого призрака, как он и мечтал.

Иногда, перед сном, он слышал её шаги из смежной комнаты. Слышал, как она принимала ванну или смеялась вместе со своей горничной. И с какой-то смесью неудовлетворения и зависти тайно желал, чтобы она переселилась куда-нибудь подальше.

Но если Александр и стремился к тишине и покою, то здесь его также ждало разочарование. За неделю до конца мая, в один очень тёплый вечер он возвращался из Рипона с почтой. Очередное письмо от отчима он прочёл там же, в конторе.

«... Если к середине июня не выяснится, что она беременна, её родня начнёт распускать слухи. Графиня Бриджертон бьётся за визит в Фаунтинс-холл, но я предупредил её, что ещё не время тревожить молодожёнов.

Сделай уже что-нибудь с девчонкой, чёрт тебя дери! Сейчас займись наследника мужского пола от дочери виконта – твоя главная задача.

Не разочаруй меня!»

В письме было ещё много чего подобного. В конце кон-

цов, Алекс смял листок и конверт в руке и выругался. От Эшбёрна не было покоя.

Капитан подумал о том, на что тот его уговаривал, и едва сдержал рвотный позыв. Он прекрасно знал, что это бесполезно. А такая девушка, как Кейли Хардинг, просто посмеялась бы над ним... Александр снова выругался.

Хуже новостей просто быть не могло. Так он думал. Однако, едва переступив порог особняка, понял, что день его окончательно испорчен.

– М'леди в малой библиотеке с мистером Эшбёрном, сэр.

– Отчим здесь? Давно он прибыл?

– Не лорд Эшбёрн, сэр...

Слова экономки его просто оглушили. Будто ведро ледяной воды внезапно вылилось сверху. «Этого быть не может!» – твердил Александр по дороге в нужную комнату. И действительно, в малой библиотеке – небольшом кабинете с множеством книжных полок, столиком и четырьмя креслами – он обнаружил свою супругу в компании Джорджа Эшбёрна.

– О, братец! Где это ты шляешься на ночь глядя? – воскликнул молодой человек, едва Алекс переступил порог. – Я бы на твоём месте больше времени проводил дома. Тут всё так изменилось! Твоя жена просто фея! Я поражён! До сих пор корю себя за то, что пропустил свадьбу, вот я идиот!

Этот черноволосый жилистый парень одного с ним роста, одетый в заплатанный дорожный костюм, давно требующий

чистки, как и всегда, бесцеремонно и нагло, налетел на него для объятий. Александр едва сдержался, чтобы не ударить его. Он просто лениво отпихнул брата и оглядел с ног до головы:

– Ты выглядишь отвратительно.

– А ты, как обычно, прямолинеен и груб, – ответил тот и обернулся к Кейли. – И как вы уживаетесь с этим солдафоном, дорогая?

– Зачем ты приехал?

– Всё-таки это дом моего детства, Алекс! Нельзя не пускать меня на порог. Вот твоя жена была очень любезна, в отличие от тебя. Да, я знаю, я весь грязный и неопрятный. Но, сам понимаешь, сложно без средств приобрести хоть один приличный костюм. Плюс ко всему, я хотел познакомиться с твоей женой и немного отдохнуть...

Как же много он болтает! Невыносимый юнец! Джордж был младше Александра всего на четыре года, а уже прослыл игроком и ловеласом. В своё время Эшбёрн плохо занимался его воспитанием, а покойная мать не успела слепить из Джорджа приличного человека. Теперь он стал одной из причин, почему Александру вообще пришлось жениться на богатой наследнице.

Алекс перестал слушать лепет брата примерно на том моменте, когда тот перешёл к жалобам на семью некоего викария, чью дочку он охмурил и был таков...

Александр украдкой посмотрел на свою жену.

Кейли была одета в платье из золотистого шёлка, декорированное цветами и узорами листьев, с короткими рукавами и довольно глубоким вырезом. Она почти никогда не собирала волосы на макушке, вот и сейчас они были просто аккуратно причёсаны, а несколько локонов подвязаны лентой. В свете закатных лучей они вовсе казались золотыми...

Алекс снова неохотно взглянул на улыбающегося, покрасневшего от длинной речи младшего брата и устало закатил глаза. Не выгонять же этого гадёныша в ночь. Придётся поговорить с ним по душам утром.

Капитан сообщил, что Джордж останется на какое-то время, и тот обрадовался, как ребёнок рождественскому подарку. Кейли тем временем поднялась и сказала, что распорядится насчёт комнаты и ужина. Она приветливо улыбнулась своему деверю, но Алекс заметил, как изменилось её лицо, когда она прошла мимо.

«Нужно будет узнать, о чём они тут разговаривали», – подумал Алекс, прикидывая, сколько денег уйдёт на гардероб брата. В конце концов, к ночи ему просто хотелось выть от усталости.

Глава 8

Было тёплое безветренное утро. Июнь только-только вступил в свои права, а природа в Фаунтинс-холле буквально кричала о своём расцвете. Из окна библиотеки на втором этаже Кейли могла разглядеть большую часть подъездной дороги, аллею и загон для лошадей с западной стороны огра-

ды. Последние три недели, почти каждое утро, девушка просыпалась пораньше ради одной единственной цели.

В это время Александр обычно делал физические упражнения возле конюшен, затем объезжал два загона на своём коне Бойле. Однажды Кейли просто встала очень рано, прекрасно зная, что спешить ей некуда, а Оливия придёт лишь через пару часов, и краем глаза увидела своего мужа, разъезжавшего на Бойле. В тот момент она с радостью обнаружила две вещи: во-первых, у Александра всё-таки было увлечение, во-вторых, во время таких утренних прогулок он был весьма легко и небрежно одет. Ворот его белой батистовой рубашки обычно всегда был распахнут, а саму рубашку в бриджи он не заправлял. Иногда он бегал от одного края забора до другого, иногда таскал весьма тяжёлые мешки или разминал руки и ноги.

Кейли и не планировала глазеть на него каждое утро. Так уж вышло. Его было хорошо видно из окна её спальни и из библиотеки. По какому-то неясному желанию её тянуло посмотреть, чем он там занимался, хотя было ещё слишком рано. Только потом он приходил на завтрак, затем весь день проводил либо в кабинете, либо выезжал по делам. Кейли раздражало, что он так упорно игнорировал её существование, но она знала: он упёртый, как баран, и по каким-то причинам нелюдимый, как старый отшельник.

Иногда она с ужасом представляла, что в городе у него имелась любовница, а то и парочка таковых, но проверить

это можно было лишь одним способом – проследив за ним. Что было весьма трудно сделать.

А затем появился Джордж, который, хоть и был тем ещё прохвостом и повесой, оказался дружелюбным и весёлым молодым мужчиной. За завтраком он любил рассказывать Кейли о своём беззаботном детстве здесь, в поместье, а также о своих последних похождениях, о коих, впрочем, уже половина Англии знала.

Когда Кейли тактично пыталась выяснить о детстве его брата, деверь с ухмылкой говорил, что тот был болезненным и закрытым ребёнком. А стоило девушке упомянуть тему с любовницами, как Джордж начинал хохотать. Он заверил её, что это невозможно, и его брат – настоящий монах в «этом плане». Он попытался спросить об их супружеских отношениях, но Кейли сумела выкрутиться, переведя разговор на другую тему.

Несмотря на поведение мужа и его обычное молчание, она понимала, что привязалась к этому человеку так, как и представить себе не могла. Она украдкой следила за ним за ужином, примечала, во что он обычно был одет, подсматривала, какие книги он брал из библиотеки, и тому подобное. Кейли тайно желала узнать о нём любую мелочь, не говоря уже о причинах его нелюбимости.

Красивый, умный и молодой офицер – и такой отчуждённый? Она не верила, что этому не было объяснений.

Нынче утро выдалось ещё теплее, чем прежде, так что

Кейли заметила, что из-за физических нагрузок он быстро вспотел, и даже его волосы стали мокрыми. Что уж говорить про одежду. Из-за тонкой ткани были хорошо видны рельефы его мышц, и любая леди признала бы, что у него очень сильные руки и мощное тело, несмотря на явную стройность.

А ещё он улыбался, когда гладил морду своего коня. Александр улыбался, и Кейли ощущала себя на седьмом небе, пусть даже со стороны его улыбка казалась такой скромной.

«Если бы он снял эту дурацкую рубашку, – подумала Кейли в то мгновение, – я бы точно потеряла сознание». И она тут же одёрнула себя за непристойные мысли.

Судя по всему, он и не собирался консумировать их брак. Они не делали ничего из того, что рассказывала ей Анита в своё время. Из-за этого Кейли ощущала себя странно, будто она сама была неполноценной. Она знала, что бывают случаи, когда мужчины занимаются таким даже без любви, но, видимо, она была настолько противна мужу, что ему даже наследник не требовался.

Кейли хотелось его ненавидеть, хотелось иногда даже ударить и посмотреть на его реакцию. Но каждый раз, стоило ей услышать его голос, или просто увидеть где-нибудь в коридоре, она ловила себя на мысли, что до сих пор любит его. И она понятия не имела, что с этим делать.

В то утро она чуть не забыла, что мистер Блэк собирался отправить в поместье своего племянника, Роджера Стивенса. Он слыл отличным садовником, а помимо этого разби-

рался в архитектуре. Экономка позвала её около полудня, и Кейли, одетая в простое хлопковое платье, скромное и миленькое, спустилась в холл, где встретила мистера Стивенса.

Это был очень высокий худощавый мужчина, лет тридцати, с коротко стриженными русыми волосами. Кейли отметила острые черты лица и неприятную ухмылку, которая, скорее всего, появлялась на его губах непроизвольно. У него были светло-синие глаза и взгляд, как у хищной птицы. Этим он напомнил Кейли свёкра, которого она уже сотню раз прокляла.

– А вы гораздо красивее, чем описывал дядя, – ляпнул гость прежде, чем Кейли успела спуститься с лестницы.

«Весьма непрофессиональное приветствие», – решила она и подумала, что с ним будет неприятно общаться. Когда он улыбнулся, поцеловал её руку и немедленно пригласил осмотреть сад, она немного поменяла своё мнение. А к концу прогулки окончательно поняла, что он был интеллигентным и учтивым мужчиной. Его аура злодея оказалась лишь обманкой внешности. Кейли боялась, что он не воспримет её, как хозяйку поместья, всерьёз в силу её возраста, однако все пожелания и замечания он встретил с профессиональной выдержкой.

Он понравился ей, к тому же, он с радостью согласился, чтобы она участвовала в воссоздании прежнего сада, и по возвращению в особняк Кейли уже видела себя среди сотен новых цветущих кустов. Возможно, супруг и не похвалит её,

но она надеялась, что он хотя бы немного порадуется.

Кейли любезно пригласила Стивенса на обед, но тот отказался, потому что спешил в Рипон по делам. Надевая пиджак и шляпу, он улыбался и уверял, что к осеннему сезону большая часть сада будет готова.

– Вот увидите, миледи, я устрою здесь всё так, что по окончании работ вы будете визжать от восторга!

Кейли засмеялась, прикрыв ладонью рот, и лишь в тот момент заметила своего мужа, вышедшего из тени коридора на свет.

– А, Стоун! Благо, я успел застать тебя дома!

Когда Стивенс протянул капитану руку, тот и пальцем не пошевелил. Кейли так напряглась, что почти забыла, как дышать, потому что заметила, как на его лице отразилась такая паника, будто новый садовник угрожал ножом. Александр взглянул на жену, очень внимательно её осмотрел, словно на ней что-то потерялось, и лишь потом взял себя в руки. На приветствие Стивенса он не ответил, только слегка кивнул головой.

– Не думал, что вы так скоро приступите к работе, – заметил он.

– Да, мы решили, что не стоит медлить. К тому же, казалось, что я единственный, кто ещё не знаком с твоей супругой! – Стивенс с восхищением посмотрел на Кейли. – Дядя мне все уши прожужжал. Она просто молодец! За несколько недель привела тут всё в надлежащий вид.

– Да, верно...

– Мы с тобой тоже давно не виделись. А ещё слышал, что Джорджи приехал. Где он пропадает?

– Мистер Эшбёрн сейчас в городе, – сказала Кейли. – Он вернётся к ланчу. Может быть, вы останетесь?

Она не видела, но в тот момент Александр наградил её таким ненавистным взглядом, что у любого волосы встали бы дыбом.

– О, нет, нет, опаздывать мне нельзя! Пропущу с ним стаканчик-другой бренди в следующий раз. – Стивенс кивнул и обратился к Алексу. – Надеюсь, мы славно поболтаем все вместе. Всё-таки, несколько лет учились в одной школе...

– Как это замечательно! Обязательно расскажите мне подробности.

Кейли снова не заметила удивлённый, почти шокированный взгляд мужа, потому что тут же поспешила проводить гостя за порог. Зато мистер Грэм, стоявший неподалёку, всё видел. В то мгновение он подумал вдруг, отчего молодой хозяин так напуган. Или зол. Впрочем, со стороны было непонятно.

Что же до Кейли, то радость от нового знакомства сменилась негодованием. Едва Стивенс ушёл, она обернулась к мужу и сходу выпалила:

– Как же так можно?! Он ничего дурного не сделал, а вы повели себя грубо! Вы же капитан, а ведёте себя, как...

– Я позволил тебе делать в особняке всё, что захочется, –

перебил её Александр резко. – Но, видимо, я позволил слишком много.

Он вдруг развернулся и ушёл, оставив её гадать, что это такое было. Кейли молча проглотила обиду, украдкой взглянув на старика Грэма, и сделала вид, что ничего не произошло. Внутри же ей хотелось стонать от такого позора.

Он ощутил это мерзкое скользкое чувство, едва только услышал, как Кейли смеялась над двусмысленной шуточкой Стивенса. Не ревность, нет. То была настоящая паника. Потому что он знал, что именно с таких сцен и начинались глупые женские увлечения. Стивенс не был женат, и его часто видели на Финкл-Клоуз в Рипоне, известной своими борделями и проститутками. Такому ничего не будет стоить соблазнить девятнадцатилетнюю девицу, а она не заметит, как окажется у него в постели.

Александр ощущал, как ледяной пот стекал у него по спине. Если такое случится, она запросто может забеременеть от Стивенса, а значит, появится ублюдок, которого не скрыть от Эшбёрна. Если отчим узнает, что Кейли потеряла невинность с каким-то племянником простого землевладельца, весь его гнев и злоба обрушатся на него. Алекс представил всё это ещё там, в холле, когда жена пыталась пригласить Стивенса на ланч. Он буквально почувствовал ледяную руку отчима, сжимающую его плечо, и мгновенно запаниковал.

За пять дней Эшбёрн успел прислать ещё одно письмо с намёками на консумирование этого брака. Плюс ко всему, пообещал нанести визит в конце месяца. А там наверняка придут мачеха Кейли или её отец. Скоро здесь будет столько пар глаз, от которых не скрыться, что даже подумать страшно...

Александр долго мерил шагами свой кабинет. Нельзя больше тянуть. Нужно сделать так, чтобы девчонка забеременела от него, и пусть уже родит ребёнка, а там делает, что хочет. Пусть спит хоть со всем Лондоном, лишь бы первое дитя было от мужа.

Пришлось присесть за стол, чтобы унять тошноту. Его буквально воротило от этих мыслей. Жаль, нельзя всё это прекратить.

Нельзя... нельзя... нельзя...

Следующим же вечером Александр верхом и в одиночку отправился в город. Уже горели фонари, когда он въехал на Финкл-Клоуз, где буквально каждый угол источал запахи порока. Сам он никогда здесь не был, как не посещал даже тёмные закоулки Уайтчепел в Лондоне. Зато Джордж часто бывал в местных заведениях и пару раз рассказывал, какие «славные и нежные женщины работают на Финкл-Клоуз».

Александрю ненавистно было даже находиться здесь, но нужно же с чего-то начать. Нельзя было просто прийти к Кейли и, в случае провала, опозориться перед нею. Поэтому он решил взять хоть какой-то опыт из места, где этим опы-

том торговали ночами напролёт.

Ему хватило и пяти минут, чтобы наткнуться на первую «претендентку». Оставив Бойла у коновязи возле трактира, капитан прошёл буквально пару домов, и в арке, в полутьме он, как смог, разглядел даму лет сорока, одетую в поношенное, давно вышедшее из моды платье. От неё несло затхлостью и алкоголем, возможно, дешёвым вином. Дама с прокуренным голосом обозвала Александра «красавчиком» и предложила свои услуги за гроши. Но он даже не остановился перед нею, а пошёл дальше.

Джордж говорил не подбирать девиц на улице, а спрашивать женщин в местном притоне, находившемся около трущоб, где и жили эти самые проститутки. Алекс едва терпел, чтобы не развернуться и убежать прочь, схватиться за Бойла и поскорее умчаться назад. Оказавшись среди запахов гниения, помоев и отходов человеческой жизнедеятельности, он к своему удивлению понял, что уже соскучился по Фаунтинс-холлу и его начищенным до блеска полам.

В трёхэтажном здании, где воняло не столь отвратно, как на улице, но и не настолько приятно, чтобы дышать тут полной грудью, его у самого порога схватила за руку миловидная брюнетка. По крайней мере, когда она улыбалась, было заметно, что все зубы у неё находились на месте.

Женщина отвела его в свою комнату этажом выше, прикрыла дверь, затем сняла с себя шаль и шляпку, выдавшие лучшие времена.

– Какой-то ты скромник! А ещё и молоденький! – подивилась она, разглядывая его, как диковинку. – Чего замер, как жена Лота? Раздевайся. Не волнуйся, с тебя возьму меньше. А то одни пьянчуги да старики приходят...

Александр снял пальто и вдруг понял, что не может заставить себя сделать больше, чем уже сделал. Когда женщина, выдав на лице улыбку опытной обольстительницы, подошла и обняла его, обвив руками шею, Алекс с шумом втянул воздух.

Он понял, что ничего не получится. И когда она стала торопливо расстёгивать пуговицы его рубашки, он слышал лишь пульсирующий шум в ушах и ощущал, как тошнота подкатывала к горлу. Ему сделалось дурно.

Стоило только представить обнажённые бёдра, или живот, или ноги... Или как чужие жадные руки будут хвататься за него, сжимать там, где этого не нужно делать, а противные сухие губы прикоснуться к его коже...

– Я так не могу... – прошептал он, зажмурившись.

Тогда женщина медленно отстранилась и посмотрела на него с любопытством:

– Это твой первый раз, дорогой? Надо же...

Она хмыкнула и перевела взгляд ниже. Тогда он открыл глаза и понял, что она смотрит на его пах. И когда её рука уже потянулась туда, Александр не выдержал и оттолкнул её.

– Так у тебя серьёзные проблемы. Бедняжка. Кто же сделал это с тобой? И давно ли?

Он уже ничего не слышал, потому что судорожно пытался одеться и отыскать в кармане деньги. Десять пенсов он бросил на прикроватный столик, ещё несколько монет упали на пол, но ему было плевать. Александр выбежал из комнаты, спустился по кривой скрипучей лестнице напрямик на улицу, и там, возле ограды, под чьими-то окнами его стошнило.

По дороге домой он то и дело проклинал себя, проклинал свою слабость, свою зависимость, и просто не мог дожидаться приложиться к хересу. Что, собственно, он и сделал, едва оказался в особняке. Свечи уже были потушены, и кругом было тихо. Спали даже собаки во дворе. Александр долго сидел за столом в своём кабинете, выпивал рюмку за рюмкой и думал о том, что, если не лишит Кейли девственности следующей ночью, то не сможет сделать этого уже никогда.

Как назло утро выдалось погожее. И в целом день обещал быть солнечным и жарким. Мало того, что настроение Александра было испорчено, так ещё и этот знаменитый племянник Блэка пожаловал.

Капитан видел его и Кейли из окна хозяйского кабинета. Они шли почти бок о бок и о чём-то болтали. Девчонка яростно жестикулировала, видимо, указывая на газон или поредевшие кусты поблизости. Алексу показалось, что он услышал её смех, счастливый и искренний, и снова поддался зависти. Иногда, ещё до свадьбы, он думал о том, как жила эта беззаботная маленькая виконтесса, и представлял себя на её месте. Счастливое детство, любящие родители, и всё,

чего бы ты ни пожелал...

Александр прикрыл усталые глаза, которые он так и не сомкнул ночью. Сейчас ему почудилось, будто вокруг витал запах трущоб.

В конце дня, около десяти вечера, он неспешно поднялся по мраморной лестнице, нарочно отсчитывая каждую ступеньку, чтобы хоть чем-то разбавить гнетущие размышления. Напротив двери спальни своей жены он остановился, да так и простоял, несколько минут слушая смех Кейли и её горничной. Затем, постучавшись, вошёл в комнату.

– Капитан... сэръ... Что-то случилось? Вас не было за ужином.

Его жена сидела на краю постели и казалась искренне встревоженной столь поздним визитом. Или тем фактом, что он действительно пропустил ужин. В это время он сидел в библиотеке, пытаясь взять себя в руки. Заставить себя пойти и переспать этой ночью с собственной женой.

Александр лишь кивнул в ответ и бросил беглый взгляд в сторону Оливии. «Ей не помешало бы лопать меньше сладкого, – подумал он. – Скоро она станет упитаннее и здоровее своей хозяйки». Вслух же произнёс строгим голосом:

– Оставь нас.

Конечно, Оливия никуда не собиралась уходить без позволения Кейли. Сообразив, наконец, чего хотел её муж, девушка кивнула, и лишь после этого горничная, склонив голову, вышла.

Алекс в сотый раз повторял про себя, что они оба тут жертвы. И Кейли не виновата ни в чём, ведь ей предстояло вынести боль и унижение, которые она не заслужила. Но он должен был сделать это, чтобы Эшбёрн отвязался, наконец, или переключился на перевоспитание Джорджа.

– Что-то не так, сэр? Вы так поздно заглянули, – заметила Кейли встревоженно. – Я даже немного растерялась.

– Я не «просто заглянул». Не стану ходить вокруг да около. Пусть это всего лишь обязательство, но консумировать брак придётся...

Видимо, до неё не сразу дошёл смысл этих слов. Сначала она удивилась, затем нахмурилась, а потом вдруг побледнела. Она стала почти такой же белой, как и воздушное домашнее платье на ней. Александр только сейчас обратил на него внимание. Это была довольно тонкая ткань, и он, наконец, сообразил, что под этим платьем на Кейли ничего не было, кроме белых чулок на ногах.

Его дыхание участилось, и он сам не понял, почему.

– Нет...

Он качнул головой, не поверив в то, что услышал.

– Нет!

Кейли настойчиво повторила своё последнее слово, затем поднялась и отошла вглубь комнаты. Она напустила на себя строгость и попыталась спрятаться за маской обиды, это он понял сразу. Однако почему-то её ледяной тон всё равно его поразил.

– Ты не поняла? Я пришёл за тем, что по праву моё. Больше тянуть нет смысла.

– А раньше вы не торопились...

– То было раньше.

Он и сам уже начал нервничать, но заставил себя этого не показывать. Нельзя показывать ей свою слабость, иначе она посмеётся над ним и велит пойти прочь.

Алекс видел, что её стойкость уже сходила на нет. Видел и то, как дрожали её руки. Она боялась, и это было естественно. Но всё это уже не важно.

– Твоя мачеха всё тебе рассказала, верно? – спросил он, затем почти рывком снял с себя рубашку. – Если так, то нечего тянуть. Раздевайся и ложись. Я потушу свечи, конечно.

Он бросил рубашку в кресло, мимолётно обратив внимание на раскрытую книгу на ближайшем столике. Какое-то девчачье садоводство. Александр тут же вспомнил о Стивенсе и недовольно фыркнул.

Разумеется, он заметил и то, с какой смесью страха, удивления и восхищения Кейли посмотрела на него. На самом деле, она просто продолжала смотреть и заметно было, как тяжело она дышала. Её высокая грудь вздымалась часто-часто. Александр обратил внимание на её приоткрытые розовые губы и вдруг вспомнил прошлую ночь. Но здесь уютно и чисто, и пахнет цитрусом и воском. А девушка, стоявшая перед ним, была привлекательной, юной и такой же неискушённой и невинной, как и он, когда ему было десять лет...

Ему было всего десять. Прошло столько времени, а он не может забыть...

Александр сделал глубокий вдох. Несмотря на то, что больше всего ему хотелось уйти и забыться сном, он сжал кулаки и сделал шаг к своей жене...

Глава 9

Кто грустен сердцем, на слова не щедр.

Шекспир, «Бесплодные усилия любви»

Она поняла бы, будь он пьян. Поняла бы, если б он ударился головой или вроде того. Но Александр вполне отдавал себе отчёт в том, что делал или собирался сделать. Кейли отступила на шаг назад, в неосвещённую часть спальни. Мужчина последовал за ней.

– Мы что, действительно будем играть в догонялки? – спросил он без тени смеха в голосе. – Ты хочешь, чтобы я бегал за тобой по комнате?

Кейли покачала головой. Она его просто не узнавала. Этот же человек упрямо игнорировал её со дня свадьбы? Этот же человек уверял, что не прикаснётся к ней? Девушка ощутила внезапную дрожь, когда осознала, зачем именно он пришёл. Она невольно вспомнила поверхностные рассказы Аниты. Кейли стало страшно.

– Нет, не надо, – сказала она, неотрывно глядя ему в глаза. – Я всё равно не позволю.

Тогда он замер, словно задумался над чем-то, а потом на

его красивом лице показалась усмешка.

– Уже не такая влюблённая дурочка, верно? Больше не горишь желанием стать моей женой? Что такое? Язык прикусила?

– Вы же этого не хотите, – констатировала она. – Вы говорили, что я вам не нужна... как женщина. Вы не хотите делать этого, я знаю!

– Ты не глупа. Но ты женщина, как ни крути.

Он вдруг сделал резкий выпад, чтобы схватить Кейли за руку, и ей пришлось поспешно увернуться, за что она поплатилась ушибленной о ножку туалетного столика коленкой.

– Прекрати! – рявкнул Александр. – Что за детские игры? Я всё равно тебя достану.

– Нет...

– Я сильнее и крупнее тебя.

– Почему вы приходите в мою спальню спустя столько времени, чтобы потребовать консумации? – не выдержала Кейли; её голос дрогнул, руки похолодели. – До этого вас всё устраивало! И вы, по крайней мере, были вежливы со мной.

– Какая разница, почему именно сейчас? Это твоя обязанность – слушаться меня!

Обида и злость постепенно охватили её. Девушка скривилась, испустив вздох разочарования. И это он-то – благородный капитан? Это он – мужчина её мечты? Тот, кто готов против воли взять её, а затем снова вышвырнуть, как мусор?

– Я вам не нужна, – прошептала она с горечью. – Это всё...

в этом нет искренности... я не хочу...

Когда он улыбнулся, вымученно, словно не желал этого, ей захотелось расплакаться. Кейли смотрела на своего мужа и буквально утопала в неясности. Его глаза налились кровью, лоб был влажный, а вены на руках вздулись, словно до этого он боролся. Или боролся теперь, но сам с собой. И тогда она поняла, что была права. Он не хотел её, не хотел этой ночи, не хотел даже быть здесь. Но заставлял себя. Зачем?

Когда она вслух задала этот вопрос, Александр лишь провёл рукой по взмокшим светлым волосам и выпрямил спину. Как же он был красив! Он был просто непозволительно, незаконно красив, и на мгновение Кейли ощутила всем своим нутром то самое желание, о котором Анита шептала ей как-то перед сном.

«Тебя словно жаром обдаёт, и конечности начинают ныть, и внизу живота тянет сладкой болью...» – так она говорила. И Кейли всхлипнула, поняв вдруг, что поддалась этой боли, пусть даже и на мгновение.

– Пожалуйста, не делай этого со мной, – взмолилась она шёпотом, имея ввиду вовсе не насилие.

Александр, наконец, посмотрел на неё снова. Он тяжело дышал и то и дело сжимал и разжимал пальцы.

– Вот он, реальный мир, девочка, – произнёс её муж низким голосом. – В нём никогда и не было искренности. Ты не всегда получаешь, что хочешь.

– Неправда!

– Незачем кричать. Чем быстрее ты всё поймёшь, тем быстрее примешь это. К тому же, в конце концов, если у тебя будет ребёнок, ты станешь куда счастливее. Даже я тебе больше не понадобится.

Это была уже последняя капля. Он буквально пытался растоптать всё то хорошее, что когда-то было между ними. Всё то, чему она научилась у отца и мачехи. Всё светлое и прекрасное, что она видела в людях. Он словно хотел разорвать её чудесный мир на части и сделать его таким же тёмным и расколотым, как и его собственный. Да как он посмел?!

Со злости Кейли схватила с кресла подушку и бросила в мужа.

– Ты просто монстр!

Александр с усмешкой отшвырнул это орудие в сторону.

– Старые добрые методы самозащиты...

– Ты ненавидишь меня! Ты меня презираешь! – воскликнула Кейли. – И с этим ты пришёл, чтобы меня... м-меня...

– Чтобы тебя... что? Взять? Отыметь? Забрать невинность? Мне продолжить?

Кейли просто вспыхнула до самых кончиков ушей. Он никогда не был таким. Он специально говорил все эти гадости и пришёл, якобы, наградить её ребёнком, который, видимо, ему самому не был нужен. Это было чудовищно несправедливо. Бесчестно и жестоко. Она просто не могла поверить в то, что влюбилась в него, когда его истинный облик предстал

перед нею здесь и сейчас.

– Я не понимаю, зачем ты делаешь это, – произнесла она. – Ты не такой. Я не верю...

Горькая усмешка не сходила с его губ. Он больше не приближался и не пытался схватить её.

– Я тобой владею. Ты моя собственность, – сказал он вдруг, вскинув голову и презрительно улыбнувшись. – И ты будешь делать то, что я скажу.

– Нет!

Тогда он рванул вперёд, так быстро и неожиданно, что ей попросту некуда было деться. Кейли оказалась в ловушке его рук, и успела лишь тихонечко и жалобно вскрикнуть. Их взгляды пересеклись. Длинные пальцы больно сжали её руки чуть выше локтей. Когда Александр прижал её к себе, она почувствовала, как её грудь коснулась его груди, и это прикосновение мигом обожгло её.

«А если сдать? – подумалось ей вдруг. – Если сделать вид, что это правильно, будет ли всё так, как говорила Ани-та?»

Но Кейли посмотрела в гневное лицо своего мужа и поняла, что не будет. Это всё равно, что добровольное насилие. Он её не любит, а презирает. Если она вытерпит это, то окажется ничем не лучше него.

Она попыталась вывернуться, когда Александр решительно подтолкнул её к постели. В следующий миг Кейли приготовилась и плюнула прямо ему в лицо. На мгновение он

опешил, тогда она смогла высвободить правую руку.

Кейли замахнулась, чтобы со всей силы влечь ему пощёчину... но неожиданно замерла с поднятой ладонью, когда увидела, как он улыбнулся. Он улыбался жестоко и злобно. Так, словно ждал этого уже давно. И словно знал, что она ударит его.

Словно такое с ним уже происходило.

Эта улыбка на красивом побледневшем лице мужа заставила Кейли содрогнуться. И она вдруг поняла: если ударит его, то он получит то, что хочет. А она не могла ему этого позволить. Девушка опустила руку и сомкнула сухие губы. Она едва не забыла, как дышать.

А затем всё неожиданно кончилось. Всё ещё улыбаясь, Александр отпустил её, затем утёр лицо ладонью и, отступив на несколько шагов, вдруг произнёс:

– Если бы я тебя ненавидел... Если бы была лишь ненависть... Жаль, что я не могу так. Ты... воплощение всего, чего я оказался лишён, и я завидую тебе. К тому же, ты сильнее меня... Как ты можешь быть сильнее меня?

Он просто развернулся и ушёл через смежную дверь, которую никто не открывал с тех пор, как Кейли впервые оказалась здесь. Дверь хлопнула, и стало очень тихо.

Девушка не успела ничего ответить. Да и что можно было ответить? Она не поняла ничего из его последних слов. Всё ещё дрожащая и перепуганная, она присела на краешек постели, и просидела так почти пятнадцать минут. Она думала

о том, почему он пришёл именно теперь. Почему поначалу так отчаянно хотел заняться любовью, хотя ясно было, что это вынужденный шаг.

«Нет, не любовью, – поправила она себя, – это не про любовь... Он назвал это иначе...»

Но самое поразительное и странное – его мнимая радость от того, что она могла его ударить. Почему он улыбался? Если это было то, чего он ожидал, означало ли, что кто-то однажды уже бил его за подобные выходки? Кейли поёжилась и покачала головой. Как тут понять, если он ничего не рассказывал?

«Я назвала его монстром, а он даже не заметил...»

Через несколько минут, одетая в домашние халат и тапочки, Кейли спустилась на первый этаж и прошла на кухню, где в это время занимались заготовками миссис Даунс, новая повариха из Фаунтинс, и миссис Миллз. Вошедшую юную хозяйку они встретили удивлёнными взглядами.

– М'леди?

– Что-то мне не спится сегодня, миссис Миллз. Пожалуйста, подогрейте мне немного молока.

Кухарка – женщина немолодая, но шустрая, несмотря на её склонность к полноте, поспешила выполнить просьбу. Тем временем экономка вытерла о передник руки и заинтересовалась, отчего Кейли не спит так поздно.

– Просто... сегодня тяжёлая ночь.

Девушка не нашлась, что ещё ответить. Перед тем, как

покинуть спальню, она думала, стоит ли кому-то говорить о странном поведении Александра. В конце концов, не желая позорить ни его, ни себя, она решила умолчать. Возможно, будь рядом Анита, она бы всё ей рассказала, и стало бы легче.

Кейли вдруг почувствовала себя очень несчастной. Не только потому, что вспомнила о любимой подруге. Была ещё одна причина. Она всё ещё любила Александра.

Две женщины молчаливо наблюдали за тем, как Кейли – бледная и опечаленная – водила по краю кружки с молоком пальцами и вздыхала. Наконец, экономка произнесла:

– Если вы расстроены чем-то, можете поделиться.

– А я приготовлю свою фирменную микстурку из трав, – поддакнула миссис Даунс. – Это чтобы заснуть поскорее.

– Благодарю вас, но мне просто грустно. – Кейли упрямо сжала губы и проглотила тугой горький ком в горле. – Иногда здесь очень одиноко.

Кухарка покачала головой, затем ткнула миссис Миллз локтём в бок. Та воззрилась на неё, подняв брови едва ли не до самого края чепчика, а миссис Даунс кивнула в сторону хозяйки.

– Хм, понимаю, что наш капитан... мистер Стоун... конечно, он не самый весёлый собеседник, поскольку большую часть жизни провёл на службе, – заметила экономка вкрадчиво. – В любом случае, вы могли бы пригласить сюда своих родственников. Все комнаты готовы, да и прислуги достаточно, чтобы принять виконта...

– Благодарю вас, миссис Миллз.

Кейли грустно улыбнулась, а после отвернулась к узенькому окошку. Снаружи было темно, разве что угадывались очертания деревьев вдалеке. Кейли задумчиво продолжала вглядываться в ночь, пока кухарка убирала со стола, а экономка ей помогала.

– Как вы думаете, миссис Миллз, ваши мечты сбылись?

Неожиданный вопрос застал женщину врасплох. Она поразмышляла немного, затем ответила:

– Не помню, чтобы загадывала недостижимых целей, м'леди, поэтому, думаю да, я всем довольна.

– Когда я была маленькой, – сказала Кейли, сжав горячую кружку в обеих ладонях, – я любила бегать с воздушным змеем и представлять себя на его месте. Я мечтала, что смогу летать, как и он. Это было глупо, будто наивный сон, но это была моя первая осознанная мечта. А потом уже...

Когда голос девушки упал до шёпота, миссис Миллз замерла со столовыми приборами в руках, чтобы не шуметь. Кейли скривила губы в подобии улыбки и спросила:

– Думаете, я смогла бы улететь с крыши этого дома?

Обе женщины едва не поперхнулись. Они взглянули друг на друга, ошеломлённые, затем на молодую хозяйку. Миссис Даунс подтолкнула свою соседку, но той уже не требовалась её помощь.

– Я думаю, что вам нужно допить молоко и отправиться спать! – отрезала экономка строго. – Миссис Даунс пригото-

вит вам свою микстуру. Верно, миссис Даунс?

– Да-да!

– Идёмте, м'леди.

Обычно несгибаемая и суровая, как заправский офицер, миссис Миллз приобняла расстроенную девушку за плечи и отвела в спальню, куда через несколько минут принесли настойку для сна. Никто из женщин так и не узнал, почему Кейли была настолько разбита и опечалена.

Когда девушка спустилась утром в столовую, она нашла там обоих братьев. Обычно Джордж просыпал завтрак, но на этот раз он был собран и бодр, и, судя по приветливой улыбке, рвался в бой. Что же до Александра, то он читал газету с самым невозмутимым видом, размешивая в кружке кофе. Когда Кейли присела за стол, он украдкой взглянул на неё, но промолчал.

«Какие же они разные, – подумалось Кейли. – Небо и земля».

– Итак, я всё решил! – провозгласил Джордж, многозначительно махнув рукой с вилкой.

– Что же вы решили?

– Со следующей недели открываю собственную охоту на богатых наследниц.

Кейли посмотрела на него, как на умалишённого. Александр чуть не подавился своим кофе. Затем он нарочно потрянул газетой и откашлялся:

– Начни с Лондона и двигайся в сторону Бристоля...

– О, а ты думаешь, мне могут попасться богатые девицы из Америки? Дочери каких-нибудь плантаторов?

Кейли снисходительно улыбнулась. Он явно не понял сарказма в голосе брата. Она посмотрела на повеселевшего молодого человека и поняла, что злиться на него просто невозможно. Наверное, этим он и пользовался, когда охмурял очередную бедняжку. У него густые, чёрные, как смоль, волосы, аристократические черты лица (чем он был очень похож на своего отца) и безумно красивая улыбка – ну какая девушка устоит? Кейли вспомнила, по какой именно причине он приехал сюда, и вздохнула. Наверное, поскорее жениться на какой-нибудь аристократке – это лучший вариант для повесы, погубившего репутации парочки крестьянок. «Бедные девочки, – подумала она. – И бедная его будущая жена».

– Ничего другого я от тебя не ожидал, – сказал Александр, на что его брат состроил гримасу, когда тот отвернулся. – И это тоже было ожидаемо.

– Ох, Алекс! Ты просто невозможен! Не всё в жизни подвластно контролю. Когда-нибудь ты это поймёшь и расслабишься.

После этих слов Кейли неожиданно вспомнила о том, что случилось ночью, и, как это ни странно, в тот самый момент Александр посмотрел прямо на неё. Откровенно и не таясь. И от этого пронзительного взгляда ей захотелось спрятаться.

Когда через пару минут к столу подошёл лакей и передал Александру какой-то конверт, Кейли насторожилась. Он

принялся изучать послание прямо здесь, и она очень внимательно наблюдала за его реакцией. «Если это от любовницы, то как понять? Всё равно он не скажет!»

– Интересно, что же такого в этом письме, братец, что ты так повеселел? – спросил Джордж, разбивая чайной ложечкой уже третье яйцо.

«Повеселел?! Да как же он понял? На лице ни один мускул не дрогнул! – удивилась Кейли про себя. – Он действительно хорошо его знает».

Утерев губы салфеткой и вернув письмо в конверт, капитан взъерошил волосы свободной рукой. Замершая Кейли, наблюдавшая за ним, даже не знала, чего хотела больше всего: запустить в него столовым прибором или поцеловать, да так, чтобы воздуха не хватало. «Нельзя быть таким красивым, – подумала она. – Он этого даже не понимает!»

– В Соединённых провинциях Южной Америки зреет конфликт, – сказал Александр, наконец. – По приказу Его Величества Веллингтон посылает туда пять тысяч британцев. Я тоже поеду, как один из командующих...

– Фу-ты, ну-ты!

– Это вовсе не смешно, Джордж.

– А я и не смеюсь! Просто я знаю, как тебе наскучила гражданская жизнь, и в глубине души ты, наверняка, танцуешь от радости осознания, что отправляешься так далеко.

– Жаль, что ты не способен направить свою проницательность в более полезное русло...

– Например?

– Например, догадаться, когда нужно удержать кое-что в штанах, пока поздно не стало.

Джордж рассмеялся, да так, что чуть не уронил вилку на пол. Кейли же с натянутой улыбкой опустила глаза и мысленно заплодировала своему мужу. Пусть это было грубовато, однако замечание оказалось верным. В следующее же мгновение до неё дошло: Александр уедет, и не абы куда, а в Южную Америку!

По её спине пробежал холодок. Это было чертовски далеко и опасно. Со времени победы над Наполеоном Александр не отлучался из страны более, чем на месяц. И это было всего раз, кажется. С тех пор он не покидал Англию.

Кейли снова посмотрела на него, на этот раз с искренним беспокойством. «А если будут сражения? А если его ранят? А что, если корабль попадёт в шторм?» Она так глубоко ушла в эти кошмарные фантазии, что даже Джордж не сразу сумел до неё достучаться.

– Дорогая, неужели вы испугались за этого негодяя? Бросьте, его ни один штык не возьмёт. Такие не помирают, уж поверьте!

– Как мило, что ты обеспокоен моей участью, – бросил капитан саркастично.

Он поднялся, затем велел передать управляющему, что желает видеть его в кабинете через несколько минут.

– Прошу меня простить, – сказал он. – Надо собирать ве-

щи. «Виктори» отправляется из Саутгемптона через три дня. Так что уезжаю рано утром...

Кейли словно ощутила удар под дых; она даже с места вскочила, благо, что не бросилась к нему и сдержалась. А ещё не заметила удивлённо-насмешливого взгляда Джорджа.

– Как это – утром?! Почему так скоро? И надолго это всё затянется?

– Понятия не имею. Никогда не угадаешь...

– Но когда вы вернётесь?

– Говорю же: не знаю!

Джордж сидел смиренно и с улыбкой наблюдал то за нею, то за братом. Кейли была так взбудоражена и поражена, притом выглядела очень соблазнительно в простом муслиновом платье персикового цвета. Оно подходило под цвет её длинных русых волос, собранных на затылке лентой. Джордж подумал о том, какой его брат идиот, раз решил променять эту юную красотку на духоту Южной Америки, и спрятал ухмылку за кружкой чая.

– Ещё раз прошу меня простить, – сказал Александр и кивнул жене, затем брату. – Поговорим вечером.

Однако никакого разговора вечером не состоялось. Кейли допоздна не ложилась, надеясь, что он придёт и хотя бы попросится. Она бесилась и злилась. На него, потому что он бросал её, на себя, потому что уже простила ему ту ночную выходку. Всё это было так неожиданно и сумбурно, и от переживаний у неё жутко разболелась голова. Перед тем, как

лечь спать, она решила поговорить с мужем.

– Ты уверен, что всё в порядке? – услышала она голос Джорджа, подойдя к двери смежной комнаты. – Я-то думал, у вас нормальный брак. Но ты словно нарочно её отталкиваешь.

– Тебя это не касается, – ответил Александр. – Как я уже сказал, можешь жить тут, но не трать деньги попусту. В конце концов, я не хочу больше ничего просить ни у твоего отца, ни у виконта.

Кейли нахмурилась, стоя под дверью. Она переминалась с ноги на ногу и дёргала себя за локон волос.

– Ладно-ладно! Я останусь с твоей женой и постараюсь её развлечь. Ведь, судя по всему, тебе это не удавалось.

– Делай, как знаешь...

– Так почему ты не хочешь с ней попрощаться? Такая поездка займёт не меньше полугода, уж я-то в курсе. Алекс, мне кажется, твоя жена с ума сойдёт, если ты хотя бы не попрощаешься.

Затем последовала долгая пауза, за время которой Кейли ощутила себя совершенно опустошённой и разбитой.

– Всё это лишнее... Эти взгляды... добрые слова... Я ей не нужен. Надеюсь, она скоро это поймёт. И переболеет мной.

– Ты просто идиот...

– Я знаю.

– Хотел бы я, чтобы меня так любили. Хоть кто-нибудь.

Когда-нибудь.

– Снова старые разговорчики о твоём отце?

– Он и твой отец. Чёрт, Алекс! Он тебе больше отец, чем мне...

За этим последовала такая длинная и насыщенная брань, что Кейли даже растерялась. А вскоре она услышала, как её муж велел Джорджу убираться, и быстренько шмыгнула в дверь своей спальни. Посидев немного в тишине, она подошла к туалетному столику, взяла набор для письма и записала всего несколько строк. Затем сложила листок в конверт и просунула его под дверь, что вела в спальню мужа.

Когда рано утром Кейли проснулась с отяжелевшей головой, рассвет только-только занялся. В окне она видела розовую полоску на горизонте. Затем услышала пару звонких возгласов стрижей.

Через полчаса она тихонько отворила дверь смежной комнаты. Постель Александра была пуста и аккуратно заправлена. На столе порядок, ничего лишнего. На полу девушка не обнаружила своего письма, значит, он забрал его перед уходом.

Кейли вернулась в свою спальню и достала из комода рубашку мужа, которую он оставил здесь той злополучной ночью. Она снова прошла в его комнату и присела на край широкой постели, прижав к груди мужскую рубашку, всё ещё хранившую его запах.

– Если ты думаешь, что я просто так сдамся... ты меня

совсем не знаешь.

В полной тишине её слова прозвучали пугающе одиноко.

Глава 10

Графиня Бриджертон смотрела на свою подругу со смесью удивления и недовольства во взгляде. Когда Кейли пригласила её прогуляться по саду, молодая графиня ожидала вовсе не этого. Теперь же она восседает на выкорчеванном пне, а юная виконтесса, стоя на коленях, копается в земле около кустов с розами.

– Знаешь, дорогая, знавала я всяких леди. Некоторые из них имели привычку кричать в подушку, когда желали выпустить пар из-за ссор с мужьями, – графиня почесала кончиком ноготка свой нос и вздохнула. – Но чтобы леди самостоятельно ковырялась в грязи...

– Это мой способ справиться с душевными волнениями.

– Станный, однако, способ.

Анита Спенсер приехала в Фаунтинс пять дней назад. За день до неё сюда прибыла виконтесса Саутфолк без супруга, который, к сожалению, мучился мигренью и не мог встретиться с дочерью. Увидев Кейли на пороге этого роскошного особняка, графиня испытала радость, сменившуюся вскоре разочарованием, затем и злостью.

Она злилась на капитана Стоуна, этого паршивца, который довёл самую жизнерадостную и весёлую из девушек, каких Анита когда-либо знала, до подобного состояния. Она явно была подавлена и расстроена. В конце концов, прошла

всего неделя с отъезда капитана, затем приехали мачеха и Анита, чтобы хоть как-то пробудить Кейли от её терзаний.

Первая экскурсия по Фаунтинс-холлу заняла целый день, и Анита заметила, что Кейли гордилась своей работой. По-друге тут действительно нравилось, несмотря на то, что отношения с мужем так и не наладились.

– Он хотел переспать со мной за пару дней до отъезда, но я отказала, – говоря о том случае, Кейли старалась выбирать менее откровенные слова. – Я видела это в его глазах... Он не хотел меня. Он словно ничего не чувствовал, но заставлял себя. А это означало бы... ну, как сказать...

– Умоляю, не говори, что он изнасиловал тебя! – Анита прижала руку к груди; в её больших голубых глазах отразился ужас.

– Нет, что ты! Он не стал, когда понял, что я буду биться за свою честь до последнего.

Кейли уселась на пятки и утёрла рукавом влажный лоб. Был уже вечер, но солнце палило нещадно. Анита обмахивалась веером, с грустью глядя на испорченное в грязи платье подруги.

– Какой всё же странный он! – пробормотала она. – То велит тебе не приближаться, то приходит сам и требует близости. Ради чего? Наследника?

– Он упомянул об этом, но я точно знаю, что ребёнок не нужен ему. Словно всё так... будто бы это не его слова... Анита, иногда мне кажется, что им кто-то руководит.

– Думаешь? Но кто? Он взрослый мужчина, офицер до мозга костей.

– Я пока не знаю, но, кажется, начинаю немного понимать...

– Что именно?

Кейли её не услышала или же проигнорировала. Тогда графиня настоятельно попросила её вернуться в дом, где скучала за очередным бульварным романом леди Кларисса, и готовиться к ужину. Перед самой трапезой Кейли ещё раз попросила ничего не говорить виконтессе.

– Однажды ты пожалеешь о том, что скрыла такое от своих родителей! – шепнула Анита ей, когда они вошли в столовую. – Твоя мачеха будет рвать и метать, когда узнает всё про Стоуна.

– Вот именно. Я сама разберусь...

– Я бы предпочла увидеть твоего муженька распростёртым на полу, а леди Клариссу над ним, держащую булаву! Когда всё раскроется, я буду в числе виноватых, потому что послушала тебя...

В ту минуту Кейли остановилась, посмотрела ей в глаза и твёрдо произнесла не своим голосом:

– Я готова перенимать твой опыт, готова делать выбор, основываясь на том, через что прошла и ты, но если ты всё им расскажешь, особенно папе, я больше не захочу тебя видеть.

– О, дорогая, но ты же понимаешь, что я утрирую! Тебе разбили сердце, воспользовались твоими деньгами, а ты всё

спустила ему с рук и ожидаешь, что однажды...

Но Кейли только вскинула голову и, убрав руку с локтя графини, грациозно уселась на место хозяйки дома. Леди Кларисса смотрела на свою воспитанницу с восхищением гордостью, и для девушки этого было достаточно.

Анита повздыхала ещё немного, но, в конце концов, смирилась и постаралась унять гнев по отношению к капитану Стоуну. Она решила, что когда-нибудь вся эта сумасбродная ситуация разрешится и без её участия.

Однако была одна вещь, которую она оказалась способна исправить. Уж в чём, а в развлечениях и устройстве светских вечеринок графине просто не было равных. С Джорджем Эшбёрном они познакомились в первый же день и она посчитала его занимательным молодым человеком. Леди Кларисса не слишком лояльно отнеслась к постоянному присутствию Джорджа в доме (к тому же она была наслышана о его беспорядочных любовных связях), но, благодаря нежному отношению к жене брата, виконтесса всё-таки склонилась на его сторону.

Джордж оказался на удивление верен своему обещанию. Он веселил Кейли, как мог. Читал ей любимые сатирические колонки из газет, играл вместе с нею на спинете, катался верхом, а самое главное – охотно сопровождал всех леди в Лондоне. Чтобы Кейли отвлеклась и хоть ненадолго забыла об отсутствии Александра, Джордж посетил с нею каждый громкий бал, каждый день рождения, на какие его только

приглашали, даже провёл экскурсию по Виндзору и изловчился познакомиться с Каролиной Брауншвейгской, одна из фрейлин которой питала к нему самые нежные чувства.

Эта встреча произвела на Кейли большое впечатление. Принцесса Уэльская предстала перед нею уже немолодой и совершенно несчастной женщиной, разочарованной в любви и жизни в целом. Но держалась она достойно и была крепка, несмотря на то, что до сих пор оплакивала смерть любимой дочери.

Кейли и Джордж встретили Её Высочество в Виндзоре в конце августа, когда та вернулась из Франции, чтобы уладить дела с титулами, которые полагались или же не полагались ей по праву. Дрожащая и взволнованная Кейли держалась за руку своего сопровождающего, который, казалось, ничуть не страшился встречи с Каролиной и её немногочисленной свитой.

Когда уставшая от долгих разъездов и борьбы с собственным мужем принцесса взглянула на Кейли и улыбнулась ей, у девушки буквально от сердца отлегло. Они перебрались незначительными фразами, затем Каролина Брауншвейгская поинтересовалась, почему юную виконтессу сопровождает брат её мужа, а не сам капитан Стоун.

– Мой супруг отбыл по зову службы, Ваше Высочество, – ответила Кейли, и её сердце дрогнуло. – Но он в любом случае не является поклонником таких поездок... И мы не слишком... близки... Вряд ли он был бы со мною, здесь...

Принцесса сочувствующе посмотрела на неё, а после сказала то, о чём Кейли не переставала думать ещё несколько дней:

– Вы выглядите, как птичка, пойманная в клетку, откуда выхода уже не будет. Я вот оказалась в такой же клетке и бьюсь о её прутья до сих пор. Как жаль! Вы так молоды! Мне уже не грустно покинуть этот мир, побеждённой собственным мужем. Но вам я сочувствую, дитя.

Кейли не нашлась, что сказать. Как и Джордж, стоявший рядом с нею.

– Моя покойная дочь была лишь на пару лет вас старше, когда её не стало. Моё сердце разбилось бы, узнай я, что она несчастна в браке. Но Лео любил её, а она любила его.

Перед прощанием Каролина долго качала головой и смотрела на живот Кейли, чего та поначалу не поняла.

– Её дочь умерла сразу после родов, когда той был двадцать один год, – пояснил Джордж, когда они уже ехали в экипаже. – Наверное, ты напомнила ей Шарлотту... Упокой Господь её душу!

В ту ночь Кейли долго не могла заснуть. Она ворочалась, покрываясь потом в душной комнате, в загородном доме своего отца, и всё думала о несчастной судьбе Её Высочества. Даже королевские особы страдали, что уж тут говорить! Сумасбродный принц Георг ненавидел свою жену, и любой из простонародья знал, что он пытался отыскать способ оклеветать её, чтобы развестись. Кейли ощутила горечь,

подумав, что Александр однажды решится на подобный шаг.

«Или я останусь его женой и так же, в свои пятьдесят, буду увядать где-нибудь в деревне».

Итак, у неё пока был выбор: рассказать об отношении супруга отцу, чтобы тот расвирипел и призвал Александра к ответу, за чем, скорее всего, последовал бы позорный развод; или же терпеть и делать вид, что всё хорошо, пока, наконец, один из них не сдастся.

Кейли не хотела делать выбор, однако хуже всего было бы разочаровать родителей... а ещё разрушить репутацию Александра. Она до сих пор об этом беспокоилась и считала, что, наверное, просто сходила с ума.

Леди Кларисса вместе с графиней Бриджертон, пусть и неохотно, но отбыли домой ещё в конце августа. Там их ждали мужа. Постепенно осень вступала в свои права, а Кейли не получила от Александра ни строчки с тех пор, как он уехал. Благо, его новый камердинер, мистер Эдмонд Стокер, периодически снабжал Джорджа известиями о состоянии капитана. Последнее письмо гласило, что в августе, на территории Ла-Плата произошло столкновение между двумя генералами, один из которых планировал бежать за границу, чем спровоцировал врагов на мятежи и восстания. Благо, армии удавалось их сдерживать, но до отсоединения враждующих провинций было недалеко.

– Если бы не дружище Стокер, мы бы считали, что Александра уже не существует на этой земле! – отшучивался

Джордж, когда делился с Кейли очередным донесением.

Она стойко принимала тот факт, что капитан не писал ей. Он ничего не ответил на её откровенное письмо. Ещё один удар, ещё одно доказательство его безразличия.

«Чтоб ему провалиться!» – думала она порой, засыпая в холодной постели. Однако вскоре отгоняла эти мысли прочь, желая лишь одного: чтобы он вернулся домой живым.

А потом, во вторую неделю сентября, что-то вдруг изменилось. Александр прислал ей письмо, в котором было лишь несколько строк:

Дорогая Кейли,

Я жив и здоров; видимо, отплытие наше придётся на конец месяца, поэтому буду в Англии ещё до ноября. Письмо, которое ты оставила в моей комнате, заставило меня о многом задуматься. Я сожалею о произошедшем.

A.C.

Это было сухое, совершенно неромантическое послание, лишённое ярких красок и волнительных слов, но Кейли оно показалось искренним. Абсолютно офицерская прямота и краткость. Девушка улыбалась, перечитывая те несчастные строчки. Она знала, что успеет написать ему ещё хотя бы пару раз. И такую возможность упускать не собиралась.

Александр находился в бывшем некогда кабинете генерала Альвеара, которого свергли ещё четыре года назад. От него здесь остались лишь пара кресел да журнал с записями.

Молодой капитан балансировал на двух ножках стула, закинув ноги на пыльный стол, смотрел на стену и вертел в руках письмо от своей жены.

Он читал это уже раз десять, но возвращался к нему время от времени, когда становилось совсем паршиво или просто скучно.

Милый Александр!

Ты не хочешь прощаться со мной, несмотря на то, что понимаешь, как сильно эта разлука ранит меня. Не желая показаться навязчивой и наивной, я всё же уступлю и не приду к тебе. Но, думаю, я имею право высказать то, что у меня на душе.

Я не знаю тебя настоящего. И, несмотря на это, до сих пор люблю. Возможно, я просто дура. Возможно, я сошла с ума от этой любви.

Ты говорил, что между нами ничего нет. Что ты не привязываешься и не испытываешь никаких чувств. Однако я продолжаю убеждать себя, что ты говорил не от жестокого сердца. Твоё сердце разбито, верно? Как и моё теперь. Кто-то разрушил тебя, поэтому ты решил, что разрушить меня – это единственный выход. Но я оказалась сильнее, чем ты, и продержалась достаточно долго.

Нечто забрало твой покой и, возможно, отравило разум и душу. Я не знаю, что ты скрываешь и почему тебе больно. Но я знаю, тебе было больно. И даже если я проиграю, если ты окажешься потерянным для меня, я желаю только

одного – вернуть тебе веру в то, что этот мир не такой чёрный, пустой и жестокий, каким кажется.

Когда я этого добьюсь, ты всё поймёшь. Возможно, ты никогда не примешь меня, но знай, что ты – часть моей души. А если однажды ей суждено будет погибнуть, я смогу тебя отпустить. Даю слово.

Я люблю тебя.

Твоя навеки,

Кейли.

Когда Эдмонд Стокер, неопытный двадцатилетний камердинер Александра, вошёл в кабинет, забыв постучаться, то нашёл его склонившимся над столом. Поначалу он решил, что капитан уснул, но затем тот повёл плечами и вздрогнул, заметив вошедшего.

– Тебе бы колокольчик на шею носить, – пробормотал Александр, улыбнувшись и украдкой утерев глаза. – Когда уже научишься стучать, Стокер?

– Простите, сэръ!

– Да не кричи ты так!

Молодой человек имел привычку повышать голос, когда волновался. Вообще-то Алекс не хотел брать его на службу, но это был единственный незанятой джентльмен, хорошо говорящий на испанском. Пришлось привыкать к его нерасторопности и неуклюжести. Стокер был слегка полноват и из-за травмы детства хромал. Возможно, эта ущербность по сравнению с остальными солдатами, которые все, как один,

были высокими и крепкими, заставила Александра проникнуться к нему симпатией.

К тому же, он был единственным, кто не задавал идиотских вопросов и не лез в душу, в отличие от многих других любителей поболтать за чашкой вечернего кофе во внутреннем дворике форта.

Не так давно Алекс получил очередное письмо от брата, к которому хитрец приложил небольшой карманный портрет его жены. Художником был сам Василий Голике², который в конце лета гостил в Англии, поэтому сходство было поразительным. Когда один из офицеров случайно увидел этот портрет в кабинете генерала, поднялся такой балаган, что Алексу пришлось спрятать «свою жену» подальше и запереть в ящике комода. Солдаты без конца дёргали его вопросами о супруге, о её статусе, её семье и так далее. Будто никогда прежде не видели симпатичной английской леди.

«Нет, она гораздо старше шестнадцати!» или «Да, она действительно дочь виконта!» – бросал Алекс вместо подробностей. Ему хотелось заткнуть их, чтобы они прекратили обсуждать его личную жизнь во время ночного отбоя... или обсуждать внешность Кейли. Станным образом его задевало, когда сослуживцы, и даже испанцы, болтали о её красивых глазах, волосах или тонкой шее.

Кейли не была просто прелестной картинкой. Она была

² Василий Александрович Голике (г.р. 1802 – 5 июля 1848) – российский художник немецкого происхождения.

человеком. Добрым и любящим. И каждый раз, когда очередной вояка осмеливался спросить, не пишет ли капитану его милая жёнушка, он смотрел на того так, словно уже ножом резал.

Один только камердинер не спрашивал о ней ничего и не докучал расспросами.

В общем, тихоня Стокер передал, наконец, капитану Стоуну, что британцев возвращают на родину. Старый безумец-король Георг окончательно занемог, и ходили слухи, что этой же осенью, в крайнем случае зимой, его не станет. Королевство готовилось к смене правителя и призывало домой всех своих подданных, чему Александр был даже рад.

Ему до странности надоела эта духота и ужасная влажность, и чужой край больше не манил своими красотами. Иногда Алекс вглядывался в горизонт, туда, где небо соприкасалось с океаном, и думал о Фаунтинс; об ароматах местной кухни, когда миссис Даунс экспериментировала с выпечкой; о лимонном воске и его запахе, который обожала экономка; о прохладе простора и фермерских полях; о домашней конюшне и чудесной аллее между высокими деревьями...

В кои-то веки, почему-то именно сейчас, ему хотелось вернуться домой.

За несколько дней до отплытия он увидел во сне Кейли. Всё было точно так же, как и в ту ночь, когда он пришёл к ней с намерением забрать её невинность. Она выглядела

напуганной и печальной одновременно. А ещё до безумия красивой. В том белом одеянии ей нельзя было дать больше шестнадцати, но всё равно она казалась чертовски соблазнительной и желанной. После этого сна Александр очнулся весь в поту, жадно хватая ртом воздух. Он даже не сразу осознал, что был сильно возбуждён. Пожалуй, ещё немного этого странного сновидения, и он испачкал бы свою постель, как какой-нибудь неопытный зелёный юнец. Алекс долго сидел, не шевелясь, и, как полный дурак, смотрел на свой затвердевший член, будто впервые его видел. Он даже улыбался, словно безумный из сумасшедшего дома.

Но, несмотря на это, он не ощутил стыда или отвращения. Впервые за долгое время.

И за всё время этой поездки он, наконец, почти не вспоминал об Эшбёрне. Отчим даже не прислал ему ни единого письма, что было удивительно.

Казалось, будто ветер жизни сменил направление, и теперь подталкивал его в неизвестные дали. Это было странно, почти ошеломительно и в какой-то степени волнующе.

Когда в двадцатых числах октября трясущийся по размытым дорогам Йоркшира экипаж доставил его и Стокера в Фаунтинс, Александр впервые за последние несколько недель вздохнул с облегчением. Тишина городской окраины, прохладный воздух и знакомые края сделали своё дело – он почувствовал себя гораздо лучше.

– Моста нет, джентльмены! – окликнул их кучер.

– Как так, моста нет?! – возмутился было Стокер, но Александр лишь отмахнулся.

В следующую же секунду он выскочил наружу. Было довольно тепло. День заканчивался, и аллея, ожидающая их за широким ручьём, окрасилась в бледно-розовый на фоне заката. Александр увидел, что каменного моста, бывшего здесь ещё до его отъезда, действительно нет. Лишь несколько старых булыжников, покрытых мхом. В глубоком ручье виднелись остатки конструкции.

– Что делать, капитан? Экипаж с багажом не проедет!

– Ничего, Эдди! Придётся объехать с запада, хоть там и нет подъездной дороги, – Алекс поправил ворот мундира и обернулся к кучеру. – Сэр, разворачивайтесь! Дорога займёт ещё минут двадцать и мы...

– Мне кажется, или вас уже кто-то встречает?

Александр повернул голову в ту сторону, куда указывал камердинер. Поначалу он ничего не заметил, но не прошло и минуты, как Алекс услышал тихий возглас. Затем голос кричащего стал ближе, отчётливее. Это была женщина, и она звала его по имени. Ещё раз, и ещё.

А затем из-за холма показалась наездница на знакомой ему баварской лошадке по имени Сверчок. Александр смотрел, как она стремительно приближалась к ручью и, наконец, разглядел в наезднице свою жену. Он едва рот не открыл от удивления.

На Кейли было шёлковое платье и спенсер из газа и тюли

нежно-персикового цвета. Однако сидела она в седле по-мужски, так что, благодаря задранным юбкам, её ножки в белоснежных чулках были прекрасно видны.

– Ну и дурёха! – сорвалось с губ мужчины.

Александр направился напрямик к ручью, потому что Кейли уже спешила, оставив лошадь у развалин основания моста, и сама стала спускаться к воде. И вот, двое сторонних наблюдателей стали свидетелями такой картины: очаровательная юная леди в изысканном наряде, не заботясь о длинных юбках и тем более о том, что вода чертовски холодная, бросилась с косого берега прямо в ручей.

Ей было тяжело переставлять ноги, ткань облепила их, да и дно оказалось не слишком ровным, но она улыбалась, как ненормальная, даже засмеялась, когда вода дошла до бёдер. Александр спешно вошёл в ручей, проклиная жуткое ощущение холода, но не успел дойти до середины, как его жена оказалась рядом.

– Александр! – воскликнула она, смеясь. – Здравствуй!

Она кинулась к нему на шею и обняла так крепко, что они оба едва не упали. Благо, он успел обхватить её руками и устоять. Наверное, они простояли так около минуты, потому что он не мог ничего поделать: Алекс просто слушал её тяжёлое прерывистое дыхание напротив своего лица, а тёплые руки касались его затылка и волос, и от этого ощущения он почти забыл про холодную воду.

Когда Кейли выпрямилась и посмотрела ему в лицо, всё

ещё улыбаясь, он почувствовал ошеломительный прилив желания. Настолько сильный и внезапный, что в паху мгновенно затянуло знакомой болью. Это привело его в шок. Благо, он успел сообразить не отскакивать от неё, как от прокажённой, а лишь настойчиво сказать:

– Не делай так больше, поняла?

Она хихикнула и кивнула, несмотря на слёзы, застывшие на глазах.

– Надо скорее выйти на берег. Отвезём-ка тебя домой, а Сверчка заберём потом.

Мокрые до самых бёдер, они выбрались из воды и, под пристальные взгляды кучера и камердинера, которого чуть удар не хватил, уселись в экипаж.

Глава 11

Тогда лишь двое тайну соблюдают,

Когда один из них её не знает.

Шекспир, «Ромео и Джульетта»

Кейли нашла его занимательным, этого слегка полноватого, немного неуклюжего, но милого молодого человека, Эдмонда Стокера. Он был полиглотом, хорошо разбирался в картах, а также... Что же, пожалуй, это были все его исключительные качества. По крайней мере, он не слыл болтуном и прохвостом, как Джордж, который пошёл «в атаку» на брата, едва тот переступил порог особняка. Он безжалостно засыпал капитана вопросами, а Александр даже обсохнуть не

успел.

– Вы что, решили в речке искупаться? – хохотал Джордж, увидев мокрых по пояс супругов. – Не поздновато для осеннего сезона? Так ведь и заболеть можно!

Но в целом первый день закончился неплохо. Ужин прошёл спокойно и весело, по мнению Кейли. Мистер Стокер сидел рядом с нею и рассказывал о своей далёкой родине, Флоренции, о роскошной вилле его родителей, находящейся на левом берегу Арно. Сама Элеонора Толедская подарила его предкам те прекрасные владения. Кейли улыбалась и кивала, как заводная кукла, хотя ничегошеньки не знала о Медичи, да и об итальянских политиках в целом.

– Если будете не против, я посмел бы пригласить вас и капитана во Флоренцию, – сказал Эдмонд буднично. – Там безумно красиво. И хотя я не был у тётки уже несколько лет, я регулярно пишу ей. Плюс ко всему, я единственный её живой родственник и наследник. Как и все флорентийцы, она ценитель прекрасного, и будет рада познакомиться с вами...

Кейли пропустила мимо ушей его намёк, хотя ей безумно понравилась эта идея. Она от души поблагодарила камердинера и взглянула на мужа, в ту минуту отчитывавшего Джорджа за большие растраты во время летнего сезона.

«Вот бы уехать с ним туда, где всегда тепло, – подумала она с грустью, – чтобы он никогда не думал о плохом. Чтобы его сердце оттаяло там. Я и он во Флоренции. Это же сама родина любви! Как было бы чудесно!»

Всего несколько часов назад она совершала вечернюю прогулку верхом и уже собиралась вернуться, ибо Сверчок начала вредничать вдали от своего жеребца, как вдруг с холма заметила приближающийся к ручью экипаж. Она сразу же поняла, кто приехал, и бросилась туда, сломя голову. Она была так счастлива увидеть Александра. И едва ей удалось обнять его, вдохнуть его запах, почувствовать его тело, прижавшееся к ней – и словно все былые обиды канули в небытие.

Он даже улыбнулся ей тогда. Не разозлился, не оттолкнул. За ужином, пока он не видел, Кейли смотрела на него, почти затаив дыхание. Ему к лицу были лёгкая небритость и загар. Когда он разговаривал или улыбался, приглаживая ладонью волосы, его зубы ослепительно белели на фоне тёмной кожи. Кейли внезапно поняла, что он немного похудел – ей показалось, что его шея и плечи стали более рельефными. От этих мыслей она предательски покраснела, но никто ничего не замечал.

Четыре следующих дня пролетели стрелой. Александр возвращался к делам поместья, хотя в большей степени просто знакомил с ними камердинера. Мистер Стокер поселился в одноэтажном доме на западе владений, и ему там очень понравилось. Кейли занималась подготовкой к зиме и вместе со Стивенсом заканчивала планы насчёт сада. За лето они успели многое сделать, но впереди предстояло ещё достаточно работы.

Прошло пять ночей, но Александр так и не попытался прийти и вновь потребовать консуляции. Ругая себя за подобные мысли, Кейли раз за разом убеждалась в собственной слабости: если бы он пришёл, она не стала бы сопротивляться. Она просто знала, что не смогла бы отказать ему.

Что-то изменилось, возможно, он стал более внимательным после её откровенного письма. И пусть они не обсуждали это, и Александр был крайне занят, но всё же со дня возвращения не пропустил ни одну трапезу, и порой за ужином рассказывал о путешествии через океан и далёкие южные земли.

Он словно понемногу возвращался к жизни.

Была пятница, и Кейли получила от виконта письмо, в котором он приглашал её с мужем на праздник в Лидс. Девушка так воодушевилась, что на минуту забыла о нелюбви Александра к подобным мероприятиям. Ей хотелось, наконец, увидеть отца, мачеху и многих хороших знакомых их семьи, которые соберутся там... чтобы хоть на один вечер снова ощутить себя пятнадцатилетней Кейли Хардинг, у которой нет никаких забот, а есть лишь веселье да танцы. И, разумеется, поехать без мужа будет верхом неприличия.

Вздыхая и молясь про себя, Кейли решила попытать удачи. Она отыскала Александра на берегу одного из ближайших к конюшням водоёмов. Он просто стоял у каменного бортика и наблюдал за спокойной гладью воды. Выслушав содержание письма, он изобразил кривую улыбку и сказал:

– Видимо, на этот раз у меня не осталось выбора. Если я пропущу очередной светский раут, меня посчитают отшельником...

Кейли молчала. Она не хотела его заставлять. Она никого не хотела заставлять делать нечто им противное.

– И всё же я по гроб жизни обязан виконту. Значит, едем. Благо, я успел наказать Стокеру подобрать мне парочку приличных костюмов.

– Отец пишет, что мистер Эшбёрн тоже приедет. Лето он провёл в Америке, а я даже не знала. Как занятно...

На лице капитана ни один мускул не дрогнул, однако он вдруг издал такой глубокий и вымученный вздох, словно готовился принять десяток ударов плетью. Затем он нагнулся, подобрал с земли камешек и швырнул его поверх воды. Камешек проскакал три раза по водной глади и утонул.

Кейли улыбнулась. Она подошла ближе и сделала то же самое. Её камень оставил на воде четыре круга. Александр усмехнулся и произнёс:

– А Джордж зря времени не терял. Он обучал тебя ещё чему-то?

– О, я бы не сказала! Он весьма плох в игре на спинете, пении и знании латыни. Тут, скорее, я была лидером. Однако развлекаться он умеет.

– Это верно.

– Он рассказал вам о встрече с Её Высочеством?

– Да, во всех подробностях. Так тебе понравился Вин-

дзор?

Кейли радостно улыбнулась, и Александр наконец посмотрел на неё.

– Да! Очень! Я благодарна вашему брату за компанию. Пусть он и повеса, и балагур, но с ним весело. Из него вышел хороший рыцарь, поверьте.

Усмешка стала ей ответом. Затем Алекс кивнул, словно сам себе, и сказал:

– Ты и его покорить умудрилась... Хотя, возможно, он всего лишь возвращал мне старый должок.

– Правда? За что?

– В детстве... я защищал его... впрочем, это уже не важно.

Он повёл плечами, будто сбросил с них невидимую тяжесть, и умолк. А Кейли хотелось узнать больше. От чего или кого он защищал младшего брата? Почему Джордж считает, что родной отец любил его меньше, чем Александра? Но никто не собирался говорить с нею об этом. Девушка снова осталась наедине с этими вопросами. А на следующий день вместе с мужем и Оливией она покинула Фаунтинс-холл и отправилась в Лидс.

– Прелесть моя! Радость моя! Дай-ка взглянуть на тебя, Маленькая Кей! До чего ты красива... И ты словно ещё взрослее стала.

Кейли встретила отца в гостинице, недалеко от дома лорда Селонже, старого друга семьи, который являлся организатором

ром праздника. Едва девушка появилась в холле, виконт тут же бросился осыпать её поцелуями и комплиментами. Что, разумеется, никак не вязалось с образом сурового мужчины его лет.

А ей хотелось плакать от счастья. Отец выглядел хорошо, был весел, большего и пожелать было нельзя. Виконтесса Саутфолк встретила её чуть позже, в апартаментах наверху. Она лежала в постели, откинувшись на воздушные подушки, и часто кашляла. Несмотря на сильную простуду, леди Кларисса встретила Кейли с широкой улыбкой, протянув к девушке руки.

– Жаль, мне не блистать с тобой на празднике. Придётся ещё немного полениться в постели...

– Я буду вас выхаживать! – сказала Кейли, падая на колени возле кровати.

– Вот уж чушь какая! Пустяк! Развлекайся и покажи, наконец, всем этим лондонским скрягам своего мужа, – заявила женщина с улыбкой. – Умоляю тебя, это всего лишь простуда. Не смотри так, будто я уже умираю. Иди туда и заставь капитана Стоуна заплатить тебе за несколько месяцев разлуки.

Кейли засмеялась и согласилась, пусть и неохотно. Мачеха выглядела бледной и уставшей, но в её глазах горел всё тот же молодой озорной огонёк, что и прежде. Следующим же вечером виконт с дочерью и её мужем появились в доме Селонже.

Бальный зал был богато украшен, всё вокруг утопало в бежевых тонах: скатерти, букеты, даже многие наряды леди соответствовали цветовой гамме. Лорд Селонже, чьи бургундские предки когда-то обосновались здесь, был приверженцем свободных развлечений, и, хотя немногие приветствовали его идеи, собирал на своих празднествах десятки гостей со всего королевства.

До некоторого времени Кейли чувствовала себя прекрасно, ведь она оказалась в привычной среде и старалась веселиться. На вечер она выбрала платье с короткими рукавами-фонариками из шёлкового атласа с сеткой из золотых нитей и узоров, насчёт которого получила уже кучу комплиментов. Но постепенно, оглядываясь и возвращаясь к встрече с супругой будущего короля (что было уже неизбежно, судя по слухам), девушка всё больше осознавала, насколько её окружение было незначительно и поверхностно. Веселье ради веселья. Пустые разговоры, где искренности, словно две капли мёда в бочке дёгтя. Даже улыбки многих возрастных знакомых казались фальшивкой. И как жаль, что здесь не было Аниты...

Супруг держался рядом, улыбался даже и смиренно знакомился с теми, кого виконт упорно ему навязывал. Кейли заметила это и слегка расстроилась. Она снова заставляла Александра заниматься тем, чего он не желал.

«А чего же он хочет? – размышляла она, разглядывая его статную фигуру в тусклом свете канделябров. – Войны и ко-

мандования войском? Тишины деревни и одиночества? Чего угодно, но точно не меня... Неужели я смогла бы к такому привыкнуть?»

Лорд Эшбёрн опоздал, причём значительно, на целых два часа. Кейли как раз отошла от группы замужних молодых леди, обсуждавших вечернее меню, когда увидела свёкра в дверях рядом с женщиной, ей не знакомой.

То была загорелая брюнетка с пышной копной иссиня чёрных волос, собранных в высокую причёску; на первый взгляд ей нельзя было дать и сорок лет, а возможно, она лишь казалась моложе; узковатые, но глубокие тёмные глаза, тонкий нос и пухлые красные губы, несомненно, привлекали внимание мужчин; её расшитое пайетками платье из шёлка с глубоким вырезом буквально кричало о загранице. Открытые плечи и длинный шлейф – Кейли ещё не видела подобного ни на одной здешней леди. По крайней мере, на замужних дамах точно.

«Если он вернулся из Америки, то, наверняка, привёз её с собой, – подумала девушка. – Она такая... властная».

И правда, даже на расстоянии она ощутила это – от незнакомки исходила давящая аура ведущего, а не ведомого. Словно это она привела Эшбёрна сюда, словно это она руководила их компанией. Мужчина улыбался ей, она отвечала белоснежной улыбкой, и её тёмно-синие глаза лукаво сверкали, когда она осматривала зал, будто искала кого-то.

И Кейли на мгновение подумала, что не хотела бы связы-

ваться с нею. Но, увы, свёкр уже заметил её возле портьера. Он шепнул что-то своей спутнице, затем они направились напрямик к ней. Кейли сглотнула и покрепче сжала в руке бокал с шампанским. Ей пришлось собрать всю волю, чтобы не показать этим двоим, как она запаниковала. Снаружи она оставалась такой же приветливой и спокойной.

Как назло, ни Алекса, ни отца рядом не оказалось.

– Дорогая моя! – лорд Эшбёрн невесомо прикоснулся губами к её руке и улыбнулся. – Как давно мы не виделись! Сожалею, что не успел посетить Фаунтинс и взглянуть на то, как ты преобразила моё поместье...

«Это теперь поместье твоего сына, старый ты осёл! И на чьи, собственно, средства оно преобразилось?!» Кейли натянуто улыбнулась и приготовилась выслушать ненужную ей оправдательную речь о том, почему Эшбёрн отсутствовал и как сильно ему наскучила Америка.

– Позволь представить тебе миссис Элизабет Хоук, – сказал мужчина, и Кейли-таки пришлось встретиться с нею взглядом. – Лиззи, это моя знаменитая сноха, леди Саутфолк...

– Разве она не миссис Стоун, дорогой?

– Конечно! Однако титул сохраняется за дочерью виконта даже после замужества.

– Ох уж мне эти титулы! Совсем я отвыкла от британской чопорности!

– Главное, привыкнуть к местной погоде. Остальное при-

ложится...

Со стороны эти двое выглядели, как воркующие пташки. У женщины был мелодичный голос, почти не слышался акцент, и, несмотря на лёгкую, но заметную хрипотцу, голос оказался приятен на слух. И всё же Кейли буквально утонула в её странной давящей ауре. Ей очень хотелось сбежать, но, как леди, она понимала, что это невозможно.

– Ты оказался прав, дорогой! – прошептала женщина. – Она очаровательна. Прелестное создание! Как раз под стать Александру... Однако я и подумать не могла, что мальчик женится! Я поняла бы, сделай он её своей лю...

– Почему вы решили, что он не женился бы на мне? – перебила её Кейли, на что собеседница никак не отреагировала.

Напротив, она обольстительно улыбнулась и ответила:

– Дело не в вас, душечка. А в целом. Просто он у нас слеплен из другого теста. Верно, милый?

Эшбёрн негромко засмеялся, а Кейли демонстративно прижала к губам бокал. Ей хотелось бы как можно дольше не говорить с ними. Эта дамочка сыпала очередными загадками и, судя по всему, даже знала Александра. Едва Кейли вспомнила о нём, как рядом тут же появился её супруг в компании виконта.

Пока её отец и Эшбёрн болтали о различии в экономике пресловутых Севера и Юга, Кейли постаралась проследить за миссис Хоук, однако та ничем не выдала себя, пока Алек-

сандр находился рядом. Она всё так же улыбалась, изредка бросая в сторону супругов косые взгляды, и умудрялась дополнять разговоры мужчин едкими репликами.

Но одно Кейли успела углядеть. Реакцию мужа, едва он приблизился и понял, что отчим прибыл не один. В глазах Александра словно на миг отразился неподдельный ужас, но он быстро испарился, сменившись холодным безразличием.

В какой-то момент на фоне политической болтовни прозвучал голос миссис Хоук. Кейли поняла, что та тихо обратилась к ней:

– Так вы проживаете в Фаунтинс-холле... вдвоём, верно?

– Верно.

Кейли с удивлением взглянула на супруга. Настолько его голос был холоден и строг, что она едва его узнала.

– Надо же, Александр, надо же... Вот уж никогда бы не подумала, что ты продвинешься так далеко вперёд...

– Я себя отлично чувствую в том положении, в котором нахожусь.

Женщина в забавном изумлении приподняла тонкие брови, затем одарила капитана столь откровенным взглядом, что это не ускользнуло даже от Кейли. Девушка захотела схватить мужа за руку и увести отсюда, чтобы эта брюнетка не смела так смотреть на него.

– Я нахожу это занятным... и интересным, – шепнула Элизабет в его сторону. – Твой отец обещал показать мне поместье. Жду не дождусь нанести вам визит. Уверена, там безум-

но красиво.

– Можете гулять там, сколько душе угодно, но только если меня и Кейли не будет...

– Ах, но что за экскурсия без достойной компании!

– Прошу меня извинить.

Поджав губы, Александр кивнул обеим леди и быстро ретировался в направлении террасы. Настолько быстро, что Кейли даже не сообразила последовать за ним или что-то сказать. И вот тогда миссис Хоук обратилась к ней:

– Всё такой же суровый! Мой муженёк, оставшийся в Нью-Йорке, интересуется лишь чёртовыми закупками из Индии. Сущий скряга и лентяй. От него никакого прока. Надеюсь, милая, Александр развлекает тебя получше.

– То есть... вы оставили мужа в Америке, а сами приехали сюда?

Элизабет засмеялась, будто подловила девушку на некой глупости, и прикрыла ладонью рот.

– Я ищу способы для развлечений повсеместно. А лорд Эшбёрн умеет веселиться. Жаль, что Александр этому так и не научился...

– Что вы имеете в виду? – спросила Кейли, ощутив, как по спине у неё пробежали мурашки.

На красных губах собеседницы появилась лукавая усмешка.

– Так он ничего тебе не рассказывал? – спросила она, затем, видимо, заметив удивление на бледном лице Кейли,

хмыкнула. – Он всегда был терпеливым молчуном... Ох, Боже мой! Дорогуша, надеюсь, он не игнорирует тебя... совсем?

Кейли мигом вспыхнула. Она сразу поняла, на что намекала эта женщина. И девушке стоило огромных усилий улыбнуться, шепнуть отцу, что она хочет на свежий воздух, и, сделав грациозный книксен, оставить, наконец, всю компанию.

Она оказалась в тишине, в полном одиночестве, когда выбралась из зала в коридор. Дверь, что вела наружу, во внутренний двор, была приоткрыта, поэтому здесь ощущалась осенняя прохлада ночи. Кейли обняла себя руками и зажмурилась.

Ей хотелось заплакать от бессилия. Она ничего не могла, никак не продвинулась и оказалась прижатой, словно муха на игле, какой-то странной американкой, явно знавшей об Александре больше. Хотелось проклясть её, проклясть Эшбёрна и всё, что было связано с этими двумя... И она даже не знала, почему именно.

Знакомый голос позвал её по имени. Девушка обернулась и заметила мужа в конце коридора. Когда он подошёл ближе, она взглянула на него, едва сдерживая слёзы.

– Что ты...

– Как вы могли оставить меня там, с этой жуткой женщиной?!

Александр покачал головой.

– Проклятье... Что она тебе сказала?

Тут Кейли упрямо замолчала.

– Честно, я решил, что она не станет нападать на тебя, если я уйду. Обычно это я становлюсь объектом насмешек и сарказма.

– Обычно? Как давно вы знакомы? Она явно знает вас, и хорошо знает!

– Всё это пустое. Не забивай себе голову...

– Нет! Хватит затыкать меня! – рьяно воскликнула Кейли. – Сколько можно тайн? Сколько можно держать меня в неведении? Я думала, что моё письмо затронет хоть какие-то струны в вашей душе...

– Ты можешь говорить тише?

– Насколько же нужно ненавидеть меня, чтобы так мучить?! Почему вы не хотите рассказать правду?

– Какую правду?

– Обо всём! Об этой женщине, о своём детстве! Почему ваш брат думает, что отец любил его меньше? От чего вы защищали его?

– Я просто... ты не...

Он вдруг запнулся на полуслове и опустил глаза. Вот и всё, на что он был способен.

Кейли тряхнула волосами и сжала руками голову. Мысли путались, а в горле сильно саднило. Она всё шептала, что это было жестоко, жестоко, жестоко... Александр стоял напротив неё, и она уже не видела несчастное выражение на его

лице. Кейли хотелось одного – забраться в постель, укрыться с головой и уснуть. Желательно, надолго.

– Можешь владеть моим разбитым сердцем, – прошептала она, затем выпрямилась и развернулась, чтобы уйти.

– Кейли! – окликнул её муж.

Она остановилась, опираясь рукой о столик для цветочного горшка.

– Эта женщина – любовница моего отчима...

Кейли обернулась и зло прошипела:

– А то я не догадалась! Хоть я и дура, но не настолько...

– Она была и моей любовницей тоже.

Ей показалось, будто она ослышалась. Но нет. Эти слова эхом отдавались в её голове. Девушка прижала руку к груди, потому что сердце пронзила такая острая боль, что почудилось, будто её вот-вот схватит удар. Но этого не случилось.

– Это было очень давно, – сказал Александр. Он сделал к ней шаг, но Кейли отступила назад. – Я должен был...

– Должен был рассказать мне раньше, – произнесла она, словно в трансе. – Но теперь ничего не вернуть. Ты бросил меня ей на съедение и позволил унижить.

«Мама, я так хочу к тебе!» – подумала Кейли внезапно. Она ушла, оставив мужа в коридоре, и ни разу больше не обернулась.

Глава 12

Это произошло в конце ноября.

После злополучного праздника Кейли хотела остаться в

Лидсе, чтобы ухаживать за мачехой, которой совсем не становилось лучше. Но даже в таком состоянии леди Кларисса была неумолима: она велела Кейли отправляться с мужем в Фаунтинс, ибо «какими бы ни были разногласия между супругами, отдаляться и злиться друг на друга глупо». В тот момент девушка не выдержала и разрыдалась. Накопившиеся боль и обиды вылились в слёзы, но кроме пары неприятных фактов о миссис Хоук она больше ничего не рассказала.

И без того бледная леди Кларисса нахмурилась, прижав пальцы к вискам. Она пробормотала проклятия на голову капитана Стоуна и его любовницы, но посоветовала Кейли не поддаваться ревности, на что та хотела возразить... но всё же передумала.

– Надеюсь, он говорит правду о том, что всё случилось давно, – сказала мачеха со вздохом, откидываясь на подушки. – Иначе я сама его прочу. Он не смеет морочить тебе голову. Но, детка, у многих мужчин до брака были подобные связи, поверь, они не хранят невинность, как мы, им это не требуется... Но я очень надеюсь, что между ними всё кончено.

«Как бы я этого хотела, – думала Кейли, вымученно улыбаясь. – Как бы я хотела рассказать ей всё, но, боюсь, это лишь навредит. Я так не могу».

И она уехала, оставив мачеху на попечение отца, парочки знакомых врачей да целой толпы служанок.

Пока Кейли приходила в себя после столь сильного «уда-

ра» – встречи с бывшей любовницей мужа, сам Александр более не предпринимал попыток объясниться и тем более извиниться. Однако несколько раз, во время коротких совместных трапез, девушка замечала его пристальный виноватый взгляд, сосредоточенный на ней, но не более.

Единственный из братьев, кто действительно наслаждался последними осенними днями, был Джордж, который с шиком проводил время в Лондоне. С помощью обаяния и некоторых связей ему удалось сблизиться с младшей дочерью Георга III, Софией Великобританской. Сорокалетняя незамужняя принцесса коротала дни в Кенсингтонском дворце, где самым лучшим лекарством от тоски стал молодой и смелый любовник. София была милой очаровательной женщиной, совершенно приземлённой и открытой, её не смущала разница в возрасте и тайные отношения с Джорджем, ведь их обоим это устраивало. Он знал, что принцесса нашла в нём спасение от давящей власти семьи. Семьи, в ней разочаровавшейся, ведь она так и не вышла замуж. София же в свою очередь понимала, что влюбленность молодого мужчины не продлится долго, но для её истерзанного сердца этого было достаточно.

Таким образом парой писем Джордж дал понять брату, что задержится в Лондоне, возможно, даже до нового года, а то и дольше. И, разумеется, Фаунтинс-холл не станет слишком без него скучать.

В тот вечер, примерно неделю спустя, Кейли вместе с мис-

сис Миллз, кухаркой и её племянницей Труди из деревни колдовали на кухне. Как хозяйка Кейли, разумеется, могла контролировать работу на такой большой кухне, но не была обязана участвовать в самом процессе. Ей стало интересно, как у миссис Даунс получаются такие пышные оладьи, а также невероятно вкусные овощи в соусе, которые ещё будучи маленькой виконтесса не особо любила.

Экономка с интересом наблюдала, как молодая хозяйка крутилась вокруг поварихи, задавала ей вопросы, потом что-то записывала в журнал поблизости, затем вовсе принялась замешивать смесь для оладий. Миссис Миллз привыкла к тому, что никто из хозяев не возится с прислугой, болтает с ней о жизни и уж тем более готовит на кухне, как с равными. Наверное, так уж её воспитали, эту юную особу, улыбающуюся, с вечно расплетённой косой через плечо, такую лёгкую и в то же время умелую.

Время, когда миссис Миллз считала Кейли наглой и странной, уже прошло. Отныне ей было неясно лишь, почему хозяин так с нею холоден. Любой здоровый мужчина дал бы руку на отсечение за такую резвую красотку...

– Миссис Миллз! А это что? Тут нет подписи! – Кейли вдруг сунула ей под нос флакон с эссенцией, чем отвлекла от размышлений.

– Это аромат горького ореха для выпечки, м'леди.

– Ох, и правда! Божественный запах! А можно добавить его в чай?

– Вам мало травяного чая с апельсином и розой? – устало вздохнула женщина.

– Но ведь для разнообразия!

Энергия в ней была ключом, и это после целого дня на ногах. Миссис Миллз улыбнулась. Что и говорить, молодая и любопытная, эта девушка могла быть такой неугомонной, если уж на то пошло.

Они собирались наделать целую кучу оладий, а маленькая Труди отнесла бы лишние порции домой, по крайней мере так планировала Кейли, однако всеобщий галдёж и веселье были прерваны шаркающими шагами в коридоре. Тяжёлая деревянная дверь отворилась и в кухню вошёл Александр.

Кейли поджала губы и мигом отвернулась. Она не разговаривала с ним целую неделю, при этом борясь с огромным желанием засыпать его вопросами, на которые, конечно, он бы не ответил.

Обиженная девушка всё же присутствовала на совместных трапезах, но почти никогда даже не смотрела на него. Капитан занимался своими делами, и ей было всё равно, где он находился, если не дома... но лишь бы не у любовницы. Не важно, у кого именно. Лишь бы не вместе с другой женщиной.

– Что за шум у вас тут?

Кейли на мгновение застыла, услышав его голос. Какой он был хриплый и колючий, почти чужой, неузнаваемый. Несмотря на это, она позволила себе огрызнуться:

– Неужто мы вас побеспокоили? Или разбудили? В особняке полно комнат. Можете закрыться в самой дальней, уверяю, шумно не будет...

– Не могли бы вы отыскать мне Эдмонда? – всё тем же хриплым голосом обратился Александр к экономке. – Я никак... я не могу его дозваться...

– Сэр? С вами всё в порядке?

Все взоры в тот миг обратились к нему. Лишь тогда Кейли заметила, что супруг держался одной рукой за дверной косяк, а другую приложил к груди. Его бежевая рубашка взмокла, как и волосы, прилипшие ко лбу. Кейли раскрыла рот и замерла с миской в руках.

– Позвольте! – миссис Миллз тут же приложила ладонь ко лбу капитана. – Боже мой, сэр! Да вы же горячее жаровни! И давно это у вас?

– Вчера стало хуже...

– Вчера?! Как вы ещё не свалились с ног? – Возмущённая Кейли чуть не отшвырнула миску со смесью на стол. – С этим не шутят! Моя мачеха больна, а теперь ещё и вы?

Мужчина скривился, то ли от боли, то ли из-за её замечания.

– Как я посмел... заболеть в такое неудобное время...

– Прекратите! Речь вовсе не о том! Миссис Миллз, пожалуйста, для начала приготовьте холодные полотенца. Нужно сбить жар как можно быстрее.

Как оказалось, маленькая Труды уже успела выскочить в

коридор, а через минуту привела полусонного Стокера. В помятой одежде он выглядел несуразно, но никто не обратил внимания.

– Мистер Стокер, помогите капитану дойти до его комнаты, – велела экономка. – Труди, ну-ка оденься и добеги до родителей. Скажи им прислать доктора. Если мистер Ренли не занят, пусть приходит поскорее. И возьмите телегу!

Во время непростого подъёма по лестнице женщина также отчитала молодого человека за то, что тот недоглядел за хозяином и они упустили момент начала болезни. А Кейли шла позади, следя, чтобы Александр не споткнулся. Она не могла понять, почему он никому ничего не сказал. Либо он упрям, как осёл, либо просто дурак.

В спальне Александра стояла невыносимая духота, хотя в камине уже тлели угли. Пока миссис Миллз и Эдмонд укладывали бормочущего капитана на кровать, Кейли открыла оба окна, чтобы впустить свежего вечернего воздуха. Лишь тогда она заметила, что пошёл снег. Долина уже заметно белела на фоне тёмного неба, и ветер усилился.

Девушка вдохнула снег и поёжилась. Миссис Миллз велела закрыть одно окно, а второе подпереть, чтобы только немного проветривало.

– Как он мог молчать так долго? – сетовала Кейли, переминаясь позади экономки. – Ведь может стать ещё хуже!

– Вы же не разговаривали, м’леди, – вздохнула женщина, подложив под голову Александра ещё подушку. – Пожалуй,

его упрямство и сыграло свою роль. Иногда он просто обижается на весь белый свет, хотя я и не понимаю, почему.

Пока миссис Миллз давала новые указания Стокеру, Кейли нерешительно приблизилась к постели мужа. В свете единственной лампы его кожа казалась смуглой. Испарина на лице стала ещё заметнее, и он дышал тяжело и с хрипом. Девушка протянула руку и коснулась его лба. Горячий. Безумно горячий. Она прикусила губу и выругалась сама на себя. Не стоило его игнорировать, и этого можно было бы избежать.

Но он сильно обидел её тогда.

– Это ты?

Кейли мигом убрала ладонь и прошептала:

– Да, и мы все тут. И миссис Миллз, и мистер Стокер. А сейчас придет доктор...

– Пустое...

– Нет уж! У вас жар, а это плохо. Но скоро всё наладится, мы вас выходим.

Тогда Александр открыл глаза. Выражение его лица не изменилось, но голос почему-то показался ей печальным:

– Если бы я знал... что он приведёт её на праздник... я бы не пустил тебя...

Девушка упрямо сжала губы и промолчала. В это время прибежала Оливия с полотенцами и чашкой горького травяного чая. Кейли присела рядом с мужем и стала прикладывать холодную ткань к его лицу и шее, и так пока полотенце

не становилось почти сухим.

– Его жар как будто усилился, – сказала Кейли экономке. – Да где же доктор? Час поздний, разве он не должен быть дома? Мы заплатим, сколько потребуется, только пусть придет!

Затем она с горечью подумала, что её мачеха словно предвидела это и не позволила остаться в Лидсе. Если судьба решила, значит, она должна помочь мужу выздороветь.

Прошло два часа, а доктор всё не появлялся. Кейли разволновалась до головной боли и её самой пришлось уговаривать прилечь, но она отказалась. Когда мистер Ренли – сорокалетний деревенский доктор и опытный фермер – наконец приехал, подтвердились худшие опасения домочадцев. Он выявил у Александра чахотку.

С той самой минуты, как доктор начал осмотр, предусмотрительно раздев пациента, у Кейли началась настоящая душевная агония. Сначала она металась за дверью, слушая громкий кашель и хрипы мужа, затем уже внутри она с волнением внимала заключению мистера Ренли, заламывая притом трясущиеся руки.

Всё было серьёзно. Кейли не могла в это поверить. И доктор прямо предупредил: не важно, по какой причине всё началось, но больше всего шансов у Александра умереть утром или же следующим днём. Девушка оставила миссис Миллз с Ренли, а сама вернулась к постели мужа. Она продолжала менять холодные полотенца, трясясь над ним, словно над

крохотным младенцем.

Александр откликнулся каждый раз, едва холодная ткань касалась его кожи, он почти сам тянулся к ней. Его губы высохли, и он больше не мог пить чай. Доктор оставил для него пилюли из аммонияка и дал настойку опия. Напоследок самое вразумительное, что он успел сказать, было:

– Это весьма запущенная форма горячки. Если ваш муж станет недееспособен, откажется кашлять и есть пилюли, то боюсь... уже слишком поздно...

Кейли не дослушала даже. Провожала мистера Ренли экономка. Остальная прислуга делала, что могла в такой ситуации. До утра никто не сомкнул глаз. Кейли лишь раз отошла к себе, переодеться в ночную сорочку да накинуть халат, чтобы было не так душно.

Александр больше не приходил в себя. Около четырёх утра его сильно затрясло, и Кейли так испугалась, что её крик был слышен в дальней подсобке кухни. Оливия и миссис Миллиз были рядом, они помогли посадить капитана, после чего его сразу стошнило жёлтыми сгустками. А затем ещё раз примерно в семь утра.

Он был совсем плох. Лицо осунулось, под глазами появились тёмные круги. Кашель прекратился, но дыхание оставалось хриплым. Его руки, лежащие поверх одеяла, дрожали. Иногда он даже метался на постели. И Кейли не могла больше этого вынести. Она выбежала из спальни в коридор и там разрыдалась, громко, протяжно, словно её истязали на дыбе.

Оливия сделала единственное, что могла: обняла её крепко и дождалась, пока истерика завершится. Затем ей удалось увести девушку в смежную спальню, где та уснула через пару минут.

Кейли очнулась внезапно, будто кто-то толкнул её в плечо. Она уселась на постели и пару минут только приходила в себя. В спальне она была одна, рядом никого. Девушка тряхнула отяжелевшей головой и подошла к окну, за которым сходились серое небо и побелевший от первого снега простор. И тут же сообразила, что произошло ночью. Ахнув в ладонь, она вышла в коридор, вцепилась в перила и взглянула на настенные часы, видневшиеся с первого этажа.

Оказывается, она спала всего полтора часа, а чудилось, словно прошла вечность. Кейли дрожащей рукой сжала ручку двери спальни мужа, вошла в комнату и со страхом посмотрела на постель. Александр лежал в той же позе – на спине, правая рука поверх одеяла. И нельзя было сходу сказать, дышал он или нет. Одна только мысль о том, что доктор был прав, поставив смертельный диагноз, приводила Кейли в ужас.

– Он жив, м’леди, не волнуйтесь, – прозвучал со стороны голос экономки.

Кейли её даже не заметила. Женщина сидела, сгорбившись в кресле, у камина, и вид у неё был усталый. Она сняла чепец, и волосы, собранные в толстую косу, были в полнейшем беспорядке. Миссис Миллз моргала медленно, словно

сова, и Кейли стало её ужасно жаль.

– Как я могла уснуть? Я же не хотела...

– Вы должны были поспать. Вы так разнервничались, что любая бы сознание потеряла. В любом случае, вы ничего бы не смогли сделать.

Её мягкий успокаивающий голос растрогал Кейли. Она поняла, как много Александр значил для этой женщины, и как сильно она была к нему привязана, пусть прежде этого не показывала.

– Как он сейчас?

– Жар ещё не спал, по крайней мере, около двадцати минут назад, когда я проверяла. Он не просыпается, но дышит ровно...

– Я поняла. Вы отправили письма моему отцу и Джорджу, как я вчера просила?

– Да, я отправила мистера Стокера сразу же, как было велено,

– Спасибо.

Кейли поёжилась и завязала пояс халата. Окно в комнате до сих пор было приоткрыто, ощущались свежесть и запах влажной земли. С глухим вздохом экономка встала и поправила свою шерстяную юбку. Кейли хотела было сказать ей об отдыхе, но женщина первая отчиталась, что принесёт что-нибудь на завтрак прямо сюда. Через несколько мгновений она скрылась за дверью.

Какое-то время, совсем недолго, Кейли смотрела на мужа.

Приглядывалась, как вздымалась его грудь, как пару раз подрагивали веки. Александр лежал всё так же неподвижно и тихо. Затем девушка закрыла дверь спальни, чтобы не было сквозняка, сняла с камина заслонку и бросила из дровницы под ним в огонь полено.

Едва она закончила, позади вдруг раздался глухой протяжный стон. Кейли мигом оказалась возле постели больного. Александр медленно пришёл в себя, а Кейли не могла поверить своему счастью, едва он открыл глаза и посмотрел на неё.

– Наконец-то... наконец-то ты очнулся! – прошептала она, протянув руку и коснувшись его небритой щеки.

– Почему тут так жарко? – пробормотал он совершенно недовольным тоном. – Дышать нечем...

Едва сдерживая слёзы, Кейли заверила его, что в комнате вовсе не жарко, на что мужчина лишь тихо выругался. Ненадолго он закрыл лицо обеими ладонями, и Кейли еле-еле расслышала, как он произнёс:

– Никогда в жизни не болел, ничем и никогда... Что за чертовщина?

Его жар не унимался. Пришла миссис Миллз с подносом, и Кейли попросила её разбудить служанок и Оливию. Когда в хозяйской спальне снова началась толкучка и женские охи-ахи, мистеру Грэму единственному удалось всех успокоить и отправить заниматься своими делами. Капитану ещё раз дали опия перед тем, как он снова уснул, недовольный и раз-

дражённый то ли количеством народа в его комнате, то ли из-за самого факта возникновения недуга.

В конце концов, миссис Миллз последняя вышла из спальни, закрыв за собой дверь, и Кейли осталась наедине с мужем. Она продолжала обтирать его лицо, шею и руки холодными полотенцами, и так до тех пор, пока он вновь не очнулся всего через час.

И тут стало ясно, что теперь его бил озноб. Девушка сразу же раздула огонь в камине посильнее и достала из комода ещё одно одеяло. Всё равно не помогало. Александр сжался под двумя одеялами, пытаясь спрятать лицо в подушку. Сейчас он как никогда был похож на невинного ребёнка с копной спутанных светлых волос. Каким же беззащитным и трогательным он показался ей!

Кейли в порыве жалости взяла его руку, лежащую поверх подушки, и вдруг вспомнила эпизод из детства: когда она заболела, неудачно искупавшись в речке, её тоже знобило. Тогда отец забрал восьмилетнюю Кей к себе в спальню и уложил в постель между собой и женой. Так они и проспали до полудня, втроём, согретые общим теплом...

Девушка посмотрела на мужа и заметила, что он до сих пор дрожал. Во сне он оскалился и простонал что-то. Он никак не согревался.

Кейли недолго дёргала за краешек пояса своего халата. Наконец, она решилась, развязала его и бросила халат в кресло. За ним, хоть и не сразу, последовала ночная сороч-

ка. Освободив волосы от ленты, Кейли растрепала их, затем быстро скользнула в постель, укрыв плотнее одеялами и себя, и мужа.

Он ничего не заметил, выражение его лица оставалось таким же напряжённым. Сначала нерешительно, потом уже смелее Кейли прижала ладонь к его плечу, скользнула ниже, ощутив тугие мышцы груди и торса. Его кожа была влажной и блестящей от пота, но прикасаться к нему вовсе не было противно. Эти касания заставляли её чувствовать себя странно и кроме неловкости вызывали в ней дерзкое желание делать это снова и снова.

Девушка выдохнула и придвинулась. Ей уже стало нестерпимо жарко, но Александр дрожал в ознобе, так что она быстро прижалась к нему всем нагим телом. И минуты не прошло, а она уже совершенно не понимала, как быть, и как смириться с тем, что это положение творит с её телом и разумом. «Наверное, об этом мне говорила Анита», – попыталась приободрить она себя, но сделала лишь хуже, потому что смутные воспоминания о рассказах подруги пробудили в ней жгучее желание. Кейли мысленно посетовала: Александр тяжело болел, а она думала лишь о том, какое у него большое и смуглое тело, и какой бледной её рука кажется на фоне его загорелой кожи; какими напряжёнными и тугими оказались на ощупь его мышцы, и как сладко прижиматься к нему, и тем более чувствовать, как её груди трутся о его грудь.

Но она смиренно лежала рядом, даже почти под ним, поэтому ей пришлось закинуть левую ногу ему на бедро. Кейли потерялась во времени, она и не поняла, как умудрилась заснуть в такой смущающей позе, чувствуя всё его тело над собой, почти утыкаясь носом ему в плечо. И всё же она уснула. Разумеется, Кейли не знала, что миссис Миллз и Оливия приходили проведать их, а увидев супругов вместе под одеялами, понимающе переглянулись и ушли, закрыв дверь.

Проснулась Кейли уже к закату. Вернее, просыпаться она стала из-за Александра, который сам начал пробуждаться и избавляться от тяжёлых одеял. Как маленькое дитя, Кейли утёрла кулачками глаза и потянулась. Её молодое тело быстро оправилось от неудобной позы, и девушка ощутила лёгкую истому. Такую, какую прежде никогда не чувствовала. Странную, но всё же сладкую и приятную. К сожалению, лёгкие томные мгновения долго не продлились.

Сначала Кейли ощутила холод, потому что одеяло с неё съёрнули, затем, распахнув глаза, она увидела бледное как полотно лицо Александра и его горящий ненавистью взгляд. Девушка вскрикнула и инстинктивно попыталась отодвинуться. Красивое лицо мужа, хоть и тронутое лихорадкой, исказилось такой злобной гримасой, что Кейли невольно ощутила страх.

А потом вдруг случилось совсем странное. У неё на глазах Александр тряхнул головой, оглянулся, словно потерянный, не осознающий, где он и что происходит, затем увидел, что

Кейли почти съёжилась на другом краю кровати, и устоялся на неё так, будто впервые увидел. Мало того, она была голая и находилась так близко, что стоило лишь руку протянуть...

Она ничего не успела произнести, хотя и собиралась оправдаться, мол, не хотела напугать, а просто согреть его, и случайно уснула, когда внезапно мужчина бросился к ней, схватил за руку и дёрнул на себя, отчего Кейли коротко вскрикнула. Она мигом оказалась под ним и, поймав гневный взгляд, увидев эти горящие жутким огнём покрасневшие глаза, поняла, что именно происходило. Поняла каким-то древним, первобытным чувством, присущим любой женщине, что именно это был за огонь в глазах мужчины.

Александр навалился на неё всей тяжестью тела, и она ничего не могла поделать: он был сильнее, несмотря на пережитую горячку, и ловчее, хотя она и извивалась под ним, словно угорь. Кейли пыталась ударить его руками – он с лёгкостью поймал оба запястья в свои пальцы, а бёдрами втиснулся между её ног и так тесно прижался, что она мигом поняла, что так сильно давило ей на живот.

Девушка попыталась закричать, но даже звука издать не успела, когда Александр свободной рукой зажал ей рот. Он словно предвидел каждое её сопротивление. Ей оставалось лишь смотреть в его побагровевшее от напряжения лицо, в его глаза, потемневшие от желания, и с ужасом представлять то, что должно случиться.

«Но это не должно быть так! – вопила она в своей голо-

ве. – Это же не так происходит! Он не может быть таким, только не он!» Только вот это происходило на самом деле. И он не любил её, а просто поддался какому-то кошмарному внезапному порыву. Ему было плевать, что она не хотела этого, и останавливаться не собирался. Кейли всхлипнула, на сопротивление у неё уже не осталось сил.

Мужчина дышал часто и тяжело, и, видимо, почувствовав, что девушка прекратила дёргаться, отпустил её запястья. Через секунду Кейли заныла в его ладонь, потому что свободной рукой он провёл между её бёдер и коснулся пальцами там, где она больше всего боялась. Хуже того, придавливая её тело своим, большим и потным, он вдруг попытался ввести указательный палец внутрь, отчего Кейли дёрнулась и, не выдержав, расплакалась. Слезы мешали смотреть, и она зажмурилась, но продолжала всё чувствовать: как его палец полностью проник в неё, какой влажной и скользкой она была. А затем Александр убрал оттуда руку и, громко, словно мучительно выдыхая ртом, упёрся членом между её ног.

Заливаясь слезами, от которых щипало глаза и щёки, Кейли ощущала себя мерзко и грязно. Она в последний раз попыталась отпихнуть мужчину, но не смогла. Она почувствовала, как его орган скользит по её половым губам, туда и обратно, словно готовясь отыскать вход и резко вонзиться внутрь, и захныкала от бессилия... Не так это было в её грёзах, тем более ничего такого не рассказывала Анита. Это было ужасно, больно, унижительно... И хуже всего, что это с

ней делал её любимый...

Через несколько мгновений она осознала, что Александр замер над ней. Он не двигался, не шевелился. Когда его ладонь соскользнула с её рта, Кейли выдохнула и увидела его лицо...

Бледное лицо испуганного до смерти человека.

Он медленно освободил её от своего тяжёлого тела, и в этот миг девушка перевернулась, затем ещё раз, и упала на ковёр. Она вскочила на ноги и кинулась к креслу, буквально сдёргнула халат и оделась, наскоро завязав пояс.

– Кейли... Кейли! Прости меня! Пожалуйста... прости.

Дрожащая и перепуганная она обернулась к мужу: он всё ещё стоял на коленях на постели, среди смятых простыни и одеял; на его лице застыла скорбная маска, а губы тряслись, будто он готов был зарыдать, и, видимо, он совершенно забыл о наготе. Кейли лишь мельком посмотрела на его разведённые в стороны колени и мигом отвернулась. Несмотря на эту резкую перемену в поведении, и что выглядел он слезливо и жалко, мужчину совсем не волновало, что его орган до сих пор был в полной готовности, большой и твёрдый. При воспоминании об этом зрелище Кейли чуть не задохнулась от возмущения.

– Я умоляю тебя, не уходи... Не сбегай вот так... – повторял Александр, а ей не хотелось слушать. – Дай мне объясниться!

Она всё ещё бесшумно плакала и была испугана. Затем

дрожь по телу понемногу прошла. Девушка обхватила себя руками и, не оборачиваясь, прошептала:

– Объясниться?! Вы спятили! Сошли с ума! Я же не хотела! Я же сопротивлялась!

– Я знаю, клянусь, я всё понимаю...

– Что тут творится?!

Неожиданно в спальню, как смертоносный вихрь, ворвалась Джордж, одетый в дорожный костюм, а за его спиной рилилась целая кавалькада из галдящей прислуги. Видимо, они все сбежались на шум и громкие голоса. Девушка в свою очередь отвернулась от двери к тёмной стороне комнаты и попыталась утереть рукавом лицо.

– Какого чёрта ты тут делаешь? – чуть не зарычал Александр, спокойно прикрыв бёдра краем одеяла. – Ты должен быть в Лондоне!

– Я там и был, когда получил письмо от Кейли, что ты болен, идиот! Я мчался сюда, будто на адской гончей, лишь бы успеть, потому что боялся, что ты помрёшь! И что я вижу? Не успел я снять пальто, как услышал её возмущённый крик из твоей спальни, придурок ты эдакий! И ты сидишь на кровати, совершенно голый, а Кейли едва одета и дрожит при виде тебя!

– Закрой рот, сопляк!

– Сам закрой! Что ты натворил?!

– Это только наше дело! Пошёл вон отсюда!

– Что? Да если ты хоть на мгновение решил, что я оставлю

вас наедине...

Они ещё около пары минут сыпали оскорблениями друг на друга, а в это время Оливия успела растолкать всех слуг, протиснуться мимо Джорджа и подойти к Кейли, которая уже успела немного успокоиться. Она была рада увидеть Джорджа, и в его присутствии ощутила себя бодрее, даже смелее. Девушка попросила Оливию принести графин с водой, а заодно сказать остальным, чтобы не толпились у двери. Та послушно всё исполнила.

«Надо поскорее их успокоить, иначе у Александра снова поднимется жар и тогда...»

Ради всего святого, она снова беспокоилась о его здоровье! Он едва не изнасиловал её – собственный муж – а она всё боялась, что он не выздоровел! Кейли прикрыла ладонью рот... и засмеялась. Поначалу это и вправду было нервное, потом, в наступившей тишине, ситуация показалась ещё абсурднее, и теперь она засмеялась от души, искренне.

– Милая, вы в порядке? – спросил Джордж, удивлённо хлопая глазами.

– Да-да... я просто... вас тут так много! – она никак не могла подавить этот идиотский смех. – Вы выглядите очень романтично, Джордж! У вас на пальто растаявшие снежинки и грязь на сапогах...

– Но я ведь торопился...

– Простите мне мою истерику! Мой муж совсем голый, а вы так резко появились...

– Но вы же плакали!

Девушка отмахнулась и утёрла непрошенные слёзы. Затем настойчиво, но мягко выпроводила растерянного молодого человека из спальни. Оливия как раз принесла воды.

И вот, наконец, дверь за ними закрылась, и Кейли снова осталась один на один со своим странным мужем, от которого решила этой ночью потребовать все ответы.

Сейчас или никогда.

Глава 13

Александр зашёлся кашлем, таким сильным и долгим, что мужчина с трудом придвинулся к подушкам возле изголовья кровати и упал на них спиной. Кейли заняла позицию за креслом около камина, и теперь молча наблюдала, как муж терпел очередной приступ. Тени от разгоревшегося огня танцевали на его загорелой блестящей от пота коже; взъерошенные волосы взмокли, и самые длинные пряди на лбу лежали в полном беспорядке. Несмотря на кашель и жар, лицо мужчины уже приобрело нормальный здоровый цвет, и Кейли решила, что, пожалуй, самый пик его недуга миновал.

Она ощутила облегчение... а ещё странную нервозность. Не только потому, что ей предстояло допросить мужа после случившегося, но и потому, что именно в эту минуту, как назло, он показался ей до невозможного красивым и таким уязвимым, что в глубине души ей уже не хотелось ненавидеть его...

«Может быть, стоило просто потерпеть? – подумала она и

сама себе ужаснулась. – О чём это я? Как же? Но ещё утром мне так нравилось лежать рядом с ним... Со мной точно что-то не так!»

Два раза он пытался взять её силой. В первую ночь после венчания он явно не был настроен на близость, а спустя время внезапно решился, хотя снова не желал этого, и вот сегодня Кейли собственными глазами увидела, каким бывает мужчина, охваченный страстью. Обезумевшим, почти яростным и неумолимым... но, наверное, искренним. Вот теперь он хотел её. И если бы не обстоятельства и время, возможно, она не испугалась бы... и тогда...

– Я знаю, о чём ты думаешь, – произнёс Александр хрипло после долгого молчания. – И, поверь мне, то, что произошло, или почти произошло – недопустимо...

– У вас кашель и наверняка болит горло. К тому же прошло всего несколько часов, как вас бил озноб. Может быть, не стоит говорить? Отложим это?

Он покачал головой, упрямо сжав губы в тонкую линию. Кейли снова увидела знакомого угрюмого капитана Стоуна.

– Нет, я в порядке. Моя голова прояснилась. И я должен оправдаться перед тобой, иначе, в случае чего, всё кончится, а мою исповедь так никто и не услышит.

Он намекал на собственную смерть? Кейли поёжилась, ощутив холодок по спине. То, о чём он думал, было ужасно, так что же там ещё таилось в глубине его разума?

– Прости меня за случившееся, – произнёс он, затем по-

морщился и утёр рукой глаза. – Прости, что испугал... На самом деле я этого не хотел. Вернее, хотел, но не этого.

– Вы были не в себе из-за лихорадки... но я ещё никогда не была так напугана, – девушка обошла кресло и медленно опустилась в него, согнув ноги.

– Да, я знаю.

– Я бы никогда не подумала, что вы так поступите. Мне было больно и страшно.

– Понимаю.

Ощувив ком в горле, Кейли изо всех сил сдержала гнев, потому что его сочувствие казалось ей неискренним и лживым. Она сжала пальцами краешек халата и процедила сквозь зубы:

– Почему вы это сделали? Почему вы пытались сделать это тогда, в первый раз, хоть и не любили меня?

Мужчина молчал, опустив голову так, что она не видела его взгляда, и это взбесило её ещё сильнее.

– Говорите же со мной, раз решились!

– Речь тут вовсе не о любви, Кейли...

– Я знаю, чёрт возьми! Так в чём же дело? Вы всё твердите, что понимаете меня, хотя это я перенесла все эти... эти унижения! Это я рыдала тут и пыталась отбиться! Вы просто животное, если не умеете контролировать свою похоть!

– Я знаю...

– И, что хуже всего, я ощущаю себя полной дурой, ведь всё это из-за вашей болезни, так что я даже разозлиться не

могу...

– Из-за болезни, так ты думаешь? – тут он поднял к ней глаза. – Да, я забылся, и от лихорадки у меня помутился рассудок, но если ты думаешь, будто я не хотел тебя взять, ты не права.

Кейли вспыхнула, но попыталась сделать вид, что это её не задело. И что её сердце вовсе не забилося чаще.

– Вы меня не любите, – произнесла она тихо. – Я вам не нужна, я вас не интересую...

– Поначалу так и было, признаю. Но ты давно уже не ребёнок... и интересуешь меня куда больше, чем кажется...

– Хватит! Перестаньте! Я не верю! Я всё это время была для вас пустым местом, иначе...

Александр ухмыльнулся и смочил кончиком языка иссохшие губы.

– От тебя трудно избавиться, ты не знала? Ты вообще осознаёшь, насколько ты желанна?

Кейли ощутила, как вспыхнули щёки, и захотела обругать его, закричать, разозлиться, но не успела.

– Нет, откуда же тебе знать. Ты росла, как роза под колпаком, холёная и любимая, всеми обожаемая. Никто и пальцем не тронул тебя, никто и не посмел бы. Ты даже не замечала, как этот гад, Стивенс, смотрел на тебя там, в саду...

– Да как вы смеете?!

– Не знаю, что ты сделала, как именно ты этого добила, но там, в Южной Америке, я постоянно о тебе думал, – он

вымученно улыбнулся, словно сам себя за это презирал. – Ты снилась мне так, что я рассказать не решусь. Ты мне неинтересна? Ха! Сейчас это даже забавно звучит...

– Вы лжёте...

– Как вернулся в Фаунтинс, только об этом и думал. Отторжение, презрение, жалость – всё куда-то вдруг исчезло. Я хотел тебя, и тут я не лгу. Я хотел, и я сдерживался, потому что ты этого не заслужила. Я слишком много боли тебе причинил, чтобы претендовать на твою невинность... А сегодня ты вдруг оказалась в моей постели да ещё и обнажённая! Ты хоть понимаешь, как это подействовало на меня?

Он вновь закашлял, прижав ладонь к груди, и Кейли хотела было встать, чтобы подать ему воды, хотя её всю уже трясло от его откровенных слов. Александр остановил её жестом руки. Затем приступ прекратился.

– Я сам виноват, что так вышло...

– Так вышло! – возмутилась она. – О чём вы вообще тут толкуете! Бред! Если бы вы действительно хотели, вы бы пришли ко мне раньше и сказали о своих чувствах напрямую! Но в итоге едва не изнасиловали!

– Верно...

– А теперь говорите, будто с ума сходили от страсти, хотя никогда этого не показывали?! Да к чёрту! Я не понимаю, что за игру вы ведёте!

– Нет никакой игры... только сдержанность...

– Вы не видите себя со стороны! Как ничтожны ваши

оправдания!

– Знаю...

Кейли не могла больше этого выносить: она вскочила и подбежала к постели, будто фурия с растрёпанными волосами и гневным взглядом.

– Хватит поддакивать! Что вы знаете?! Ничего вы не знаете! Вам не понять меня! Вас когда-нибудь унижали? Хватали и зажимали рукой рот, чтобы вы не могли кричать? Шарили руками по всему телу? Вы плакали хоть когда-нибудь от бессилия и ощущения, что вы лишь чья-то вещь? Ну?! А иначе вы никогда не...

– Я понимаю.

Когда он произнёс это, когда посмотрел на неё и сжал губы, гнев Кейли моментально утих. Глядя ему в глаза, она стала осознавать, что он только что сказал. *Как* он это сказал. Постепенно до неё дошёл смысл...

Его глаза – те самые голубые глаза, в которые она когда-то влюбилась без памяти – вдруг наполнились слезами. Но он не плакал. Просто сидел прямо, откинувшись на подушки. Две слезы скатились по его щекам. Одна упала на ключицу, другая впиталась в губы.

Кейли словно молнией ударило. Она отпрянула назад, сделав пару неловких шагов, и прижала ко рту руку. Она вдруг всё поняла. И на мгновение ей показалось, будто она стала падать в пропасть.

– Нет! Нет, нет, не-е-ет... не может быть...

Перед глазами всё закружилось, и девушке пришлось опереться о подлокотник кресла.

Кейли всё продолжала бормотать, скорее, чтобы убедить себя, будто он врал. Но глаза не могут врать. Она снова взглянула на мужа. Он не шелохнулся, и его лицо стало болезненно белым. Его опять трясло.

– Что вы... что ты такое говоришь? – прошептала девушка спустя пару минут. – Такого быть не может!

– Ох, твои слова... да Богу бы в уши...

– Я не верю... я не хочу верить...

– Справедливо.

Справившись с потрясением, Кейли медленно подошла к постели и присела рядом по левую руку от Александра.

– Как это может быть... то, о чём ты говоришь?

Он больше не смотрел на неё. Теперь его взгляд был устремлён вперёд, на дверь спальни. Когда Александр заговорил, его голос, наконец, потерял болезненную хрипотцу:

– Моя мать всегда была слаба здоровьем... и не слишком заботливой. Родного отца я совсем не помню. От него осталась лишь фамилия и долги за дом, который у нас отобрали. Я даже не помню, как Эшбёрн появился в нашей жизни... но он появился. И всё было неплохо. Да, они не любили друг друга, я это чувствовал, но ничего не мог поделать. Потом родился Джордж, и почему-то Эшбёрн не захотел заниматься его воспитанием. Возможно, потому что мать переключила всё своё внимание на малыша. Оттого он был и остаётся

неженкой...

На мгновение на губах мужчины мелькнула улыбка, тёплая, искренняя, но она быстро угасла.

– Мне было десять лет, когда мать окончательно слегла. Она так быстро уходила от нас, и мы даже оглянуться не успели, как опустела поначалу её постель, затем вся комната... Джордж был совсем маленьким, он почти её не помнит. А вот я... я запомнил каждую деталь. Даже звон колоколов в день похорон. Как будто я слышу его до сих пор... Отчим горевал... но как-то по-своему... Мы его тогда почти не видели. А затем всё изменилось. И полгода не прошло, как в доме стали появляться какие-то незнакомые люди. И много, много женщин... Очень много... Один раз я не мог долго уснуть. Пошёл по коридору и услышал за дверью его спальни голоса. А потом какая-то женщина громко закричала...

Ненадолго он зажмурился, словно это воспоминание причинило боль. Кейли заметила пот, выступивший у него на лбу, и как его пальцы сжались в кулаки. Александр продолжал глухим голосом:

– Я испугался и всё же открыл незапертую дверь... Не трудно догадаться, чем он занимался с той женщиной. Я лишь увидел их голые тела на постели и, помню, застыл на месте. А перед тем, как ринуться назад, я случайно поймал его взгляд... Боже... мне никогда не забыть этот взгляд.

Он вздохнул, болезненно поморщившись, а после заговорил уже без пауз:

– Я до сих пор не понимаю, что это было. Наверное, никогда не пойму. Эшбёрн никогда не отличался родительской любовью, как, в общем-то, и моя мать... но после той ночи всё стало ещё хуже... ещё страннее. Эти его гости... эти сборища, которые он устраивал, происходили чуть ли не каждый день. И вот однажды отчим пришёл в нашу комнату. Я не спал и видел, как он склонился над кроватью Джорджа, затем направился к моей... Он потряс меня за плечо и сказал: «Поднимайся, Александр. Пора становиться мужчиной!» Едва я продрал глаза, как он вытащил меня из постели, и я понял, что грядёт нечто страшное. Поэтому не стал кричать, чтобы не разбудить Джорджа... Я подумал, что он и его заберёт...

Мужчина ненадолго спрятал лицо в ладонях, и этот отчаянный жест вызвал в душе Кейли неподдельный отклик. Она ещё никогда прежде не испытывала такую тоску.

– Перед дверью гостевой спальни я стал упираться и брыкаться. Я даже пытался его укусить... за что он ударил меня по лицу. Впервые в жизни меня кто-то ударил! Потом он затолкал меня в ту комнату, зашёл следом и запер дверь. На постели сидела девушка... молодая, насколько я помню, с каштановыми волосами и тёмными глазами... У неё были такие алые губы... Она так страшно улыбнулась, когда увидела меня, что я едва не закричал. Но самое ужасное случилось, когда Эшбёрн наклонился ко мне и прошипел: «Если ты будешь орать или сопротивляться, я притащу сюда твоего

брата».

Кейли закрыла ладонью рот, другой рукой вцепившись в одеяло, на котором сидела. Она не могла оторвать взгляда от мужа, чьё лицо побагровело, но он упорно продолжал говорить:

– Я был уже далеко не глуп и наивен... Я лишь представил, как Джордж увидит то, что тут произойдёт, и у меня словно земля ушла из-под ног. Я не стал больше упираться. А потом... потом он велел мне раздеться и лечь в постель к той девушке... Я так и сделал... Я делал всё, чего она хотела и... Эшбёрн остался в комнате. Он всё сидел в кресле около окна и смотрел на то, чем мы занимались... Кажется, попутно он листал книгу...

Кейли показалось, что все внутренности скрутило, и её вот-вот стошнит. Она прикоснулась к своей щеке и почувствовала влагу. Оказалось, она плакала, но даже не заметила этого. Слезы просто текли по лицу, никаких рыданий или истерик. А внутри что-то горело, разгоралось непонятным огнём. Её жгло, и жгло, да так сильно, что пришлось встать и налить в стакан воды. Кейли залпом его осушила и осталась стоять спиной к постели.

– Кто была та девушка? – спросила она зачем-то.

– Я не знаю, – услышался ответ. – Я так и не узнал. Да и какая разница? В конце концов, до поры до времени он не приводил в дом знатных леди...

Кейли опешила от его слов. Но больше от его будничного

тона. Она резко обернулась, и волосы хлестнули её по лицу.

– Так это... что... повторялось?

На губах Александра мелькнула горькая усмешка. Он, наконец, посмотрел на неё таким пугающе откровенным взглядом, что ей стало не по себе.

– Разумеется, это повторялось. Периодически, пока я не попал в военное училище. Тогда его власть надо мной немного ослабла... Мне было пятнадцать, кажется.

– Я не понимаю. Почему ты не попросил помощи? Почему не рассказал об этом хоть кому-то?

– Ты издеваешься? Кому? Да и как я мог? Мало того, что меня использовали, как вздумается, я должен был раскрыть это и окончательно опозориться? – он резко мотнул головой, и взгляд его вдруг стал жестоким. – Нет уж! Мне было... вполне комфортно страдать в одиночестве... И если бы кто-то узнал... Мне пришлось бы убить себя. И теперь ты тоже должна молчать! Поняла?

– Комфортно?! – воскликнула она, проигнорировав его просьбу, затем инстинктивно заговорила тише. – Как это может быть комфортно? Это ужасно!

– Я знаю.

– Так не должно быть! Как он мог так поступать? Зачем? Я не понимаю...

– Только не вздумай спрашивать у него! – рявкнул мужчина. – Не хватало ещё, чтобы он догадался, что ты всё знаешь. Он непредсказуем.

– Ты боишься его?

Александр смотрел на неё, не моргая, некоторое время, затем просто ответил:

– Иногда мне кажется, что боюсь.

Кейли снова промочила горло, потом вернулась к нему и присела рядом. Почему-то Александр вновь поморщился, и его голос приобрёл жесткие нотки:

– Как ты можешь приближаться ко мне после всего, что я рассказал? Ты не поняла? Я – грязь. Мерзкий и отвратительный. Я не мог дать им отпор и всё терпел. Как ты можешь в глаза мне смотреть?

Девушка было раскрыла рот, однако, прежде чем выговориться, ей пришлось взять себя в руки. Хоть её сердце и обливалось кровью из-за него, она не чувствовала никакого отвращения.

– А как ты можешь считать, будто я не должна этого делать? В чём ты виноват? Ты был ребёнком! И ты защищал брата!

– Ну и что?

– Это всё не твоя вина! – настаивала она. – Никто не защитил тебя! Этот негодяй должен был относиться к тебе, как к сыну, а не играть, словно ты вещь...

– Я такой же, как они. Те, кого он приводил, чтобы попробовать что-то новое...

– Неправда! – крикнула она в порыве, вскочив на ноги.

Мужчина вдруг прищурился, а его сухие губы снова рас-

тянулись в кривой улыбке. Его грудь высоко вздымалась, дышал он тяжело, а кожа до сих пор была покрыта испариной.

– Нет, правда, девочка. И недавно ты почти в этом убедилась. Ты не знаешь этот мир с той стороны, с какой я его знаю. Я всё видел. И даже такие вещи, от которых тебя мигом стошнит...

– Прекрати так говорить...

– Но это истина. Несколько лет я участвовал в его развлечениях и в какой-то момент просто перестал придавать этому значение. Всего лишь близость, всего лишь проникновение в чьё-то тело...

– Перестань... – Кейли прижала ладони к ушам, но это не помогло.

– Пустое желание, которое нельзя удовлетворить... Он хотел, чтобы я стал таким же, как они, и даже привёл Элизабет однажды. Да, она была красива и соблазнительна, но меня воротило от вида её тела и того, что она делала с моим, а мне было уже пятнадцать...

Из глаз Кейли снова брызнули слёзы, и ноги едва держали. Она села на самый край постели и заплакала, спрятав лицо в ладонях. Сердце разрывалось на части из-за него, а Александр словно отторгал тот факт, что его сломали и извратили. Она не понимала этого, не понимала его смирения. Ей хотелось выть от боли, а он вёл себя так холодно...

Она не увидела, как он посмотрел на неё жестким испытующим взглядом.

– Попад в училище, я не желал ничего больше, кроме войны и сражений. Но даже на поле боя и за границей умереть никак не получалось. Мои товарищи шатались по кабакам и публичным домам, а я не мог даже смотреть на женщин... Когда Эшбёрну вздумалось меня женить, я решил, что это конец... Да ещё и ты... Ты таким влюблённым взглядом смотрела, что я и понятия не имел, как действовать дальше.

– Зачем ты согласился? – голос её опустился до шёпота. – Если я была настолько омерзительна, зачем ты согласился?

– Ты вовсе не была омерзительна. Дело во мне. Это всё мои пороки... Моё прошлое и то, что я не мог с ним смириться...

Утерев глаза, Кейли строго посмотрела на него:

– Не мог смириться? Но ты позволяешь этому человеку управлять собой даже теперь! Разве он сильнее? Разве у него есть над тобой власть? Ты не должен был соглашаться на этот брак, если не хотел! Почему ты не порвёшь с ним все отношения?

Он долго не отвечал, и его глаза так внезапно потухли, что взволнованная девушка испугалась, как бы он вдруг не потерял сознание. Когда он снова заговорил, голос мужчины прозвучал совсем тихо, словно издали:

– Почему я от него не избавлюсь... Какой хороший вопрос... Я рос в одиночестве, мать почти мной не занималась. Джордж был слишком маленьким, а потом Эшбёрн забрал у меня детство... Мне было страшно, одиноко, стыдно. А он

был сильнее, и каждый раз, раздеваясь перед очередной похотливой сукой, я думал... а вдруг это правильно? Может быть, я ошибаюсь? Но мне всё равно было противно и тошно... Так почему я не могу избавиться от него?

Неожиданно он улыбнулся, откинул голову назад и закрыл глаза. А Кейли глядела на него, не ощущая ничего, кроме пустоты, и так продолжалось, пока он не умолк:

– Любовь – это сказка. Её не существует. Поэтому всё, что я узнал, это то, что он мне предложил. Это мерзкое, скользкое ощущение власти и физического удовлетворения от насилия... Это единственное, чему я научился. Это моя семья...

Он снова выпрямился и, глядя девушке в глаза, постучал указательным пальцем по своему виску:

– Оно здесь, и здесь же останется.

Потом они долго молчали. Каждый размышлял о своём. Когда Кейли перестала чувствовать тошноту и головокружение, она обняла себя за плечи и поёжилась. В пугающе вязкой тишине лишь потрескивали угли в камине. Пламя почти погасло, и если бы не единственная горящая свеча на столе, было бы совсем темно.

Сделав вдох, Кейли поднялась и подошла к окну. До рассвета далеко, а ощущение такое, словно прошло много часов. Этот рассказ... эта исповедь так измотала её, ей казалось, будто она увидела всё наяву. Как нарочно в памяти всплыли знакомые картинки. Когда Александр пришёл, чтобы за-

брать её невинность в первый раз, он говорил ей жестокие слова... Он лишь повторял за отчимом. Вот, откуда он взял это. И вот почему ожидал её пощёчины. Его били, и он привык к этой боли. Наверное, она стала для него своеобразной лаской.

«Какая дикость!» – промелькнула в голове мысль.

– Теперь ты можешь со спокойной душой меня возненавидеть, – услышала она его бесстрастный голос. – Я же сказал. Я стал таким же, как они. Если бы твои слёзы не разворошили старые раны, я бы взял тебя и испытал такое удовлетворение, что ты даже представить себе не можешь...

Она медленно обернулась к нему, сохраняя маску скорби на бледном лице, и дождалась, пока Александр поднимет глаза.

– Тебя ещё не тошнит от моего жалкого вида?

Кейли ответила коротким «нет», и мужчина презрительно усмехнулся.

– Я буду крайне удивлён, если ты не решишь завтра же развестись.

– Почему? Потому что твой отчим – жестокий садист?

– Дело не в нём. А потому что я такой.

– Но я влюбилась, когда всё уже произошло. Для меня мало что изменилось.

Александр посмотрел на неё, как на полоумную, и, утерев влажный лоб рукой, зло пробормотал:

– Ты или дура... или просто ненормальная...

Она понимала, отчего он так себя вёл. Но это была привычная ему реакция на подобные вещи. Он всегда ожидает жестокости и безразличия. Кейли сделала глубокий вдох, подошла к столу и затушила свечу. Затем, встав возле постели, твёрдым голосом произнесла:

– Я даю слово, что всё, о чём узнала сегодня, останется между нами... А теперь я вернусь к себе. Мне нужно немного отдохнуть. Голова раскалывается. Советую вам, сэр, хорошенько выспаться, если получится. Если вам станет хуже, позвоните, и мистер Стокер придёт. Думаю, он не ляжет спать сегодня...

– Ты самая странная из всех женщин... насколько это возможно, – сказал он, глядя на неё исподлобья. – Меня даже пугает твоя хладнокровность.

– Тогда завидуйте, сколько влезет. Потому что ваше прошлое не вышвырнет меня из этого дома, – бросила Кейли, затем направилась к смежной двери.

Правда возле неё она вдруг обернулась и инстинктивно спросила:

– Если вам ещё что-то нужно, сэр, говорите.

– Да, у меня есть одна просьба.

Кейли напряглась, ведь почти в полной темноте его глаза сверкнули столь странно, что у неё мурашки побежали по спине. И его голос, ставший вдруг таким приглушённым и хриплым, поразил её до глубины души.

– Ты можешь отказаться, конечно. Я не стану застав-

лять... Я хочу, чтобы ты осталась здесь.

– Что, прости?

– Спи со мной. В этой постели.

От удивления она едва не ахнула в голос, но сдержалась. Кейли пригляделась к его силуэту, темнеющему на фоне постели, и невольно сжалась. Что на него нашло? Или он снова испытывал её? Проверял, оставит она его, доверится, или испугается и сбежит. Припомнив то, как он набросился на неё ранее, Кейли вздрогнула.

– Даю слово, что не трону тебя, – произнёс он спокойно, будто прочитав её мысли. – Просто останься.

Разумеется, она боялась, но не потому, что узнала его тайну. Она боялась того, как свято он верил, будто стал таким же негодяем, как Эшбёрн. Такая глубокая привязанность и вера могли не хуже насилия искалечить молодой разум. А это означало бы, что его стоило бояться.

Она сделала над собой усилие и вернулась к изголовью кровати. Огонь в камине совсем погас, и последние несколько мгновений девушка наблюдала, как отражался крошечный свет в больших голубых глазах Александра.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она, стараясь придать голосу немного смелости.

– Лучше, как это ни странно. И в голове прояснилось.

– Хорошо.

Кейли поняла вдруг, что, если снимет халат, то придётся ей лечь голый. Она не знала, какая реакция последует за

этим, поэтому упрямо сжала губы и скользнула под одеяло прямо так.

– У тебя ледяные ноги... – заметил мужчина, когда она случайно ткнулась в его колено.

Девушка промолчала. Александр опустился ниже, подал ей подушку и улёгся рядом. Кейли так явственно ощущала жар его тела, что вскоре сама согрелась. Этого ли он хотел, просто лежать друг напротив друга? Шестое чувство подсказывало, что нет. А хуже всего, ей тоже было этого мало. Она вспомнила, как пыталась унять его озноб, и что при этом чувствовала сама.

Кейли пригляделась к его расслабленному лицу в темноте и подумала о том, как мог десятилетний мальчик перенести всё, на что обрёл его отчим? Пожалуй, он и не смог этого вынести. Он защищался, как умел. И эта стена до сих пор стояла вокруг него, так что никто через неё не пробился.

– Не надо, не плачь по мне, – произнёс он шёпотом, когда заметил её слёзы. – Я не заслужил.

На несколько мгновений Кейли уткнулась лицом в подушку, затем, не раздумывая, придвинулась ближе и прижалась к обнажённому горячему телу. Сначала Александр удивился, его мышцы тут же напряглись, но и минуты не прошло, как она почувствовала, что он обмяк в её объятьях.

Сильная рука нерешительно скользнула девушке под шею, другой рукой он обнял её и прижал к себе ещё крепче. Так она оказалась лежащей у него под боком, положив голо-

ву на его плечо. Постепенно даже его дыхание выровнялось.

Мысленно помолившись и попросив у Господа успокоения для несчастной души мужа, Кейли закрыла глаза и быстро провалилась в сон.

Глава 14

Кейли выдернули из её сладкой дрёмы. Кто-то очень настойчиво тряс её за плечо. Девушка недовольно поморщилась и уже хотела выказать недовольство вслух, но, открыв глаза, увидела над собой обеспокоенное краснощёкое лицо Оливии.

– Миледи... Миледи... Просыпайтесь, пожалуйста! Дело важное!

Говорила она тихо, но усталые глаза горничной выражали столь явную тревогу, что Кейли мигом очнулась. Первое, о чём она подумала: с Александром случилась беда! Она дёрнулась на постели, подняла голову и в следующую же секунду удовлетворённо выдохнула. Александр лежал рядом, а вскоре тоже начал просыпаться.

– Что случилось? – пробормотал он сонно, видимо, услышав голос Оливии. – Который час?

– Уже десять утра, сэр. Простите за беспокойство, но лорд Эшбёрн только что приехал и хочет вас видеть.

Это имя в тот час же заставило Кейли напрячься. Она мгновенно вспомнила откровенный ночной разговор и ощутила дикую ненависть к человеку, посмевавшему явиться к ним в дом.

«Но ведь это его дом, – осадил она себя. – И всё же... Вот негодяй! Когда же он оставит Александра в покое?»

– Передай, чтобы поднялся сюда через пятнадцать минут.

Кейли уставилась на мужа, который преспокойным голосом отдал это распоряжение. Она поверить не могла, что Александр так послушно примет отчима после всего случившегося. Девушка медленно села на постели, когда Оливия ушла, и поправила соскользнувший рукав халата. Ей так не хотелось никого видеть и просто вылезать из-под тёплого одеяла!

Судя по тусклому дневному свету из окна, нынче было пасмурно. Заметно, что голые ветви деревьев снаружи покрыты снежком, значит, погода совсем испортилась за ночь.

Александр тоже сел прямо и взъерошил волосы на макушке. Какое-то время он просто массировал пальцами переносицу и молчал. Кейли молчала тоже.

– Голова словно свинцом налита, – пробормотал мужчина недовольно. – Проклятье! Чёрт его дёрнул приехать именно сейчас. Наверное, Джордж ему написал о моём состоянии.

– Если ты не желаешь его видеть, так и скажи... – тихо предложила Кейли, на что он отмахнулся. – Но зачем тогда?

– Поговорить всё равно придётся. Выясню, чего он хочет. Скорее всего, решил, что я тут безнадежно помираю, а это значит ни наследника, ни наследства, а ты и виконт снова ускользнёте от него.

Кейли не нравилось то, о чём он говорил, но это была

правда. По крайней мере, Александр разговаривал с ней и ничего не скрывал.

– Помнишь, о чём я попросил тебя ночью? Не говори Джорджу о том, что знаешь... – мужчина вздохнул и посмотрел на неё исподлобья. – Он не сможет это принять. Плюс ко всему, боюсь, такую тайну ему не потянуть.

Кейли снова пообещала молчать, но на душе у неё скребли кошки. Ей не хотелось, чтобы Эшбёрн находился в этом доме. Ей попросту не хотелось дышать с ним одним воздухом. А стоило представить Александра с ним наедине, ей становилось тошно и неприятно.

– Не пытайся понять эту семью, – сухо бросил он. – Лучше просто не лезь в это дело. Ты и так уже слишком много для меня сделала.

Он всё ещё пристально смотрел на неё, видимо, прекрасно понимая, о чём она думала. Кейли поймала его взгляд, и тогда он хитро улыбнулся, так по-мальчишечьи мило, что это немного отогнало её тоску.

– Вот видишь, я тебя не съел, да? – сказал он всё с той же усмешкой.

Кейли посмотрела на него, скользнув взглядом по мощной шее, напряжённым мышцам рук и груди, и ниже, где всё остальное, разумеется, было скрыто одеялом. Девушка смутилась так сильно, что вмиг зарделась.

– Ты умеешь быть джентльменом, когда это необходимо, – произнесла она.

– Всё дело в... Ладно, не важно... Ну что же, тебе надо одеться и позавтракать. Иди, пока Эшбёрн не явился.

– Александр, я не хочу оставлять вас наедине, – сказала Кейли, упрямо глядя ему в глаза. – Для меня это слишком.

– Не зови меня так...

– Что?

– Не зови полным именем, – сказал он с усталым вздохом. – *Они* всегда называли меня полным именем. И только Джордж звал Алексом.

Девушка кивнула, едва улыбнувшись. Ей пришлось смириться с временной капитуляцией и присутствием здесь Эшбёрна. Возможно, позже удастся поговорить с мужем так, что он поймёт, насколько нездоровыми являлись его отношения с отчимом и что их давно пора прекратить. Не важно, как он разозлится, но Кейли не хотела делить его с этим ужасным человеком.

В тот момент она поняла, как сильно ревнует Александра к тому, что он называет «семьёй».

– Иди уже... иди... – заворчал он, видимо, когда понял, что ей не хотелось уходить. – Со мной всё будет хорошо. Я постараюсь выпроводить его отсюда хотя бы к вечеру.

Кейли улыбнулась, но не поверила его словам. Если ей придётся терпеть присутствие Эшбёрна в доме, она готова на это пойти во имя своей сумасбродной влюблённости. По крайней мере он поделился с ней тайной и всем, что его тяготило. А уж дальше она попробует разобраться.

Перед тем, как подняться, она снова взглянула на него из-под полуприкрытых век. Заправив локон за ухо, Кейли хотела было встать, когда Александр вдруг взял её за руку, некрепко сжав в своей большой ладони запястье, затем потянулся и прижался губами к чувствительному местечку на открытой шее.

Кейли не успела хоть как-то отреагировать. Он поцеловал её под ухом, затем ещё раз чуть ниже, шумно втянув носом запах её кожи. А потом просто отпустил и откинулся на подушки.

– Никогда не бросай мужчину после такого зовущего взгляда... А теперь точно уходи, – сказал он голосом таким чувственным, что у Кейли замерло сердце.

От неожиданности или какого-то глупого девичьего страха она действительно заторопилась и быстро покинула спальню, перейдя в свою через смежную дверь. Только оказавшись в одиночестве, она, всё ещё ошеломлённая, прижалась к стене и коснулась кончиками пальцев шеи. Там, где его горячие губы оставили невидимый след.

Что-то резко пронзило всё её тело, будто молнией. Такое странное тягучее чувство жара вперемешку с щекоткой. Кейли глупо заулыбалась, думая о том, что же тогда она ощутит, если он поцелует её по-настоящему. Не как в первый раз в церкви, а искренне, вот как сейчас.

Из этого внезапного вихря ощущений её вытянул стук в дверь. Пришла Оливия, чтобы помочь ей одеться. И Кейли

велела приготовить после завтрака ванну. Ей нужно было хорошенько отмыться и подумать о том, как вести себя дальше, пока Александр принимал у себя отчима.

В столовой стояла гробовая тишина. Через полтора часа после приезда лорда Эшбёрна, когда Кейли успела принять ванну, обсохнуть и переодеться к обеду, из хозяйской спальни так никто и не вышел. Девушка ходила туда-сюда мимо накрытого стола, зажав между зубами ноготок, и буквально сторала от нетерпения. А ещё, пожалуй, ревности, хоть ей и не хотелось этого признавать.

Вскоре Джордж вернулся с короткой утренней прогулки, как он проговорился, чтобы «проветрить голову». Он уселся за стол и начал болтать о пасмурной погоде, о прекратившемся снегопаде, и ещё что-то о мельницах. На расспросы, отчего миссис Стоун такая угрюмая, раз Александр пошёл на поправку, Кейли не стала отвечать.

«Всё из-за твоего поганца отца! Развратника и негодяя! Я его ненавижу, он испортил твоему брату жизнь!» – хотелось крикнуть ей во весь голос, но обещание есть обещание. Вместо этого она стоически проглотила гнев и спросила молодого человека о поездке в Лондон. И, разумеется, о Её Высочестве принцессе Софии.

– О, дорогая моя! Она очаровательна, хоть и много старше, но с ней совершенно не скучно! – Джордж мигом купился на её мнимый интерес. – Бедняжка, мне жаль её. Королев-

ская семейка задушила принцессу своими заморочками... впрочем, не суть. Вам нравится барокко? Нам всем обязательно стоит поехать на Рождество в Кенсингтон, я организирую встречу с Её Высочеством. Возьмём комнаты в самой ближайшей гостинице, посетим резиденцию принцессы, повеселимся...

Пока Джордж в свойственной ему манере фантазировал о грядущих праздниках, Кейли всё никак не могла унять эту дрожь в руках. Как долго Эшбёрн находится в комнате с её мужем! И как мучительно ждать, не понимая, что там происходит!

«Я пойду туда и вышвырну его вон! К чёрту всё! Хватит мучить моего мужа!» – подумала она, но Джордж отвлёк девушку:

– Дорогая, баранина совсем остыла. Вы же не будете жевать холодное мясо, садитесь уже за стол. Я уверен, отец вот-вот...

– Зачем вы написали ему? – не выдержала Кейли; у неё на лице было написано раздражение, но она постаралась не спросить лишнего. – Мы тут... прекрасно справлялись без вашего отца!

– Как я мог не написать? – вмиг нахмурился Джордж. – Он и его отец тоже. Пусть вы его и недолюбливаете, о чём я прекрасно догадываюсь, но это он воспитал Алекса. Он отдал его в училище, платил за него... Да, у моего отца много недостатков...

«Недостатков? Он – чудовище! Знал бы ты, от какой части тебя спас брат!»

– Но я всегда знал, что он относится к нему по-особенному. Со мной он никогда не возился. После смерти матушки я был больше на руках у нянек... Да хоть миссис Миллз спросите!

В голосе молодого человека послышалась такая искренняя печаль, что Кейли невольно стало жаль его. В неведении была его радость и одновременно несчастье. Да, Эшбёрн забросил воспитание родного сына, потому что в это время наблюдал, как совращают Александра. Это и есть его методы воспитания? Это такая особая форма отеческой любви?

Кейли поёжилась и тряхнула головой. Поскорее бы он убрался, ей уже не терпелось вернуться к мужу и всё узнать.

– Вряд ли отец примчался бы, узнай он о моей болезни, – произнёс Джордж скорбным тоном. – Но коли уж вы его не принимаете, дорогая, то и на меня свой гнев направьте.

– Отчего же? – удивилась она.

– Мои долги да неумение щадить семейный бюджет загнали вас сюда. И Алекса тоже, – усмехнулся Джордж, играя с серебряной вилкой. – Ваш брак состоялся благодаря мне... и отцу, разумеется.

Кейли скривилась, но ничего не сказала. Время старых обид прошло, а тему с ненавистным для Александра браком пора было закрыть. Он только-только стал чуть ближе к ней, нежнее и смелее, и ей очень хотелось раскрыть в нём

эту дремлющую смелость. Не такую, какой его научил Эшбёрн, а настоящую, мужскую смелость быть свободным и сильным...

Через несколько мгновений Кейли услышала голоса за приоткрытой дверью. В столовую тут же влетел молоденький лакей и передал ей письмо. Не успела девушка открыть конверт, вошла Оливия, заметив которую даже Джордж поднялся и спросил:

– Что с тобой, дорогуша? Да ты ни жива, ни мертва! Что случилось?

– Миледи! – Оливия встала перед Кейли с трясущимися руками. – Только что прибыл из Лидса мистер Уитфорд от вашего отца... Он весь бледный и расстроенный! Говорит, что... что...

Но Кейли уже почти её не слышала. В письме были всего две строчки и подпись виконта. Писал он, что состояние леди Клариссы ухудшилось пару дней назад, и просил дочь приехать, как только она сможет.

– Что говорит Уитфорд? – механически произнесла девушка, отдавая письмо Джорджу.

– Её Милость... Леди Кларисса... Ей очень плохо.

Кейли почудилось, что вся комната поплыла у неё перед глазами. Но лишь на мгновение. Она вспомнила улыбку своей мачехи, и как настойчиво она упрашивала Кейли вернуться с мужем в Фаунтинс. Что это за игра судьбы такая?

Девушка схватилась за голову, не замечая ни Джорджа, ни

горничную, ни подоспевшего лакея. Отдышавшись, наконец, она властно сказала:

– Оливия! Достань мне синюю амазонку, да поживее. А ты, дружок, беги и вели седлать Сверчка.

– Опомнитесь, милая! – Джордж тут же встал перед нею, пытаясь преградить собой дорогу. – Куда вы на ночь глядя? Ещё и верхом! А если погода ухудшится? Нет уж, никуда я вас вот так не пущу.

– А я вас и не спрашивала...

– Хватит! В экипаже будет спокойнее, и я поеду с вами, иначе Алекс с нас обоих три шкуры сдерёт...

Кейли так гневно взглянула на него, что даже остолбеневшая Оливия перепугалась. Горничная всё ждала указаний от кого-нибудь, осознавая, как это опасно – ехать верхом до Лидса да ещё и в такую погоду.

– Не прикасайтесь! – рявкнула Кейли, оттолкнув от себя Джорджа. – Моя мама больна и ждёт меня!

– А что сказать...

– Да делайте, что хотите! – отмахнулась она и схватила Оливию за руку. – Живо наверх! Пошевеливайся!

Никогда прежде она не позволяла себе так разговаривать с кем-либо, тем более с Оливией, которая была с нею рядом полжизни. Но поведение Джорджа и письмо отца окончательно выбили Кейли из колеи. Ей казалось, что с каждым шагом её ноги увязают в чёрной жиже, и она двигается всё медленнее. И она злилась, очень злилась. На себя, что её не

было рядом с родными. На мачеху, ведь она уговорила её уехать. На Александра и его молчание насчёт Элизабет Хок...

Она собралась очень быстро, невзирая на несмелые уговоры горничной. Миссис Миллз попалась ей на парадной лестнице, и женщина даже не успела ничего сказать. Она лишь увидела девушку в синей амазонке из шерстяной ткани и длинном плаще, сбегаящую вниз. Кейли на ходу обвязывалась шарфом и давала распоряжения прислуге.

Сорокалетний мистер Уитфорд – седоволосый уверенный виконта – поначалу даже не узнал в побледневшей девушке юную виконтессу. Всё, что он успел ей сказать, было: – Леди Кларисса была без сознания прошлым днём...

А Кейли уже вскакивала на лошадь. Она крикнула Уитфорду следовать в экипаже за нею, а в качестве грума с ней поехал Жосайя Макдуф. Этот молодой мужчина, сильный и огромный как медведь, работал в Фаунтинс-холле всего несколько дней, но он отлично знал большие дороги и, разумеется, всё о лошадях. Кейли гнала Сверчка за ним, поглядывая на его рыжую макушку как на спасительный огонёк, и молила Господа, чтобы всё обошлось. Чтобы её предчувствие было обманчивым, и чтобы леди Кларисса оказалась в порядке.

Они проехали через окраины Рипона и Уэзерби, по серым извилистым дорогам с подобием мостовых и таким же подобием ориентиров. Погода действительно испортилась, но

снега не было. Лишь посеревшие поля кругом да одинокие деревенские домики, из каминных труб которых всюду валил дым.

Верхом дорога заняла почти четыре часа. Отвыкшая от такой спешной езды, Кейли очень скоро почувствовала, как реагирует её тело на усталость и ноющую боль в мышцах. Но ни разу она не подумала остановиться. Сверчок под нею хрипела и пучила глаза, но простор и открытая дорога лишь подстёгивали мчаться во всю прыть, ведь она давно уже не выезжала за пределы Фаунтинс.

День едва пошёл на убыль, когда Кейли, наконец, въехала во внутренний дворик знакомой гостиницы. Оставив Сверчка на попечение Жосайи, девушка бросилась к дверям. Никто не остановил её, никто из нескольких незнакомцев, попавшихся на пути, не успел даже толком разглядеть это растрёпанное испуганное создание, чьи плащ и юбка были в грязи, как и сапожки.

Почему-то дверь в апартаменты виконта была открыта. И почему-то на пороге толпились несколько слуг, из-за которых пройти в комнаты было непросто. Кейли бездумно снимала перчатки из оленьей кожи и шла к этой двери, словно зачарованная, а громкий пульс стучал где-то в голове, из-за чего она едва слышала разговоры вокруг себя. Её пропустили, и она, конечно, не заметила взволнованных лиц окружающих.

В большой спальне царила полутьма и сильно пахло вос-

ком. А ещё какими-то мазями. Отец Кейли, виконт Саут-фолк, сидел в глубоком кресле напротив постели, где за полупрозрачным балдахином лежала его супруга. Над ней, как вестник злого рока, низко склонился врач, одетый почему-то в дорожный плащ. Ещё в комнате находились двое мужчин, судя по всему, они прибыли с этим человеком.

Никто из них не заметил замершую на пороге девушку, поэтому, когда врач заговорил, обратившись к виконту, она лишь прижалась к дверному косяку, вцепившись в него пальцами:

– Когда вы хотите, чтобы мы доставили тело в Беркшир, Ваша Милость?

– Я хочу уехать, как можно скорее, поэтому... Кейли?!

Она даже не узнала голос отца, настолько он показался чужим и далёким. И когда мужчина поднялся и подошёл к ней, посмотрев ему в глаза, она поразилась тому, каким потускневшим стал его взгляд.

– Я получила твоё письмо, – произнесла она глухо, снова устываясь на кровать. – Я приехала верхом... Так быстро, как только могла... Папа, что случилось?

Вместо ответа он, словно механическая кукла, покачал головой и опустил глаза в пол. Ему было трудно говорить, но после паузы, в конце концов, виконт произнёс, не глядя на дочь:

– Она ушла к Святой Деве. Мне очень жаль, милая.

Всё, что происходило потом, Кейли уже не замечала. Она

словно выпала из этой реальности, и кто именно обращался к ней, помогал ходить или садиться, было всё равно. Слез тоже не было. Никаких истерик и причитаний. В один момент девушка вдруг осознала, что стояла на коленях перед большой кроватью, где лежала её мачеха – мертвенно бледная, но до сих пор такая красивая, что не верилось – она умерла.

Она провела в таком положении три часа, пока сам виконт не выдержал и увёл дочь в соседние комнаты. Кейли смотрела на него и одновременно не видела отца. Для неё он стал таким прозрачным, словно привидение, словно это он умер. Сжавшееся в кресле привидение в помятом костюме, с покрасневшими глазами и высохшими побелевшими губами.

Они оба не спали той ночью. И только раз Кейли, выйдя из своего оцепенения, спросила, едва ворочая языком:

– Почему это случилось?

На что виконт ответил, повторив за докторами: лихорадка затянулась, она съела леди Клариссу изнутри, и к концу женщина уже почти не могла дышать. Никто ничего не мог сделать. И даже будь Кейли рядом, это не изменило бы исхода.

– Но я хотела быть с ней! – воскликнула девушка, наконец. – Она была единственной матерью, которую я знала! А она прогнала меня, не позволив остаться! За что?!

Разумеется, она не собиралась никого винить. Но эмоции взяли над нею верх, и виконт это понял. Когда дочь подошла и опустилась на колени у его ног, он положил ладонь ей на голову и заплакал. Кейли держалась до последнего, но слёзы

уже нещадно душили и её.

Они больше не говорили о болезни, о причинах и следствии. Они вообще мало о чём говорили следующие три дня. Возвращение в Беркшир стало приоритетным делом, и Кейли, разумеется, осталась подле отца. Но они едва разговаривали. Не потому, что в ком-то затаилась обида, или же печаль стала чересчур непосильной. Отцу и дочери, по-своему обожавшим Клариссу Хардинг, просто не нужны были лишние слова.

Оливия, конечно, приехала вместе с мистером Уитфордом. И, как это ни странно, Джордж прибыл вместе с ними, хотя Кейли не ожидала так скоро его увидеть. Она предпочла бы, чтобы он остался в Фаунтинс... Она предпочла бы, чтобы никто из её новой самостоятельной жизни не мелькал перед глазами в Стиллфилд. Однако Джордж оказался весьма настойчив.

С того самого момента в гостинице, в Лидсе, как Кейли в последний раз взяла ледяную руку мачехи в свою, поцеловала её на прощание и отпустила, все прежние стремления, желания и вся её энергия куда-то испарились. И вот, в поместье виконта стало слишком много людей. Старые знакомые и множество соседей – все хотели попрощаться и утешить виконта Саутфолка в столь тяжёлый час. Графиня Бриджертон с мужем тоже приехали, но Кейли лишь сухо поблагодарила подругу за слова утешения.

Вокруг вечно кто-то крутился и желал что-то ей выска-

зать, поэтому первое, что сделала Кейли, едва покинув местный собор – заперлась в своей комнате и не выходила оттуда почти двое суток. Оливия и Анита предприняли попытки поднять её с постели через три дня после тяжёлых похорон. Но девушка ничего не желала слышать.

Её тело будто стало невесомым. От долгого сна и пребывания в закрытом помещении голова просто раскалывалась от боли. Но выходить и смотреть в глаза целому миру за стенами спальни казалось ей непосильным испытанием. Кейли то и дело спрашивала себя, и иногда спрашивала у Бога: «За что? Почему сейчас? Почему именно мы? На что я променяла жизнь любимой матери?»

Кейли инстинктивно распахнула глаза, и её дрёма рассеялась. Яркий солнечный свет лился в спальню, а на табуриете возле постели, на мягкой декоративной подушке, сидела графиня Бриджертон. Заметив, что подруга проснулась, молодая женщина улыбнулась уголками губ:

– Ну наконец-то! Я уж подумала, ты приросла к этой кровати.

На графине было воздушное платье из шёлкового тюля и атласа бежевого цвета, с изящной вышивкой под грудью, на что полусонная Кейли обратила внимание. А ещё она обратила внимание на заметно выпирающий живот Аниты. Конечно, она поразилась. И осознание это вмиг пробудило Кейли ото сна.

– Ты заметила? – спросила Анита с улыбкой. – Что ж, луч-

ше поздно, чем никогда.

– Но... как же... когда ты...

– Уже пятый месяц. Раньше было не так заметно.

– Прости меня, – пробормотала девушка и села прямо, откинув одеяло. – Я совершенно ничего не замечала вокруг себя всё это время.

– Ну, ты действительно была занята своим драгоценным капитаном, так его раз так! И всё же ты стала женой, ты выросла, и у тебя отныне своя семья, пусть пока и совсем маленькая.

Нежность и понимание в голосе Аниты так тронули Кейли, что ей тут же захотелось разрыдаться. Дать волю чувствам, отпустить все переживания и прекратить мучить себя страданиями.

– Полно, милая! Тише, тише! – графиня придвинулась и положила руку на её сжатый кулак. – Лично я всё понимаю. Да и последние несколько дней выдались просто... ах, дорогая, это очень тяжело. Мы все любили её, ты же знаешь. И я знаю, как ты обожала её. Но это не значит, что ты должна заточить себя в четырёх стенах.

Хлюпая носом, Кейли глядела в одну точку и молчала. Она не хотела больше быть сильной и стойкой. Она хотела услышать кого-то, кто смог бы подобрать верные слова... как это делала её мать.

– Думаешь, леди Кларисса была бы довольна, если бы узнала, что ты раскисаешь тут в одиночестве? Да, это огром-

ное горе. Но это горе делит с тобой Его Милость. Неужели ты оставишь своего отца в этот скорбный час?

Анита напустила на себя материнскую строгость. Это было одновременно мило и восхитительно. Кейли снова взглянула на её живот и почувствовала укол зависти. Быстрый, как палец оцарапать, но всё-таки ощутимый. И тогда она подумала про Александра.

– А мой муж... как он? Ты не получала вестей?

Графиня приподняла в удивлении брови:

– О чём ты? Он здесь уже пять дней. Лорд Эшбёрн тоже приезжал, выразить соболезнования, но вчера уехал. Твой муж несколько раз к тебе заходил, ты не помнишь?

Кейли даже не пыталась копаться в воспоминаниях о последних днях. Всё одно – лишь тоска и стены спальни. Она не могла вспомнить Александра.

– Наверное, ты спала, когда он приходил. Он сидел тут, на моём месте, – Анита по-доброму хмыкнула. – Кажется мне, он изменился... Что-то в его взгляде, но не могу сказать точно... Он почти не говорил со своим отчимом. По-моему, они поругались. Кстати говоря, Джордж Эшбёрн тоже здесь. И тоже приходил тебя проведать. Он так волнуется за тебя, это даже странно.

– По крайней мере, папа не был один всё это время, – сказала Кейли.

– Да. Над ним все окружающие трясутся, как над младенцем Иисусом. Неужели ты думала, что мы оставим его топить

горе в бренди или ещё что похуже? Должна сказать, твой супруг весьма... мило с ним обращается. Мой муж говорит, они стали понимать друг друга... как-то по-мужски.

Кейли еле заметно улыбнулась. Значит, Александр приехал вскоре после её побега. И даже сумел выпроводить отца. Девушка вздохнула. На фоне последних событий эта крошечная победа не казалась ей такой уж значительной.

– Как его здоровье? – спросила она, пытаясь пригладить рукой спутанные локоны. – Несколько дней назад он сам... он был на грани.

– Да, я слышала. Его брат – ужасный болтун! Тараторит не хуже любой лондонской сплетницы! Но он по-своему забавный. Мой муж явно его недолюбливает, слишком уж этот мерзавец красив и молод, – Анита кокетливо засмеялась. – А насчёт здоровья капитана, почему бы тебе самой не узнать? Давай-ка приведём тебя в порядок! Сначала ванна, потом платье...

– У меня траур, Анита, – сказала Кейли серьёзно. – Прощу, не забывай это.

– А кто забывает? Боже упаси! Но это не значит, что ты должна ходить в этой сорочке, пока она не сгниёт на твоём теле. Самое главное – вдохнуть в тебя немного жизни. Я хочу, чтобы ты была здорова и бодра к появлению моего ребёнка.

Кейли решила смириться. В конце концов, у неё уже не осталось сил, чтобы бороться с реальностью, ожидавшей за

закрытой дверью спальни. Девушка лишь молча наблюдала, как графиня Бриджертон поднимает на ноги пол штата прислуги, чтобы вернуть к жизни её, новую виконтессу Саут-фолк.

Глава 15

Неумолимо приближалось время праздников и Рождество, а зима будто бы внезапно отняла свою холодную руку, так что над землёй больше не витал её незримый дух. Всю последнюю неделю пребывания в родных стенах Кейли только и делала, что наблюдала из окна или со двора густой туман да тяжёлые серые облака, сквозь которые почти не пробивались солнечные лучи. Снег растаял, но покинутая осенью местность, некогда богатая на цвета, превратилась в унылое серое подобие того, что Кейли запомнила ещё с весны.

Как и каждый день до этого девушка посещала кладбище Рединга ближе к вечеру. Пастор Джером, очень строгий и религиозный человек, который хорошо знал покойную леди Клариссу, провожал Кейли от самых ворот и обратно. Во время последней исповеди она совсем пала духом и едва не заплакала, потому что не могла быть до конца откровенной. Нельзя было нарушать обещание, данное Александру, нельзя было высказаться, чтобы получить верный совет. Казалось, пастор видел её насквозь. Тогда он лишь вздохнул и сказал, что прощает всё, что её тяготит.

Четырнадцатого декабря Кейли в последний раз в уходящем году посетила могилу своей мачехи. Стоя возле нового

надгробия, среди таких же аккуратных могил, она смотрела на мраморного скорбного ангела и слушала бормотание пастора Джерома. Закончил он, как и всегда, словами:

– Господь посылает испытания по силам нашим.

– Да, отец...

Поскольку она всё ещё не поднимала глаз, да и голос звучал отстранённо, мужчина покачал головой. Лица её не было видно из-за кружевного чепца-капюшона. И хотя сегодня юная виконтесса, наконец, выбрала вместо чёрного платья наряд более «свежий», пастор чувствовал, что это был скорее чей-то настойчивый совет, а не её собственный выбор.

– Вас столько всего тяготит, дитя, о чём вы не рассказываете, но это не должно заставлять вас чувствовать себя одинокой, – произнёс он строго; Кейли тогда внимательно взглянула на него. – Вы знали, какой несносной была леди Саутфолк в юности? Да простит меня Господь... Упокой Бог её душу, сестра Леонарда, её наставница, жаловалась мне каждый день на проказы леди Клариссы. А через много лет Её Милость сетовала уже на ваше озорство.

Ненадолго на губах Кейли мелькнула улыбка, и пастор тоже позволил себе улыбнуться.

– Я говорю это не для того, чтобы вы слепо следовали за своим идолом, дитя. Несмотря на такую сильную привязанность, ваша судьба принадлежит только вам. Однако иногда не забывайте о тех, кто глядит свыше, ибо то, что они увидят, будет представлено Ему в Судный день... И, разумеется,

немного благодарности не помешает. Леди Кларисса хорошо вас воспитала. Помните об этом.

Он перекрестился, довольно сухо поклонился и ушёл к воротам, оставив девушку одну. Кейли недолго обдумывала его слова. Она опустилась на колени возле пустой каменной вазочки перед ангелом и с улыбкой произнесла, глядя вверх, на склонённое мраморное лицо с мёртвыми глазами:

– За все эти дни я о стольком успела вам рассказать, мама... О стольком, но не о самом главном. И мне грустно, что я обманывала вас. Мне грустно, что отец так печален, и ничто не может его подбодрить. Кроме вас это никому не удалось...

Она поправила капюшон, затем воткнула в щель между камнями у подножья статуи небольшой конвертик, который всё это время держала в руках.

– Это от отца. Он просил не читать письмо, поэтому я просто оставлю его здесь... Ох, мама, он так сильно скучает! – Кейли прижала к губам кулак и вдохнула резкий запах кожаных перчаток. – Мистер Эшбёрн позвал нас в Лондон, и отец согласился. Он правильно поступает, потому что в поместье всё напоминает о вас. Ещё немного, и мы сойдём с ума... Сегодня я хотела всё рассказать, но решила вдруг, что не стану. Достаточно того, что я сама выдержу все тяготы и тайны... Вы только помогите мне немного.

Она поднялась, ощущая слабость в коленях. На мгновение Кейли подумала, каково было бы остаться здесь, возле

холодного камня и иссохших цветов, чтобы туман окутал их обоих... и больше никого вокруг...

И всё-таки она выпрямилась, гордо глядя перед собой.

– Прошу, скажите моей матушке... что вы прекрасно справились, – произнесла она, в последний раз окинув ангела тёплым взглядом.

Кладбищенские ворота закрывались через десять минут...

На следующий день Джордж Эшбёрн был готов к поездке. Ему так не терпелось представить отца и дочь Её Высочеству принцессе Софии, что это было даже забавно – видеть, как он торопит прислугу с багажом, попутно развлекая виконта своими рассказами.

– Алекс просто негодяй, раз бросил нас в такую ответственную минуту! – сетовал он перед отъездом с напускным гневом. – Неужели солдаты не справились бы без него? У него есть подчинённые в Рипоне и этом ужасном училище, откуда он прежде и выбраться не желал, вы знаете об этом? Не говоря уже о Стокере!

Кейли лишь мило улыбалась и молчала. Александр и правда уехал, едва графиня Бриджертон подняла её с постели. Они даже толком не увиделись, тем более не поговорили. Виконт Саутфолк всё твердил, что капитан очень занят, а из-за болезни в штабе столько дел накопилось, что одному мистеру Стокеру точно это не разгрести.

«В этом весь Александр, – подумала тогда Кейли со сми-

рением. – Предпочитает работу утомительной болтовне. Или ему стыдно за что-то, и он не хотел со мной видиться».

Возможно, порой отцовское сердце не такое чуткое, но от виконта не ускользнуло то, как Кейли расстроилась из-за отъезда мужа.

– Говорят, ему поручили дела пятьдесят второго Оксфордширского лёгкого пехотного полка, – рассказывал виконт Саутфолк. – Джон Колборн³ захворал и велел капитану явиться в Оксфорд. Только подумай, какая это честь для твоего супруга! К тому же, это всего в нескольких часах пути от Кенсингтона. Уверен, он присоединится к нам, как только всё уладится.

Будь Александр его родным сыном, мужчина сиял бы от гордости за его успехи. Едва Кейли подумала об этом, лёгкая улыбка тронула её губы. Она знала, что время настало тяжёлое, и хотя её муж был младшим офицером, работы ему доставалось невпроворот. Виконт Саутфолк так нахваливал Александра, и ей казалось, что ненадолго печать скорби сошла с бледного осунувшегося лица отца.

Таким образом Джордж стал их сопровождающим в Лондоне на следующие несколько дней. И уже в Кенсингтоне старался делать всё возможное, чтобы виконт с дочерью не скучали. Порой Кейли размышляла, в какую же лотерею стоило выиграть её счастливицу деверю, чтобы так легко попасть

³ В то время полковник и адъютант принца-регента; командовал 52-м пехотным полком

ко двору. Не говоря уже о постели самой принцессы.

В день большого приёма, девятнадцатого декабря, Кейли разнервничалась настолько, что её почти мутило. Но во время сборов две горничные, которые помогали с платьем, так восхищённо щебетали девушке под ухо, что она постепенно расслабилась, и, наконец, глядя на себя в зеркало, снова подумала о мачехе, о её тёплой улыбке и озорном кокетливом взгляде. Это воспоминание придало Кейли смелости. Вечер обещал стать значимым, и, чтобы леди Кларисса ею гордилась, нужно вести себя соответствующе статусу.

В вестибюле гостиницы многие постояльцы ожидали свои экипажи. Здесь были и именитые графы, и маркизы, и семьи слуг Его Величества. Некоторых из них виконт знал или успел познакомиться накануне. Мужчина выглядел гораздо моложе в новом рединготе и цилиндре, хотя прежде не проявлял интереса к стилю бидермайер, в отличие от покойной супруги, которая больше стремилась к простоте в моде. Но в обществе уже стихли отголоски французского «инкруаябль», и пришла пора чего-то более приземлённого и доступного.

Одна лондонская знакомая модистка предложила Кейли не слишком вычурный, но привлекательный вариант для наряда на этот вечер. Девушка выбрала платье из шёлковой тафты трёх оттенков розового цвета, с окантовкой из золотой нити. Лиф с низким вырезом-лодочкой, небольшие рукава-фонарики и юбки с крупной присборенной воланой, от-

деланной тесьмой, подчеркивала серебряная вышивка, а подол был украшен стёганой каймой с косыми полосами. Наряд был дополнен шлейфом на талии с пришитым ремешком в тон платья. Знакомая модистка отметила, что этот цвет символизировал брак или обещание любви, а также богатство и процветание.

Волосы Кейли заплели в толстые косы и уложили «корзинкой» на макушке, оставив несколько завитков у висков. И проходя по коридору второго этажа гостиницы, Кейли не могла скрыть улыбку, потому что Оливия, которая несла её бархатную накидку, всё время бормотала наставления, будто молитву повторяла. А ещё неустанно просила быть осторожнее и не наступить на шлейф платья.

– Ты волнуешься больше моего, – заметила Кейли, не оборачиваясь.

– Как же не волноваться! Чьё-то неловкое движение, и бум – вы уже распластались на полу посреди толпы гостей!.. Ах, неуклюжая девчонка, смотри, куда бежишь! – Оливия гневно сверкнула глазами в сторону чьей-то молоденькой гувернантки. – Серьёзно, сегодня все дамы сходят с ума. Во дворце вас не только принцессе представят, но и её брату, герцогу Кембриджскому. В марте у него родился сын, и, говорят, он охладил к своей супруге, так что теперь каждая хорошенькая девица, попавшая в его поле зрения, может стать очередным объектом ухаживаний. Вам нужно быть настороже! И я не только о герцоге говорю, слышите? Ваш муж далеко, у Его

Милости не будет времени следить за вами, а на мистера Эшбёрна я даже не рассчитываю! Его самого нужно опасаться...

Кейли впервые за долгое время искренне рассмеялась. Она обернулась к своей горничной, взяла накидку и с невинной улыбкой произнесла:

– Дорогая, ты прелесть! Только друг скажет правду, хоть и горькую. Но я не пропаду, вот увидишь.

Спускаясь по лестнице, Кейли успела заметить, как несколько незнакомцев пристально смотрели на неё. Восторг в их глазах говорил сам за себя, но она высоко держала голову, не обращая на это внимания. Когда девушка заметила Джорджа, одетого во фрак, он только-только обернулся и тут же метнулся к подножью лестницы. Кейли поравнялась с ним, а деверь с каким-то непривычным рвением взял её руку и быстро поцеловал.

– Вот вы и улыбаетесь, прелесть моя! – сказал он.

Кейли даже удивило его состояние: дыхание сбивчивое, а щёки пунцовые. Она изящно наклонила голову, затем наскоро поправила его туго накрахмаленный воротник.

– Я здесь потому, что моя компания необходима отцу. Надо поддержать его. К тому же, вы уже пообещали представить нас своей знаменитой подруге.

– О, она будет в восторге! Впрочем, моё восхищение нельзя сравнить ни с каким другим, – широко улыбнулся молодой человек; он до сих пор не отпустил её руку. – Вы очаровательны и снова полны жизни.

Девушка поблагодарила его, затем Джордж помог ей с накидкой. Они забрали виконта, и через несколько минут экипаж уже был по дороге в Кенсингтонские сады. Весь этот недолгий путь Джордж пытался скрасить рассказами о предстоящем вечере, но Кейли быстро почувствовала странные перемены в его поведении. Было что-то, из-за чего она ощущала себя не в своей тарелке. Джордж сидел напротив, и она замечала, как сверкали его глаза в свете многочисленных фонарей.

Кейли смутилась и стала нервно дёргать за кончик своей перчатки. Эти взгляды не были похожи на то, как молодой человек смотрел раньше. Словно этим вечером между ними исчезли куда-то лёгкость и расстояние, которое он сохранял прежде. Благо, после прибытия виконт первым подал руку дочери, и Кейли с радостью прижалась к отцу. Если бы Джордж сопровождал её, вряд ли она смогла бы здраво соображать.

Королевская резиденция встретила их пёстрыми галереями, позолоченными люстрами со множеством свечей, нежными ароматами и мягким шелестом шагов по ворсу ковра. Кейли старалась вести себя соответствующе, но она впервые оказалась в подобном месте, и то и дело заглядывалась на высокие потолки, расписанные в стиле барокко, да на бесчисленное количество бюстов и статуй в галереях. Прикасаясь к кованым перилам, девушка с восторгом осматривала картины на стенах и богатую меблировку помещений.

Она даже не замечала, что всё это время Джордж не спускал с неё глаз.

Остановившись возле одного из высоких окон, Кейли указала на вид снаружи. Несмотря на время года и лёгкую туманную дымку, огромные сады и водоёмы вокруг дворца имели своё зимнее очарование.

– Уверен, в Фаунтинс-холле не менее красиво, – усмехнулся виконт. – В следующем году вы приведёте местные сады в порядок, и по красоте они не уступят королевским.

– Вы удивитесь, но это самая скромная резиденция королевской семьи, – сказал Джордж. – Дворец считается небольшим и мрачным, но местность вокруг него – вот истинная роскошь.

Юная виконтесса улыбнулась, вспомнив свой новый дом, и в какой-то степени согласилась с отцом. Да, особняк в Фаунтинс, разумеется, не был столь богат, но там царили уют и простота, дворцам недоступные. И при всех имеющихся средствах Александр умудрялся сохранять там порядок последние несколько месяцев.

При мысли о муже Кейли вздохнула и посмотрела на Джорджа, который уже вёл их в большой тронный зал. Здесь было шумно, но гостей оказалось не так уж и много. После стольких недель затворничества Кейли боялась, что, окунувшись в позабытую ею среду, она растеряется, но всё прошло хорошо. До самого ужина виконт Саутфолк провожал её от одного знакомого до другого. Большинство леди тоже были

милы, некоторые же бросали в её сторону завистливые взгляды.

Знакомство с Её Высочеством принцессой Софией Матильдой прошло возле входа в бальный зал. Кейли сделала изящный реверанс и мгновенно оценила статность и очарование сорокадвухлетней дочери короля. Она была бледна, и роскошное светло-синее платье лишь подчёркивало эту бледность, однако огромные голубые глаза горели живым огоньком. Принцесса выразила виконту соболезнования по поводу смерти леди Саутфолк, тогда как отец Кейли пожелал Его Величеству Георгу поскорее выздороветь. На что София весьма сухо ответила:

– Все знают, что участь его неизбежна, – и она пожала плечами.

Кейли подумала, что женщина не станет горевать, если король вскоре умрёт. А ещё она заметила, что принцесса смотрела на своего молодого любовника с явным обожанием. Джордж просто сиял в этот вечер, но держался поодаль, будто обыкновенный хороший знакомый Софии. Во время ужина, разумеется, он занял место рядом с Кейли. Больше он не смотрел на неё, он вообще по-странному притих и не замечал даже, как принцесса вытягивала шею, чтобы рассмотреть его с другой стороны стола.

Кейли насторожилась. Что-то подсказывало ей: поведение Джорджа ещё выйдет ему боком.

Когда объявили первый контрданс, Кейли не смогла от-

казать двадцатипятилетнему сэру Джорджу Фицкларенсу, племяннику принцессы Софии, питавшей привязанность к незаконнорождённому сыну своего брата. Благо, партнёр оказался приятным и не болтливым. Едва раздались финальные аплодисменты, он поцеловал Кейли руку и отправился на поиски следующей дамы.

Поскольку у принцессы не было детей, первый танец с Адольфом Фредериком, герцогом Кембриджским, София танцевала сама, что, по словам виконта, умилило всех гостей. Кейли же продолжала рассматривать украшенные росписями и деревянными панелями стены и потолки, а также находящиеся повсюду в нишах великолепные статуи. С нежной грустью она подумала об Аните Спенсер, которой наверняка бы здесь понравилось. Но графиня предпочла в праздники остаться дома, с мужем.

Герцог, брат принцессы Софии, показался Кейли фамильярным, и это несмотря на его статус и возраст. Он много пил, но не пьянел, а при знакомстве с виконтессой Саутфолк довольно откровенно её разглядывал. Кейли же держала на губах улыбку и терпела, пока он целовал ей руку, а после разбрасывался однотипными комплиментами.

– Вот негодяй! – не сдержался Джордж, когда герцог, наконец, их покинул. – Как он посмел так пялиться?

– Может быть, он попросту близорук, – предположил виконт, не менее смущённый этой ситуацией.

– Чушь! Не будь нас рядом, он не оставил бы Кейли в по-

кое.

– Что же мне нужно было, по-вашему, сделать? Запретить сыну короля целовать руку моей дочери?

Кейли пристально всмотрелась в побагровевшее лицо Джорджа. Он умолк так же быстро, как вспыхнул, но от неё не ускользнула прозвучавшая в его красивом голосе злоба. «Он забывается, или я начинаю бредить», – подумала девушка.

Когда к часу ночи большинство повеселевших гостей кружились в буланже, а Джордж уже некоторое время развлекал своей компанией принцессу и её приближённых, Кейли заметила, что её отец начал уставать. Пожилая леди Вудруфф, также уроженка Беркшира, как могла, поддерживала с ним беседу, но ближе к ночи и её энергия начала иссякать. Кейли уже было намеревалась сообщить отцу, что им следует вернуться в гостиницу, когда рядом неожиданно возник Джордж. Без лишних церемоний он просто взял её за руку и повёл за собой в Королевскую галерею, где прогуливались влюблённые парочки.

Молодой человек остановился у дальней стены, под портретом неизвестного вельможи, а на вопросы Кейли о том, зачем они сюда пришли, ответил лишь, когда отдышался.

– Её Высочество приглашает меня встретить Рождество в Фрогмор-хаус, доставшийся ей от матери. Он недалеко от Виндзора, и вряд ли в это время шпионы её отца будут доставать.

– Что же... это замечательно...

– Вы правда хотите, чтобы я остался с ней?

Улыбка, которую Кейли так старалась сохранить, даже будучи напряжённой, вмиг погасла.

– Я даже не знаю, сэр. Это ведь сама принцесса. Вы, конечно, могли бы встретить Рождество с нами, с вашим братом и мной...

– Когда вы уже прекратите бредить им? – разозлился он внезапно. – Когда вы, наконец, поймёте, что ему до вас нет дела?

– Что-то я не понимаю, какая вам забота до наших с Александром отношений.

Лицо у него вдруг побледнело, и вид стал такой, словно она ударила его. Кейли даже растерялась.

– Какая мне забота? Я столько времени провёл рядом с вами. Я знаю, какая вы весёлая и нежная, и как вам хочется поделиться этой нежностью с окружающими. А он что? Ледышка! Хладнокровная рептилия! Да он понятия не имеет, какая вы! И несмотря на это, вы всё равно за него горой... Когда я обнаружил вас в его спальне в тот день... Я просто рассвирепел... Вы что, до сих пор ничего не поняли?

Разумеется, до этого момента она не осознавала, насколько серьёзными были его намерения. Но именно здесь, в этой галерее, оставшись один на один, Кейли поняла, о чём говорил его лихорадочный взгляд. Некоторое время она хранила молчание, взвешивая слова, которые он только что произнёс

с неожиданной страстью, а затем сказала:

– Сэр, вы растеряны, как и я. И на самом деле вы так не думаете о своём брате.

– Нет, думаю! Что ему нужно от этой жизни? Ничего, кроме чёртового звания да войны! Он не привязан ни к одному человеку. От него исходит лишь мнимое тепло, а в итоге...

– Прекратите! – горячо прервала она. – Зачем вы так? Вы наговариваете на своего брата, чтобы я увидела его в ином свете!

– А вы не видели? Ваш отец не видел? Он не знает, что ваши отношения не сдвинулись с мёртвой точки, – Джордж вдруг взял обе её руки в свои; его ладони были горячими и нежными. – Алекс никого не любит. Ни меня, ни вас. Мне жаль, но это так.

– Чего вы хотите от меня? – спросила она наконец, пытаюсь отстраниться, но он не позволил.

– Чего хочу? Чтобы вы знали, что я обожаю вас. Это я, живой и искренний, а не хладный труп – подобие человека! И я люблю вас уже давно.

– Вы сошли с ума? – нервный смешок сорвался с губ девушки, настолько всё это было странно и неожиданно.

– Пожалуй, да, не спорю. Да и какая разница? Я люблю вас, нежное, искреннее создание! Вы чистая и наивная, я понял это, едва вас увидел...

– Перестаньте, прошу!

– Тихо, безмолвно я люблюсь вами со стороны, пока вы

грезите, что Алекс примет вас, но такого не будет! – он встал совсем близко к ней, и безумный блеск в его глазах напугал Кейли. – Родная моя, он никогда не станет таким, каким вы его видите.

– И это говорит тот, кто готов быть игрушкой для принцессы? – возмутилась она. – О какой любви может идти речь, если вы себя не уважаете?

– Да, мы с нею играем в чувства, и оба это знаем, и это не продлится долго. Но вы же совсем другая! Вы, светлая и искренняя, думаете, я бы рискнул опорочить вас? Ни за что на свете! Я предпочёл со стороны наблюдать и восхищаться, как вы улыбались и смеялись прошедшим летом, помните?

Невольно Кейли задумалась. Он был прав. Он развлекал её и веселил, спасая от скуки в Фаунтинс, но она никогда бы не подумала, что за смешливыми взглядами и поцелуями руки скрывалось что-то иное, кроме дружбы. Она вспомнила летние дни в Лондоне и частые прогулки. Джордж ничем себя не выдавал. И он мало рассказывал про брата, тем более неохотно отвечал на её вопросы. Могло ли так быть, что он уже тогда испытывал всё это?

Его руки нервно поглаживали её пальцы, и она ощущала его частое дыхание над собой, почти возле самого лба. Его губы были приоткрыты, а глаза неотрывно следили за её лицом. И внезапно Кейли поняла, ей было жаль его. Жаль, потому что Эшбёрн не был к нему привязан. Александр не стремился сближаться. Беспорядочные знакомства с женщи-

нами не приносили той радости, которой он ждал от близости с кем-то, кто по-настоящему его полюбит. И вот, в ней он будто нашёл что-то, чего так не хватало прежде. Или же он просто заблуждался.

– Джордж, вы же мой близкий друг, – начала она, глядя на него с нежностью. – Вы действительно развлекали меня и были рядом. Но всё, что вы наговорили о брате – это не правда. И вы не любите меня так, как вам кажется...

– Не убеждайте меня в обратном, – прошептал он, покачив головой. – Я знаю, что вашу странную привязанность к Алексу просто так не вырвать. Но так вы хотя бы будете знать, что я никогда не сделаю вам больно.

Кейли вспомнила ту ночь в спальне Александра, его лихорадку и недолгое помутнение. Да, он повёл себя неправильно, но в глубине души Кейли поняла, что её муж вовсе не был ледышкой. Упрямый и неумолимый, он всё же что-то почувствовал. Что-то кроме отвращения и страха перед женщиной. А Джордж ничего не знал, и она не имела права ему рассказать.

В следующую секунду, когда их взгляды снова пересеклись, он вдруг притянул её ближе, прижался горячими губами к крепко сжатым пальцам, а затем к тыльной стороне её ладоней.

– Я люблю вас, Кейли, клянусь, что люблю, – шептал он, а у неё сердце разрывалось от боли. – Сегодня я убиваю себя, но мне всё равно. Молчать больше не осталось сил...

– Вот, значит, как ты развлекаешь мою жену?!

Они оба резко обернулись на низкий голос, глухо прозвучавший с другого конца галереи. Благо, здесь уже не осталось посторонних, иначе это привлекло бы лишнее внимание. Джордж нехотя выпустил руки девушки из своих и повернулся к Александру, быстрым шагом направлявшемуся к ним.

Кейли застыла на месте, когда он остановился в паре футах от брата.

– Ты снова вовремя! – рявкнул Джордж недовольно. – Какого дьявола ты тут...

– Меня, в отличие от тебя, не любовница-однодневка пригласила...

– Ах, ты ублюдок!

Но он и шагу вперёд не сделал. Рука Джорджа так и застыла в воздухе. Он почти сразу остыл и опустил кулак, после чего Кейли выдохнула. Не хватало ещё драки во дворце, во время такого торжества.

– Я знал, что ты не изменился, – с усмешкой произнёс Александр, разглядывая брата исподлобья. – Не успеваешь леди отвернуться, ты уже тут как тут – примостился с тыла.

– Я засуну эти слова тебе в глотку, скотина!

– Ну, попробуй! Но для начала скажи, в чём именно я не прав? Тебе нет разницы – деревенская девица или принцесса – всё одно. Что ты наплёл моей жене, сопляк? Какую из своих заученных сладких речей?

– Я бы никогда её не опорочил! Я знаю ей цену, в отличие от тебя! – воскликнул Джордж, а после подскочил брату так, что они встали лицом к лицу. – Ты не знаешь её, ты не любишь её! Ты не любишь никого, кроме себя. И даже в этом я сомневаюсь!

Казалось, он вот-вот бросится на капитана, у которого глаза уже налились кровью, и Кейли не на шутку испугалась, что они сцепятся прямо тут, под портретами королевской династии. В голове не укладывалось, как быстро закрутился этот вихрь ненависти и гнева. Прижимая руки к груди, девушка было сделала шаг, но бесцветный голос мужа заставил её замереть:

– Ты... маленький неблагодарный гаденыш... Как же долго я терпел твои выходки... Я думал, ты повзрослеешь и одумаешься, но ты не меняешься. Да, в одном ты прав. Я её не заслужил. Но ты считаешь, что достоин больше моего? Тот, кто обесчестил каждую глупенькую девицу от Манчестера до Дувра! И ты посмел прикасаться этими губами к рукам моей жены?

Джордж намеревался ответить, но Александр внезапно схватил его за плечи, встряхнул и мигом оттолкнул от себя, гневно прошипев:

– Не приближайся к ней больше, если не хочешь навсегда умереть для меня!

Поражённая разыгравшейся перед нею сценой Кейли услышала, как Джордж гневно процедил:

– Чтоб ты провалился!

Молодой человек в последний раз посмотрел на неё с такой пронзительной печалью, что у Кейли навернулись на глаза слёзы. Взлохматив волосы нервным жестом, он развернулся и направился к дальним дубовым дверям, где чуть не налетел на зазевавшегося лакея. В следующий миг всё стихло, кроме приглушённых голосов весёлых гостей из другого крыла дворца.

Кейли не решалась поднять на мужа глаза. Да и как она могла, когда силы уже покинули её? После всего, что наговорил Джордж, и после этого внезапного появления Александра, Кейли казалось, что из неё просто выжали все жизненные соки. Ей хотелось упасть на колени прямо тут, на роскошной ковровой дорожке, и разрыдаться.

Но всё, на что она решилась – это молчаливый плач и до боли стиснутые пальцы.

– Вы прогнали его... Вы просто прогнали его! – прошептала девушка наконец.

Александр не отвечал. Она чувствовала его присутствие рядом, однако подошёл он не сразу. Сначала она увидела его запачканные в грязи сапоги для верховой езды, а уже потом, подняв глаза, полные слёз, посмотрела ему в лицо.

– За него не переживай. Он оправится. Конечно, не сразу, но смирится. На самом деле я до последнего надеялся, что он не пересечёт эту запретную границу.

Голос мужа показался ей суровым и далёким. А судя по

лицу, мужчина едва справлялся с приступом гнева. Постепенно, в свете канделябров, Кейли увидела, что он словно расслабился, а значит, взял себя в руки.

– Говоря о границах, вы имели в виду меня? – спросила она.

Александр кивнул. Он сделал шаг, затем ещё один и оказался перед нею. Из внутреннего кармана редингота он достал белый платок с кружевом по краям и протянул ей. Тогда Кейли утёрла глаза и влажные от слёз губы.

– Мне жаль, что так получилось, – произнесла она тоскливо.

Капитан небрежно пожал плечами.

– Здесь нет твоей вины. Только его и моя.

– Всё, что он говорил... я уверена, он не со зла... Он просто растерялся...

– Вот как? Возможно. А возможно, он просто влюблён.

Девушка с силой стиснула платок в ладони и прикусила губу, так сильно подействовали его резкие слова.

– В любом случае, я это так не оставлю, – сказал Александр сурово, когда их взгляды вновь встретились. – Да, он, конечно, наглый щенок... Но во многом был прав. Ты слишком часто плачешь из-за меня... Что ещё он говорил?

Она не решалась ответить, потому что кроме отчаянных слов о любви к ней и зависти к брату ничего не могла вспомнить. Поскольку она молчала, Александр продолжал в упор рассматривать её. О чём он думал, сложно было угадать. В

конце концов, он лишь вздохнул и произнёс:

– Я торопился с делами в Оксфорде, но, как видишь, не успел к началу мероприятия. Я не королевская особа, так что ждать меня не стали, разумеется. Жаль, что я припозднился. Иначе Джордж бы не устроил подобного представления.

Ей показалось, или же он и вправду обесценивал то, с каким жаром брат объяснялся ей в любви? И его взгляд во время разговора с Джорджем был ужасно красноречив, как и тон голоса. Невольно Кейли подумала: из-за гордости он так разозлился, или на самом деле то была ревность?

– В каком-то смысле... вы приехали вовремя, – заметила она, затем сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– И то верно... Ты выглядишь прекрасно... Неудивительно, что Джордж сорвался с цепи.

Девушка с вызовом взглянула ему в глаза, проглотив обиду. Александр это заметил и, усмехнувшись, едко сказал:

– Брось, это ведь очевидно. Он провёл с тобой много времени, в отличие от меня, и подгадал удобный момент. Представляю, что он наговорил обо мне.

– Пожалуйста, не нужно...

– Ладно, оставим пока эту тему. Полагаю, он вернётся в гостиницу только за вещами и уедет с Её Высочеством в резиденцию в Виндзоре.

– Как вы нашли нас? – спросила Кейли.

– Твой отец подсказал. Кстати говоря, Его Милость вот-вот свалится от усталости под какой-нибудь декоративной

пальмой. Лучше бы отвезти его в гостиницу.

Тут сложно было не согласиться. Девушка кивнула и протянула мужу платок. Он забрал его, затем вдруг коснулся рукой её щеки, отчего Кейли замерла на месте, будто лотова жена. Наконец она могла как следует разглядеть его лицо: такой густой щетины прежде она никогда у мужа не видела, но даже она не убавляла его привлекательности, скорее, наоборот; под глазами у него залегли тёмные круги, видимо, он плохо спал, а кожа заметно обветрилась; Алекс был без головного убора, но его волосы были аккуратно уложены, и Кейли заметила, что он недавно подстригся.

Когда тёплые пальцы скользнули по её лицу, Кейли не удержалась и лизнула кончиком языка сухие губы. Его прикосновение было невероятно нежным, почти невесомым. И взгляд этих усталых голубых глаз, заметно потеплевший, заставил её сердце забиться часто-часто.

– Пойдём, – услышала она, – твой отец ждёт.

По пути в бальный зал Александр рассказал, что на этот приём его пригласил генерал Колин Халкетт, с которым они были знакомы ещё со времени битвы при Ватерлоо. Генерал выехал раньше, причём в экипаже, а Александр торопился закончить все дела, в том числе и бумажные, чтобы больше не возвращаться в оксфордский штаб. Из-за этого он задержался и потратил на дорогу до Кенсингтона шесть часов верхом.

– Меня даже на порог не хотели пускать, – сказал он с

усмешкой. – Благо, младший брат генерала увидел меня с парадной лестницы и замолвил перед стражей словечко.

Кейли взглянула на мужа, на его грязный у подола редингот и небрежно распахнутый ворот рубашки, и едва не ляпнула, что по её мнению он выглядел очаровательно. Однако вовремя прикусила язык.

Веселье среди гостей принцессы и её брата было в самом разгаре, но саму Софию нигде не было видно. Впрочем, как и Джорджа. По крайней мере он не попался им на пути. Однако добраться до виконта удалось не сразу. Чей-то голос позвал Александра по имени, и Кейли заметила, с каким недовольством он скривил губы. Пришлось остановиться возле ряда стульев для гостей.

– Чёрт бы его побрал, это же Карл фон Мюффлинг из Пруссии! Он жуткий зануда и болтун, – тихо произнёс капитан так, что только жена его услышала. – Наверное, его пригласил Веллингтон... или сама София...

Несколько мгновений спустя их нагнал этот самый генерал Мюффлинг – высокий рослый мужчина с седыми кучерявыми волосами и густыми бакенбардами. Он поздоровался, спешно поцеловал Кейли руку и со смехом спросил:

– Как, Стоун, уже покидаете праздник? Что-то вы совсем не любите развлекаться!

– Мой тесть, виконт Саутфолк, устал. Хочу проводить его и мою супругу назад, в гостиницу...

– Ах, ну ясно, ясно! Что ж, летите, птенчики! Может быть,

поболтаем в другой раз. Кстати говоря, моя сестра всё ещё говорит о вас с нежностью, – улыбнулся мужчина, затем оценивающе взглянул на Кейли. – Простите мне вольность, красавица, но этот брак просто разбил ей сердце! Ей Богу, капитан Стоун понравился Луизе с первого взгляда...

– Желаю вам доброй ночи, генерал, – сухо ответил Алекс и подал Кейли руку.

Пробираясь через других гостей, она продолжала прокручивать в голове этот странный разговор. И о какой такой сестре шла речь? Пока полусонный и полупьяный виконт Саутфолк поднимался со стула и прощался с такими же уставшими, как и он, матронами, ей приходилось молчать. Когда, наконец, они втроём оказались в экипаже, отец Кейли почти мигом захрапел на сиденье напротив. И лишь тогда девушка решилась задать вопрос:

– Могу я спросить, о какой даме говорил генерал Мюффлинг?

– О своей младшей сестре, Луизе, – не без раздражения ответил Александр. – Как представитель прусской армии в штабе Веллингтона, он был вхож в дом офицеров, куда и притащил свою сестру за пару дней до сражения при Ватерлоо. Короче говоря, мне не посчастливилось встретиться с нею за ужином, а после ещё несколько раз.

– Что же эта леди делала вблизи поля боя?

– Она отчаянная особа. Носит мужские костюмы и умеет стрелять из мушкета. Ей было около тридцати лет, и это всё,

что я помню. Наверное, в то время она положила на меня глаз, но после победы над Наполеоном я оттуда быстро ретировался, и мы больше не встречались.

В полутьме экипажа Кейли кивнула и задумалась. Прошло несколько лет, а эта Луиза до сих пор справлялась об Алексе, раз узнала, что он женат? Вот так новости!

– А она красива? – не удержалась девушка. В следующую секунду она мысленно себя обругала.

Александр ответил не сразу. Он посмотрел на жену, и в его пристальном взгляде она вдруг увидела нечто такое, чего прежде не было. Или же она просто не замечала. Потом он усмехнулся и произнёс, отвернувшись к окошку:

– Я не помню, была она красива или нет. Я не обратил внимания.

Кейли сделала вид, что её удовлетворил такой ответ. На самом же деле внутри у неё разгорался странный огонь, который мешал здраво мыслить и думать о чём-то, кроме этой идиотской ревности. Именно так, она ревновала, и пришлось это признать, поскольку самые очевидные чувства отрицать было бессмысленно.

Ревновал ли Александр её к брату? Простит он ему эту вольность, или они так и будут враждовать? Кейли продолжала думать об этом, ощущая, как будто обручем ей сдавливало виски, пока около двух часов ночи экипаж не остановился напротив их гостиницы.

В глубине души он, конечно, был расстроен из-за ссоры с братом. Но они оба были достаточно гордыми, чтобы эта размолвка продлилась, как можно дольше. И, пожалуй, в прежние времена Алекс закрыл бы глаза на наглость младшего брата, но только не теперь. Оказавшись в ту ночь в Королевской галерее, он успел многое услышать... и увидеть.

То, с какой страстью Джордж целовал руки его жены, будучи так непозволительно близко, стало последней каплей. Никогда прежде Алекс не ощущал такую жгучую дикую ревность. В тот миг ему хотелось надрать брату зад, а то и что похуже. Он не поверил, что Джордж влюбился, слишком уж парень был ветреный. Если бы он опоздал, если бы Кейли не стала сопротивляться... От одной только мысли, что случилось бы тогда, Александру хотелось рвать и метать. Чтобы Джордж сорвал драгоценный цветок, на который он сам больше не смел покушаться? Наверное, он убил бы его тогда, не задумываясь.

Чем больше он об этом размышлял, тем яснее становилась сложившаяся картина. Кейли до сих пор к нему привязана, несмотря на всё, что произошло, она почему-то умудрялась глядеть на него с обожанием. И этот её пристальный взгляд порой почти сводил его с ума настолько, что хотелось наплевать на все приличия и условности... Алекс до сих пор помнил, как потемнели эти малахитовые глазки, когда он поцеловал её шею и отстранился, чтобы проследить за реакцией девушки...

И она выхаживала его, больного, почти безнадежного, и он не умер. Раньше он, пожалуй, разочаровался бы, как всегда размышляя, что такой тряпка и безбожник, как он, заслуживал лишь подобной бесславной смерти.

Но Кейли отныне была повсюду, вокруг него постоянно витал аромат её лёгкого парфюма, и он думал о ней денно и ночью. Когда умерла леди Кларисса, ему было жаль, но не покойницу, а её преданную дочь. Он плохо знал виконтессу, зато достаточно хорошо знал, как Кейли её любила. Сумасшедший контраст между их отношениями и тем, что он получил от своего отчима! Александр всегда завидовал Кейли, потому что его мать и отец были лишь жалким подобием родителей на фоне такой мачехи...

Но леди Клариссы не стало, и он решил позволить Кейли справиться с этим горем без него. Однако даже в Оксфорде он то и дело думал о ней. Он мало спал, но каждый раз, едва его голова касалась подушки, он закрывал глаза и вспоминал её прелестное лицо, не потерявшее ещё детскую округлость, её прямой тонкий носик и слегка пухлые розоватые губы, при взгляде на которые так и хотелось к ним прикоснуться. Когда Кейли улыбалась, на щеках у неё появлялись ямочки, а глаза сияли и будто становились светлее, приобретая голубоватый оттенок.

Прежде её девичья наивность и искренность то раздражали, то попросту обезоруживали его. А сейчас, когда он открыл в ней женщину, желанную и притягательную, в этом

поразительном сочетании невинной юности и страстности Александр увидел её исключительность. Женщины, которых он знал прежде, волей или же нет, в подмётки ей не годились. И вот, когда Джордж покусился на то, что по всем мыслимым и немислимым законам принадлежало только мужу, Алекс осознал, чем именно он владел и от чего раньше пытался убежать.

Может быть, поэтому, когда отчим приехал в Фаунтинс справиться о его здоровье, он встретил его так холодно. В то утро Александр сидел на постели, сжав губы в тонкую линию и разглядывая лицо человека, благодаря которому приобрёл все свои пороки, и думал лишь о том, куда подевалась его ненависть. Раньше он, медленно закипая, но проглатывая гнев и ненависть, мог бы снова поддаться этому странному влиянию мужчины, называвшего себя его отцом. Однако в то утро в нём не было ничего. Только пустота.

Алекс не чувствовал ни ярости, ни злости, ни обиды. В какой-то миг он просто ушёл в себя, открестившись от всего, о чём говорил Эшбёрн: про наследника, про службу и особняк, и далее, и далее...

«Как жаль, что это не произошло раньше», – подумал он тогда с горечью. Эшбёрн выглядел взволнованно, словно действительно беспокоился за него. Он долго болтал, пытаясь привлечь внимание Алекса, но тот, в конце концов, просто дал понять, что смертельно устал и желает побыть один.

Отчим был настойчив в тот момент. А потом Александр

узнал, что Кейли уехала в Лидс, к умирающей мачехе...

На следующий день после бала в Кенсингтонском дворце виконт Саутфолк объявил, что хотел бы провести праздники в своей резиденции на острове Уайт.

– Её Милость любила бывать там, ты и сама знаешь, – обратился он к дочери. – Там ветренно и туманно в это время года. Места поклонения Святому Бонифацию да вид с холмов Святого Мартина кажутся не столь привлекательными, но всё-таки я желаю, чтобы вы поехали со мной.

Кейли согласилась, не раздумывая ни секунды. Затем взглянула на мужа и спросила таким скорбным голосом, что ему это даже показалось забавным:

– Вы поедете с нами, капитан?

– Мистер Стокер справится в Фаунтинс и без нас, – сказал Александр. – Конечно, я поеду.

Он почувствовал щекочущую радость, когда заметил скромную улыбку на губах жены, и подумал, что пора бы привыкать делать её хоть немножко счастливее.

До знаменитого острова из порта Саутгемптона шёл колёсный пароход «Леди Дэй», принадлежащий новой судоходной компании «I.G. Коллинз и сын». И тёплым утром в последнюю неделю декабря Александр с верхней палубы наблюдал, как медленно удалялся и таял в туманной дымке берег Саутгемптона. Некоторое время Кейли прогуливалась поблизости вместе с Оливией, затем горничная ушла по какому-то поручению.

Алекса больше не волновал пролив и его спокойные воды. Он наблюдал за женой, пристально рассматривающей лопасти колеса. На Кейли в то утро было прелестное платье из белого шёлка, голубоватый пелисс с отделкой из синей тесьмы и шёлковый капор без вычурных украшений. Капитан не сдержал улыбку и незаметно подошёл ближе. С того самого момента, как стало ясно, что Джордж забрал свои вещи и умчался в Виндзор, даже не попрощавшись, супруги не касались этой щекотливой темы. Хотя при виконте они и говорили о всяких пустяках, каждый раз, оставаясь наедине друг с другом, оба словно не решались на откровенный разговор.

Александр знал, разговор этот должен был рано или поздно состояться. Но прежде он никогда не чувствовал себя так неловко и странно рядом с женщинами. Он их просто сторонился... кроме тех, с которыми случалось оказаться в одной постели. Но ведь это было очень давно.

Последние два дня в гостинице Кенсингтона промчались стрелой. И каждый раз, уходя к себе и желая Кейли доброй ночи, Александр испытывал жгучее чувство, словно делал что-то не так. А после, уже в постели без сна и глядя в потолок, мысленно ругал сам себя.

Беспокойные демоны в его ушах верещали, что прийти к жене в спальню и сделать то, чего он одновременно хотел и боялся – это раз плюнуть, и это правильно. Другой голос, тихий, но сильный и настойчивый, велел не двигаться с места.

А потом становилось слишком жарко и тесно под одея-

лом, и Алекс с остервенением сбрасывал его на пол. Влажная от пота ладонь скользила по телу, по напряжённым мышцам живота и ниже... Сам же он закрывал глаза и вспоминал ту ночь, спальню в Фаунтинс-холле... и Кейли без одежды... Он тяжело дышал, стискивал зубы, чтобы унять этот идиотский непрошенный порыв, но голод плоти всегда был сильнее, так что постель в любом случае была испачкана его семенем, и он одновременно стыдился этого и был счастлив. Счастлив от того, что мысль о близости с Кейли не вызывала в нём ни отвращения, ни раздражения. Он не ощущал тошноту, представляя её поцелуи... и не только на губах. Эти сладкие грёзы стали такими долгожданными, что порой он попросту мечтал вернуться в спальню и предаться им снова.

И всё же он не пришёл к ней. Он хотел её, очень хотел. И он боялся её. Боялся страха девственницы, боялся её отвращения, слёз или, что ещё хуже, категоричного отказа...

Голоса других пассажиров парохода вывели его из глубокой задумчивости. Кейли тут же приблизилась и сказала, что небольшой порт Коуз уже близко.

– Надеюсь, вам понравится в Чотонфилд, – девушка широко улыбнулась, придерживая рукой свой капор. – Очаровательные места! Коттедж у нас небольшой, но там прелестно, правда. А недалеко, в деревне Карисбрук, в юго-западной части Ньюпорта находится старинный замок, где в середине семнадцатого века был в заточении сам Карл I...

Александр уже всё знал о главных достопримечательно-

стях острова, но прерывать её даже не думал. Кейли так мило морщила носик от редких порывов ветра и так сияла, рассказывая о владениях отца, что мужчина невольно подумал: «Она так красива... И она слишком хороша для меня».

Он не позволил тягостным мыслям отразиться на лице. Но яростные слова Джорджа так и вспыхивали где-то на задворках разума.

Едва Кейли переступила порог дома её детства, перед глазами тут же пронеслись десятки картинок с воспоминаниями, тёплыми и приятными, но уже такими далёкими. В коттедже в Чотонфилд почти ничего не изменилось: то же убранство, светлый холл с высоким потолком и те же проходные комнаты; узенькие эркеры и множество кладовых да встроенных шкафов, где маленькая Кейли пряталась во время игр; а также огромный камин в большой гостиной – как и всегда к приезду владельца, уже пылающий и согревающий помещение. Этот коттедж со скошенной крышей, построенный в мансардном стиле, соседствовал с множеством таких же по виду скромных, но богатых на внутреннее убранство домов.

Последние несколько дней девушка была словно морально истощена, и только в этом месте, где она вновь почувствовала прилив сил и вспомнила, как была счастлива в детстве, Кейли смогла вдохнуть полной грудью. Виконт Саутфолк едва ли не с порога занялся приготовлениями к Рож-

дественским празднествам, чему Кейли очень обрадовалась: отец выглядел бодро и явно намеревался хорошенько отдохнуть в кругу семьи и друзей, которых собирался пригласить.

Ежегодная традиция буржуа отдыхать на острове возникла совсем недавно, лет десять назад, когда королевское семейство впервые за долгое время провело лето в Карисбруке. Покойная леди Кларисса с той поры полюбила это место: бесконечные развалины древних строений в округе и высокие, поросшие мхом стены донжонов, скрипучие кованые ворота перед домом, очаровательные зелёные лужайки и ручьи с прозрачной водой...

Теперь Кейли в одиночестве прогуливалась по знакомой ей территории и с нежностью вспоминала беззаботное время, проведённое здесь вместе с родителями... Но всё-таки она была не одна. Александр так охотно согласился провести праздники вместе, что поначалу она даже не сразу в это поверила. Анита оказалась права в каком-то смысле. Что-то изменилось в его взгляде. Особенно это стало заметно после инцидента с Джорджем. В глубине души Кейли жалела, что всё так получилось... Но как бы там ни было, каким бы заботливым и милым не был Джордж по отношению к ней, она ничего к нему не чувствовала. Существовал только Александр. Порочный, сломленный или обиженный на весь свет – но он оставался и всегда будет её единственной любовью.

В день приезда виконт, не мешкая, занялся рассылкой приглашений на празднование Рождества, хотя прежде при-

ходилось ждать до самого Нового Года. Но в прошлый раз случился неприятный казус, из-за которого леди Кларисса осталась недовольна: девять семей, проводивших праздники на острове, устроили частные приёмы практически в один и тот же день. Вышло так, что некоторые приглашения так и не дошли, долгожданные встречи со знакомыми не состоялись, а десятки приготовленных заранее блюд попросту могли испортиться. Благо, виконтесса догадалась раздать всё в ближайшей деревне.

Отныне решено было заблаговременно назначать даты для подобных мероприятий. Гостей ожидалось немного, поскольку большинство буржуа обеспокоились ситуацией вокруг королевской семьи, они опасались громких приёмов, пусть даже вдали от двора. Виконт Саутфолк был решительно настроен на приятное времяпрепровождение. В память о супруге и ради того, чтобы поднять настроение дочери, которая во всём его поддерживала.

– Как же не вовремя на нас обрушилась эта беда! – сокрушался хозяин дома в первый же вечер, когда его слуга доложил: в единственной гостевой спальне на втором этаже стоял жуткий холод.

Здесь не было камина, а на потолке, в самом углу, расплзлось чернющее пятно. В комнате стоял сильный запах плесени и жить здесь стало попросту опасно для здоровья. Об этом было объявлено за ужином, после чего Кейли вдруг осознала, что вариантов осталось лишь два: кто-то из муж-

чин останется в жуткой комнате, ведь хозяйская спальня будет занята другим, или же ей придётся с кем-то разделить свою комнату на время каникул...

Бокал с хересом застыл в руке девушки, когда она услышала предложение отца, произнесённое самым невинным тоном:

– Капитан, конечно, уступит пожилому тестю комнату? – улыбнулся виконт. – Уверен, дочь не возразит, если вы потеснитесь в её спальне. Хотя, возможно, эти лентяи сумеют разобраться с плесенью через несколько дней, но больно уж это сложное дело, да и погода чудит...

Кейли сама толком не поняла, отчего ей вдруг стало страшно посмотреть на мужа. Она сделала вид, что полностью сосредоточена на овощном рагу в своей тарелке. Не прошло и минуты, как Александр ответил:

– Разумеется, это самый подходящий вариант. Никто же не хочет заболеть в такое время.

Девушка так и не взглянула на него. Но она явственно ощутила, как зарделись её щёки.

Около одиннадцати ночи, когда небо над островом прояснилось, а полная луна казалась необычайно огромной, Кейли сидела перед зеркалом в спальне, задумчиво растирая капельку мятного масла между ладонями. До этого Оливия помогла ей раздеться, а теперь причёсывала, изредка зевая. Кейли не сразу заметила в отражении, как хитро улыбалась горничная.

– Я прознала, что у вас отныне новый постоянный сосед, – заметила Оливия, пряча глаза от зеркала. – На постели свежее бельё и парочка лишних подушек. И ещё одно одеяло, конечно.

– Спасибо...

– Я оставляю вам два зажжённых канделябра.

Всё это время Кейли только и думала о том, как пройдёт эта ночь, и что ей делась со своим смущением. Поговорить об этом было попросту не с кем. Даже Оливия считала, что между супругами давным-давно уже всё произошло. А значит, в этой щекотливой ситуации Кейли осталась один на один с тем, что ждало впереди. Или, может быть, она зря себя накручивала, и Александр остался так же холоден, как прежде...

Без лишних слов горничная выбрала один из множества флакончиков, расставленных на туалетном столике, и пролила пару капель на плечи и шею девушки.

«Листья фиалки и созревшая ягода», – подумала Кейли, уловив тонкий аромат. Ненадолго она прикрыла глаза, наслаждаясь витающим вокруг запахом. В это мгновение умиротворения она даже не заметила, как тихо Оливия покинула спальню. А вскоре, после краткого стука, в комнату вошёл Александр.

Кейли встала, как встала бы, появившись в её спальне, например, король. Она попыталась улыбнуться, да так и застыла, встретившись взглядом с мужем. На несколько мгновений

они оба будто забыли, где находились, забыли напрочь, что между ними происходило... Но это напряжённое волнующее мгновение прошло. Александр бегло, словно растерявшись, оглядел девушку, затем подошёл к ширме в другом конце спальни и стал раздеваться. Кейли тут же стиснула кулаки, на ней была длинная ночная рубашка из хлопка без рукавов и с очаровательной вышивкой на подоле, но даже так она почувствовала себя обнажённой.

Пока мужчина растёгивал пуговицы на жилете, Кейли отвернулась и уставилась на камин, скрытый заслонкой. В спальне стало жарко, или ей только показалось? В любом случае она до последнего не решалась повернуться, а продолжала стоять на месте, сжимая в пальцах ленточку сорочки. Так она хотела скрыть нервную дрожь.

Шелест сбрасываемой одежды позади неё прекратился. Во внезапно наступившей тишине раздался тихий голос:
– Так вот она какая, комната настоящей леди.

Звук этого насмешливого голоса заставил Кейли вздрогнуть. Она, не раздумывая, обернулась и в следующую же секунду обомлела. Александр стоял спиной к ней, складывая брюки, чтобы повесить их на ширму... И он был совершенно голый. Раскрыв рот, как деревенская простушка, впервые увидевшая мужскую наготу, Кейли уже глаз не могла оторвать от его широкой обнажённой спины и крепких ягодиц. Его оливковая кожа казалась ещё темнее в свете свечей, и девушка видела, как при малейшем движении перекатыва-

лись под этой золотистой кожей литые мышцы.

Единственное, о чём она успела подумать, молнией пронзило разум: «Он не может быть таким красивым!», а потом Александр повернулся к ней... Кейли пришлось сильно постараться, чтобы смотреть ему в лицо. В отличие от неё, мужчина казался совершенно спокойным. Так же спокойно, как разделся, он подошёл к кровати и потянул на себя одеяло.

– Мне льстит твоё пристальное внимание, – сказал он всё с той же усмешкой на губах.

Кейли будто очнулась от забвения:

– Что?

– Я спрашиваю, всё ли в порядке?

Он стоял у кровати, упираясь коленом в край высокой перины. И он совсем не стеснялся своей наготы. А у Кейли уже голова кружилась от внезапного вихря внутри, когда в ней столько чувств смешалось, что и рассказать страшно. Взгляд девушки скользнул по мощной шее мужа, по его вздымающейся груди, покрытой редкими тёмными волосами, а затем ниже...

– Я решил себе не отказывать, ведь тут так жарко, – произнёс Александр и подтянул край одеяла к торсу, так что от Кейли скрылось то, на что она уже приготовилась посмотреть. – Всё хорошо?

– Д-да...

– Если я тебя смущаю, то могу отодвинуться подальше.

Девушка во все глаза уставилась на него, не понимая, как

ей реагировать. Он голый, в её постели, но трогать её не собирался? А она сама-то хотела этого? Или страх перед неизведанным был сильнее? Кейли вдруг вспомнила, какие обидные слова он хладнокровно бросил ей в ночь после венчания, и это слегка отрезвило её. Он, конечно, не любил её, а во время приступа лихорадки попросту не сдержался...

Время шло, а она не могла заставить себя отвести взгляд. Его растрепанные волосы были так мило взъерошены, а сильные руки манили прикоснуться к ним, затем скользнуть ниже, к бёдрам, туда, куда уходила тонкая тёмная полоска...

– Некоторые дамы находят мужское тело неприятным и отталкивающим, – снова заговорил Александр.

Кейли сглотнула и посмотрела ему в глаза. Пожалуй, он забавлялся её состоянием. Да, он прекрасно понимал её реакцию и как его вид действовал на неё. Подумав об этом, Кейли нарочито безразлично пожала плечами.

– Мы уже спали в одной постели, и оба были без одежды, – сказала она. – Так что располагайтесь, как вам будет...

– Тогда разденься тоже.

Нет, он определённо играл с нею, только вот она не совсем понимала, для чего.

– А-а разве это обязательно? – спросила девушка, ощутив, как предательски дрогнул голос.

Он ничего не ответил, но эта улыбка, которую он даже не попытался скрыть, показалась Кейли самой прекрасной... и самой обещающей. И на секунду она представила, что он и

вправду захотел сделать её своей. Так, как это следовало сделать. От этой мысли стало жарко, спина взмокла, а мышцы живота неожиданно пронзила сладкая боль. Подумав немного, Кейли медленно отвернулась и принялась за завязки на вороте сорочки. Пальцы её дрожали, и мысли в голове путались, но она понимала, что поступать иначе больше не хотела.

Кейли упрямо сжала губы и глубоко вздохнула. «Будь смелой», – сказала она себе, пытаясь подготовиться к самому интимному моменту в жизни. Завязки на вороте ослабли, и Кейли очень быстро избавилась от последней баррикады из одежды. Сорочку она бросила на спинку стула возле окна и повернулась к постели. Она успела заметить, что Александр скользнул взглядом по её нагому телу, но это случилось так быстро, что она даже смутиться не успела.

Один из канделябров находился с его стороны. Мужчина быстро погасил свечи и стал укладываться. Кейли машинально за ним повторила. Минуты не прошло, и вот они уже в одной постели, а в комнате воцарилась тишина. Благодаря полной луне всю спальню было прекрасно видно без освещения.

Кейли подумала, что нагишом лежать под прохладной тканью свежего белья действительно было приятно. А между тем она даже не знала, что делать дальше. Нужно ли вообще что-то делать. Стоило бы повернуть голову, она увидела бы лицо мужа, но Кейли всё никак не решалась. Наконец, снова

вспомнив ту ночь в Фаунтинс, она заставила себя заговорить:

– Это ведь правда ничего, что вам приходится делить со мной комнату? Если вам неприятно... или неудобно...

– Всё хорошо.

Александр произнёс это так, будто разозлился из-за чего-то, и Кейли растерялась. Она так волновалась, так нервничала, а он просто собирался лечь спать? Будто они каждую ночь лежали вот так, бок о бок и обнажённые, что это вошло в привычку.

– Я рада... если вы в порядке, – сказала девушка на выдохе.

Она ощутила движение возле правого плеча и замерла, затаив дыхание. А потом увидела над собой лицо мужа. Опираясь на левый локоть, он навис над нею, всего в нескольких дюймах от её пылающего лица, и почему-то выглядел хмурым. Глубокая складка залегла между его бровями, и Кейли уже было собиралась спросить о том, что случилось, когда Александр тихо произнёс:

– Спокойной ночи, красавица.

Он наклонился, и его горячие губы накрыли её приоткрытый в немом вопросе рот. Кейли судорожно вцепилась пальцами в одеяло, но что-то подсказало ей немедленно взять себя в руки. Сначала Александр осторожно коснулся её губ, затем уже настойчивей надавил и заставил впустить его обжигающее дыхание внутрь... И в то самое мгновение, когда её сердце бешено забилося в груди, когда она сама ответи-

ла на этот первый истинный поцелуй, Кейли осознала, как сильно она любила его, и что на самом деле всё это время она хотела принадлежать ему.

Этот долгий поцелуй, начавшийся с нежного прикосновения и постепенно словно переросший в жестокую борьбу, поразил Кейли до глубины души и заставил её потерять контроль не только над разумом, но и телом. И молодое тело её стало безвольным, вялым, она ощущала себя расплавленной, будто снежный ком под июльским солнцем.

Кейли лишь раз вздохнуть успела, когда чужой горячий язык настойчиво скользнул по её зубам и проник, наконец, в рот. Этот жаркий влажный поцелуй её полностью обезоружил. В то мгновение она смутно поняла, что это был конец. Для неё, для всего, за что она цеплялась прежде.

Девушка застонала, когда Александр отстранился, чтобы взглянуть на неё. Она понятия не имела, как выглядела со стороны, но поняла вдруг, что её руки уже потянулись, чтобы обнять мужа за плечи.

Только спустя несколько мгновений в этой жаркой полутьме прозвучал его глухой властный голос:

– Засыпай.

Одним словом он будто бы превратил её в безвольную куклу. А потом просто отодвинулся и отвернулся в другую сторону. Его нагое тело наполовину скрывало одеяло.

Кейли же несколько минут лежала, широко раскрыв глаза. Она до сих пор чувствовала чужие губы на своих и по-

верить не могла в то, что пережила. Она долго не могла заснуть. Ошеломлённую Кейли преследовало острое ощущение, словно её только что вернули с того света.

Глава 17

За пару дней до Рождества оставленные на год владения виконта, наконец, наполнились жизнью: шли приготовления к празднику и приёму гостей. Никого лишнего, только родня и друзья семьи. И, разумеется, ничего вычурного, только скромные украшения из остролиста, омелы, яблок и много-много свечей. Угощениями запасались в ближайших деревнях, ибо кто, как не местные, мог предложить самую лучшую птицу или заранее приготовленный ноябрьский пудинг.

Как полноправная хозяйка дома, Кейли обязана была следить за этими приготовлениями и руководить процессом. Но на кухне всё уже было схвачено, как впрочем и с приглашениями для гостей. Ей оставалось лишь мило улыбаться и поддерживать настроение окружающих. В дневное время, занимаясь подарками для родственников и прислуги, девушка была настолько занята, что ей мигом удавалось отвлечься от гнетущих мыслей.

Но чем скорее приближалась ночь, тем сильнее были её раздражение и волнение. Как это случилось и в первый раз, Александр приходил в спальню перед сном, раздевался, пока она расчёсывала волосы, гасил свечи и ложился в постель. Кейли упрямо отмалчивалась и делала то же самое. А потом, в полутьме под лунным светом, он склонялся над нею, цело-

вал и, желая доброй ночи, отворачивался.

Она понятия не имела, как реагировать. Лёжа под одеялом без одежды, Кейли слушала ровное дыхание мужа и размышляла над его странным поведением. Она ругала себя за то, что не решалась заговорить и просто спросить, в чём было дело. Но это самое дело так и не сдвинулось с мёртвой точки.

Перед третьей ночью она упрямо велела себе не позволять ему больше этих сводящих с ума поцелуев. И всё-таки, когда наступила долгожданная минута, и она почувствовала, что он повернулся к ней и приподнялся на локте, ни единого слова не сорвалось с её губ. Глядя в его лицо – смуглое в этой полутьме, с застывшим на нём выражением то ли мольбы, то ли скорби – Кейли раскрыла губы и сама потянулась к нему. Александр даже не успел пожелать ей спокойной ночи. Она осторожно коснулась его шеи, когда его язык вторгся в её рот, и снова почувствовала сумасшедший вихрь из желания и томления.

Когда он оторвался от неё, тяжело дыша и буркнув тихое «засыпай», ей захотелось разрыдаться или даже устроить истерику. Но она взяла себя в руки. Ей пришлось унять это раздражение, прогнавшее страсть, которую она ненадолго испытала.

«Он меня не трогает, но целует так, словно хочет соблазнить, и у него это хорошо получается, – размышляла она, засыпая. – Почему он так сдержан? И почему вечно недоволен?»

Я сделала что-то не так, или он зол на себя? Может быть, ему совестно за ту ночь в Фаунтинс...»

Следующим утром ей было уже не до альковных мыслей. Зажиточные тётки и дядьки со стороны виконта и такие же зажиточные племянники и племянницы из семейства Уоллес всё прибывали и прибывали в Чотонфилд. К вечеру Кейли попросту устала всем улыбаться, у неё уже ныли щёки. Но скромные посиделки прошли, как по маслу, и виконт явно остался доволен.

Его дочь очаровала гостей своим белым платьем из муслина с роскошной ручной вышивкой. словно персонаж из сказки, она походила на принцессу, изящную и хрупкую; порой она сама поправляла подол из тюля, струящийся позади неё воздушной волной.

Больше всего Кейли ждала реакции мужа на этот образ, и это утомительное многочасовое ожидание поразило её саму. Никогда прежде она не вела себя так собственнически, но иначе просто не могла. Александр увидел её в курительной комнате, где знакомился с родственниками виконта. И по его пристальному взгляду Кейли поняла лишь одно: он не ожидал ничего подобного. С одной стороны это жутко льстило, но с другой...

Он отвёл глаза чересчур быстро и вернулся к прерванному её появлением разговору. Даже виконт Саутфолк обратил большее внимание на дочь, чем он. И до конца праздника Кейли не могла забыть о том, как это было больно. Весь ве-

чер Кейли наблюдала за мужем: он выглядел великолепно в тёмно-синем фраке из сукна и бежевых бриджах для верховой езды. Наряд сидел на нём, как влитой, подчёркивая статную фигуру. В нём Александр казался даже выше, чем был на самом деле. Со смесью восхищения и раздражения Кейли смотрела на него, прекрасно зная, какое тело скрывалось под этой одеждой.

Её бросало то в жар, то в холод. Порой она думала, что больна, а порой, что просто сходила с ума. От обиды, злости или любви – одному Богу было известно, потому что она сама уже ничего не понимала.

Подвыпившие джентльмены и их дамы начали покидать дом ближе к часу ночи. Кейли как раз вручила Оливии небольшой презент. Её очень тронула реакция девушки. Горничная была готова заплакать, и в каком-то внезапном порыве Кейли обняла её и велела держать себя в руках.

– Я знаю, что у тебя есть кавалер в портовом городе, – вспомнила виконтесса. – Это так?

– Да, миледи! Мы одного возраста, и он очень милый. Он сын золотых дел мастера и довольно скромный...

– Так не мешкай! Иди к себе и отоспись! Завтра управимся без тебя, а ты можешь ехать к своему любимому.

Оливия мигом зарделась и попыталась возразить, но Кейли хитро улыбнулась и погрозила ей пальцем.

– А если ты не поедешь, я очень разозлюсь!

– Вы меня обрадовали! Как и многих в округе, они нико-

гда не забудут ни вас, ни леди Клариссу... да будет земля ей пухом.

Днём ранее, после похода в церковь, Кейли действительно посетила две деревни и вместе с прислугой раздала подарки, как это было принято. Леди Кларисса никогда не брезговала этой традицией, и девушка прекрасно знала, как важно было её не нарушать. К тому же улыбающиеся лица местных, особенно детей, придали ей сил и немного подняли настроение.

– Иди, отдыхай. На два дня ты мне не понадобишься. – Кейли осторожно сжала руки горничной, прежде чем отпустить её.

– Вы поразительно похожи на леди Клариссу, хоть и не родная её дочь!

Девушка вздохнула и обернулась, приготовившись встретиться взглядом с не слишком приятной, но знакомой персоной. Уильям Хэффнер всегда отличался колкими манерами и характером властелина мира. Он приехал в Чотонфилд со своей невестой, высокой и пугающе бледной восемнадцатилетней девицей из Портсмута, однако было заметно, что он брезговал её компанией.

Кейли не слишком хорошо его знала. Уоллесы и Хардинги его не принимали, и сей факт, видимо, его не удручал. От его острого взгляда хищной птицы бросало в дрожь, но Кейли давно переросла боязнь высокомерия. Этим вечером он часто крутился возле неё и виконта, она заметила, как он рассматривал её на расстоянии. Это раздражало и в каком-то

смысле смущало её.

– Я знаю, что во мне столько же от родной матери, вашей тётушки, сколько и от отца, – сказала Кейли. – От леди Клариссы во мне то, что глазу не видно.

– Это мило и так... – он сделал неопределённый жест рукой, – так наивно! Вы уже давно супруга, но не растеряли детской простоты. Нынче такое редко встречается.

– Если это комплимент, я его принимаю.

– Разумеется! Я искренне считаю, что вашему мужу очень повезло... И всё же вы такая странная пара...

Кейли едва удержалась, чтобы не закатить глаза. Он явно намеревался ляпнуть что-то об Александре, поэтому она приготовилась обороняться.

– Мой супруг просто сдержан и хорошо собой владеет.

– Я говорил не о том, – улыбнулся Хэффнер, и от этой улыбки Кейли хотелось бежать подальше. – Многие слухи ходят. Впрочем, видимо, его они не волнуют.

– А вы часто обращаете внимание на сплетни?

– Есть сплетни и домыслы, а есть непроверенная информация... Но опустим это! Сегодня такая светлая ночь! И я безумно счастлив, что мы посетили ваш дом.

Он галантно поклонился, намереваясь попрощаться, чему Кейли была очень рада. Однако заметив, что он протянул руку, нахмурилась, ведь ни с того, ни с сего не позволить джентльмену поцеловать руку виконтессы было бы неприлично. Кейли сдержанно улыбнулась, вернее, сжала губы,

как можно крепче, и подала ему руку. Только он даже коснуться её не успел. Откуда ни возьмись, появился Александр и бесцеремонно ответил родственнику крепким рукопожатием.

– С Рождеством вас, сэр! И берегите себя! Дорога до города извилистая, – произнёс капитан с усмешкой, – а зимняя ночь темна. Счастливого пути!

Окинув его недовольным взглядом, Уильям Хэффнер вернулся к невесте, и они последними из гостей покинули дом. Кейли не знала, что на всё это сказать. Ей неожиданно стало слишком тесно в корсете и слишком душно.

– Неприятный тип этот парень, – сказал Александр, затем взглянул на неё. – Хорошо, что не все ваши родственники такие скользкие...

Она ничего не успела ответить. Раскрасневшийся от пряного вина виконт Саутфолк подошёл к дочери и громко поздравил её с праздником, поцеловав в щёку. Затем пожал руку капитану, который глупо улыбался, глядя на захмелевшего тестя.

– Не хочешь отойти ко сну, дорогая? Я украду твоего мужа ненадолго! – сказал хозяин дома, хлопая Александра по плечу. – Мы быстренько обсудим планы на будущий год, и он будет свободен! Свободен!

Последнее слово мужчина буквально пропел, и Кейли не сдержала искренней улыбки. Хорошо, что отец повеселел. Это будет их первое Рождество без леди Клариссы, конечно,

они ни на день не забудут о ней, особенно в такой святой праздник.

Кейли кивнула, изящно склонила голову и направилась к лестнице, поддерживая подол платья. В спальне, едва потрескивая поленьями, горел камин, и слышен был аромат апельсиновой корки и корицы. Девушка не без труда избавилась от платья и корсета, затем, оставшись только в нижней юбке из хлопка, присела за туалетный столик. Она сняла украшения, распустила локоны из высокой причёски и, занявшись волосами, так глубоко задумалась, что даже не заметила, как прошло около пятнадцати минут.

Когда дверь в спальню отворилась, и вошёл Александр, Кейли увидела его серьёзное лицо в отражении. Она машинально подумала о том, что всё снова повторялось, как и предыдущие ночи. Неужели он вновь разденется, прощеголяет перед нею своим великолепным телом и просто уснёт?

Отложив расчёску в сторону, Кейли как бы невзначай заинтересовалась:

– Могу я узнать, о чём вы говорили с Его Милостью?

– Отчего же нет? Можешь! – Александр остановился около ширмы, уже сняв фрак и жилет. – Мы обсудили планы на следующий месяц. Я пригласил его в Фаунтинс-холл, он согласился. Затем мы ещё раз выпили в честь праздника и помянули твою матушку.

– Вот как...

Кейли машинально кивнула и вздохнула. В отражении она

наблюдала за ним. Как он раздевался, неторопливо и словно нехотя. Она всё смотрела и смотрела, прекрасно осознавая, что попросту любит его телом. Его широкими плечами, мускулистыми руками и рельефным плоским торсом. Когда мужчина принялся снимать бриджи, она и не подумала отвернуться. Зато отвернулся он, поэтому ей досталось лишь долгое созерцание его ягодиц. Правда, за предыдущие ночи ей удалось подсмотреть гораздо больше. То, о чём ей вскользь однажды говорила мачеха, и даже пару раз разоткровенничалась Анита.

Смутно, но всё же лучше понимая, чем мужчина отличается от женщины, и как вообще всё это происходит, Кейли понемногу осознала, что это не было отталкивающим или неприятным зрелищем. Скорее, любопытным и манящим.

«Женщины, которых он знал прежде... они тоже на него смотрели? Им нравилось его тело? Ах, ну конечно нравилось! – размышляла она, уставясь в зеркало. – Когда он стал старше, многое ли изменилось?»

Она вспомнила, что он говорил ей в спальне Фаунтинс-холла, когда очнулся после лихорадки. Что она была желанна, и что он на самом деле хотел её. Неужели он забыл об этом? Или это такое мимолётное чувство, которое быстро испаряется, не оставив и следа?

– Я хочу погасить свечи, – раздался его голос, почему-то слегка охрипший.

– Хорошо.

Кроме камина, канделябр с его стороны постели был единственным источником света в комнате. Через пару мгновений свечи погасли. Кейли поднялась и подошла к креслу, чтобы снять сорочку и нижнюю юбку. Заодно в окне она заметила, как тучи скрыли луну, и теперь она казалась лишь расплывчатым серым пятном на фоне куда более тёмного неба.

– Надеюсь, что сегодня не все мои родственники показались вам скользкими и неприятными, – произнесла девушка самым равнодушным тоном, на какой только была способна.

Она повернулась лицом к мужу. Он ещё не успел забраться в постель и на несколько мгновений будто застыл, увидев её на фоне пляшущих языков огня. «Нет, ничего не изменилось, – Кейли ощутила удивительно острую досаду. – У него во взгляде такой страх, что это ничем не прогнать. Какая же я глупая! Я сама не понимаю, чего я добивалась!»

Больше ни разу не взглянув на мужа, Кейли поправила волосы, откинув длинные локоны за спину, и быстро скользнула под одеяло. Она повернулась к камину, прижавшись щекой к высокой подушке, и сжала губы, чувствуя, что вот-вот заплачет. Она ненавидела себя за это. За слабость молодого тела, за свою безнадёжную глупую влюблённость. Не хватало ещё ей – виконтессе Саутфолк – лить слёзы посреди ночи, потому что муж её отверг.

Девушка потёрлась лицом о прохладную ткань, чтобы впиталась влага с глаз. Она поздно сообразила, что за её спи-

ной Александр вдруг придвинулся ближе. Горячие пальцы коснулись её волос, смахнули длинную прядь, чтобы открыть щёку, а затем Кейли поняла: он хотел поцеловать её.

«Ну нет! Не выйдет в этот раз!» – девушка стиснула зубы и дёрнулась. Его совершенно целомудренный поцелуй пришёлся куда-то в волосы на затылке. И вот тогда, едва она достигла точки кипения, Кейли не сдержалась и сказала:

– Если это всё, что ты мне уготовал, то прошу избавиться от своих касаний!

– Это ещё почему?

Его голос прозвучал необычайно насмешливо, даже в какой-то степени с искренним возмущением. Тогда Кейли во все разозлилась. Она повернула голову и встретилась с хитрым взглядом мужа.

– Мне это надоело!

– Тебе не понравились поцелуи? А по-моему, ты в них преуспела. Вчера ты ответила с таким пылом, что я даже растерялся.

То ли он отупел, то ли играл с нею в какую-то жестокую игру. В полнейшем возмущении Кейли попыталась отпихнуть Александра от себя подальше. Сначала плечом, затем уже обеими руками.

– Да что это с тобой? – спросил он, усевшись с глупым видом на своей половине кровати.

– Со мной? Ты издеваешься? Что всё это значит?! – на минуту она забыла о своей наготе, потом лишь сообразила

прикрыть грудь одеялом. – В Фаунтинс ты сказал, что желал меня. Что ты увидел во мне женщину и... В общем, ты сказал это! Потом ты просто просишь меня раздеться и сам мелькаешь в моей спальне голышом! Но при этом всё, что ты делаешь – только целуешь меня и отворачиваешься!

После этого его взгляд сделался очень серьёзным, почти озлобленным. Отчего так, она не понимала, и это злило ещё сильнее. Кейли крепче прижала к груди краешек одеяла, ощущая себя беззащитной под его взглядом, ставшим таким острым и вызывающим.

– Кажется, я ясно дал понять, что со мной случилось, – произнёс он тихо. – И после всего услышанного ты вдруг захотела, чтобы я исполнил супружеский долг?

Она не могла в это поверить, несмотря на то, что уже обдумывала подобное. Она до сих пор была ему отвратительна. Не лучше любой другой женщины, в которых он видел лишь инструменты для причинения насилия. Ему нанесли такие серьёзные травмы, что одна мысль о близости с нею казалась ему ужасной...

У Кейли задрожали губы, но она стойко велела себе не плакать. В сотый раз она повторила, что он не любит её и никогда не полюбит...

– Зачем ты целовал меня? Зачем ты тогда вообще просил меня раздеваться? – спросила она, глядя на него, словно кролик на удава. – Чтобы унижить? Зачем...

– Что? Унижить? Я хотел смотреть на тебя! У тебя велико-

лепное тело, и оно мне нравится! Нравится так сильно, что я... – он запнулся на полуслове, приняв ненадолго вид обиженного ребёнка. – Ты даже не представляешь, как тяжело мужчине держать себя в руках, когда рядом с ним... Но ты просто ничего знаешь...

Девушка медленно покачала головой, не понимая, кто именно из них сходил с ума.

– Зачем я тебя целовал? Хотел и целовал! Я думал, этого будет достаточно... – на этот раз он говорил уже почти гневно. – Достаточно, чтобы сдержаться и при этом хоть немного тобой насладиться...

– Если это всё правда... почему ты просто не сделал меня своей?

Этот самый вопрос, мучивший её уже несколько дней, сорвался с губ как-то машинально, ненароком. И неожиданно Кейли осознала, что именно мешало этому странному мужчине предпринять попытку вновь взять её. Дело было не в том, что он не желал её или боялся самой близости...

Словно в подтверждение её мыслей Александр уставился на жену взглядом безумца и произнёс так пугающе смиренно, что у Кейли сердце сжалось от боли:

– А ты хотела этого? Думаешь, ты правда хотела этого? Ждала? Да я ещё после той ночи всё решил! Я считал, узнав правду, тебе станет тошно думать обо мне, как о мужчине. И какая нормальная женщина захочет принадлежать грязному испорченному ублюдку?.. А ты что подумала? Что ты

мне противна? Боже мой, Кейли! Сама мысль о том, что мне придётся тебя осквернить, ужасает и приводит в бешенство! Тебя, незапятнанную невинность! Нет, я бы не смог... Я бы лучше руку себе отрубил, но не стал бы этого делать... Да, я поцеловал тебя, а потом захотел ещё, и ещё... но это же сущая мелочь!

Поражённая его словами, его сломленной логикой и кошмарным убеждением в том, что она для него будто Дева Мария, к которой нельзя прикасаться грязными руками, дабы не опорочить, Кейли сидела смирно, ощущая, как глухо и как часто бьётся в груди сердце.

– Ты понятия не имеешь, что со мной делали те, для кого физическое удовольствие и похоть – главное наслаждение в жизни, – сказал Алекс, и она заметила, что его рука, лежащая поверх одеяла, дрожала. – Я был ещё ребёнком, но такое узнал и увидел... а потом и почувствовал! Кейли, к пятнадцати годам я к этому привык и даже сам порой просил, чтобы меня... Но не суть! И после всего этого ты хочешь, чтобы я к тебе прикасался? Вот этими самыми руками?

Будто обезумевший он дёрнулся к ней, протянув раскрытые ладони. А она просто смотрела, едва соображая, с чем столкнулась и как из этого выпутаться.

– Ты ни в чём не виноват, – упрямо повторила девушка то, что уже произносила однажды. – Всё, что было, теперь в прошлом. Меня давно уже не пугает то, что я узнала...

С внезапным жестоким остервенением он отмахнулся

вдруг, отвернулся от неё, и Кейли едва разобрала глухо произнесённые слова:

– Хватит уже этой жалости. Ничего ты не знаешь. Я сам себя ненавижу, а ты хочешь, чтобы я поверил в эти девичьи бредни про любовь...

Это стало уже невыносимо. Как болванчик, он продолжал повторять одно и то же и отстраняться от неё, хотя только что с такой страстью говорил, что наслаждался и её нагим телом, и поцелуями, а значит, ему вовсе не было всё равно. Значит, его ещё не полностью разрушили. Кейли почувствовала, как волна возмущения охватывает её. Она ринулась вперёд, встав на колени легко и грациозно, так что даже не обратила внимание на соскользнувшее одеяло. Кейли схватила мужчину за руку и потянула на себя.

– Не смей отворачиваться! Что ты делаешь? – она ухватила за его предплечье; хотя он и попытался скинуть её руку, ничего не вышло. – Зачем тогда все эти поцелуи? Все эти разговоры? И хватит повторять, что я ничего не знаю! Я знаю! Я не настолько глупа.

– Ага, вот и вернулась капризная нахальная девчонка пятнадцати лет...

– Что?!

Александр грубо, но не сильно сжал её запястье и сверкнул своими голубыми глазами, словно хищник в темноте лесной чащи.

– Всю жизнь ты получала то, что хотела. Росла в неге и до-

статке. Думаешь, по велению твоей руки всё станет хорошо и правильно? Я тоже должен подчиниться твоим прихотям?

– Да ты просто болван! Негодяй!

Тогда он рассмеялся глубоким саркастичным смехом.

– Вот как! Уже негодяй...

– Ты болен...

– Наконец-то ты это поняла!

Это была последняя капля. От возмущения и гнева она застонала, потом принялась толкать и бить его по плечам. Кейли стало всё равно, как она выглядела. Что она совсем голая, путаясь в одеяле, набросилась на этого невыносимого мужчину, которого всем сердцем обожала, а он был настолько убеждён в своём безумии, что даже не пытался пойти хоть на малейшие уступки.

– Ненавижу тебя! – воскликнула девушка, ударив Александра кулаком в грудь, но это, разумеется, не причинило ему вреда.

– А ещё несколько минут назад ты совсем другое пела, – он снова рассмеялся, однако теперь, видимо, её жалкие попытки к атаке его утомили. – Да прекрати же ты! Что за неугомонное создание! Ты меня вообще слушала?

Он поймал обе её руки, затем повалил вдруг на спину. Со сбившимся дыханием и побеждённая Кейли гневно посмотрела ему в лицо. Её кожа, разгорячённая и влажная, блестела в свете от камина.

– Я не святая девственница, чтобы трястись надо мною,

будто я помру от одного прикосновения! – яростно заявила она.

Когда мужчина улыбнулся, вызываяще и надменно, словно одержал ещё одну победу, она начала брыкаться, но он и это сопротивление сумел подавить. В тот момент Кейли почувствовала, что бедром он прижался к ней, и это горячее прикосновение молнией прошло сквозь всё её тело.

– Или ты сейчас же отпустишь меня, и я больше никогда не дам до меня дотронуться, – произнесла она с вызовом, – или...

Она не успела договорить. Его взгляд так резко изменился! Улыбка пропала, а лицо сделалось почти багровым от ярости.

– Да к чёрту всё! – рявкнул Александр, отпустив её руки.

Он отстранился, и Кейли было подумала, что он сейчас выскочит из постели или того хуже, вовсе уйдёт... К её немому удивлению он отпустил её лишь на пару мгновений, чтобы потом схватить в охапку и потянуть к середине постели. Оба одеяла оказались откинuty прочь, и их разгорячённые тела, наконец, соединились.

Едва Кейли успела сделать глубокий вдох, он прижался к ней и принялся неистово целовать. Его руки касались её повсюду, где только могли достать. Это было ещё яростнее, чем той ночью в Фаунтинс. Такое странное взаимное сражение, приправленное бешеным биением сердец и обжигающим губы дыханием. В отличие от прошлого раза Кейли

охотно встретила все его грубые ласки. Она потянулась к мужу, обвила его шею руками и больше не желала отпустить. Теперь он стал ближе, так близко, как это было необходимо. Поцелуй длился и длился, он сводил её с ума, от него бросало в жар. Кейли почувствовала, что вся взмокла, как и мощное напряжённое тело мужа над нею. Ей нравилось ощущать под пальцами его литые мускулы, ласкать плечи и торс. Пока Александр с трудом переводил всё внимание с её нежных губ на шею и ключицы, девушка пыталась прикоснуться к его животу. Она сделала это, дотронувшись до линии жёстких тёмных волос, и мужчина глухо застонал.

Даже это не заставило его остановиться. Александр ещё крепче прижался к ней, словно желая слиться с молодым телом, белеющим на фоне его смуглого тела. Он покрыл поцелуями её шею, затем опустился ниже, медленно проведя кончиком носа от подбородка до впадинки между грудями. Он так шумно и так жадно вдохнул её запах, что Кейли не сдержала экстатической улыбки, а через мгновение почувствовала, как его влажный язык скользнул по левому соску. Это новое ощущение было сравни удару молнии, и девушка застонала, выгнув спину. А затем он повторил ласку ещё раз, и ещё, и снова, но уже с другой розовой вершинкой. Её груди отяжелели, соски затвердели, и стало так невыносимо чувствовать ноющее покалывание между бёдер, что она искренне и требовательно простонала:

– О, ну пожалуйста!

Александр ненадолго поднял голову и взглянул в лицо девушке, распростёртой перед ним, затем просто опустился ниже и коснулся губами её живота. Кейли распахнула глаза, мгновенно осознав, что он замыслил, и хотела было запротестовать, но не смогла пересилить собственное желание. Оно сосредоточилось там, куда двигались его губы, и по какому-то древнему зову плоти она попыталась приподнять бёдра ему навстречу. Ещё один горячий поцелуй, ещё раз он попробовал языком её нежную кожу над островком курчавых волос и вдруг приподнялся.

Его лицо с насмешливой улыбкой оказалось напротив неё, отчего Кейли недовольно застонала. Её неподдельная реакция рассмешила Александра, хотя заметно было, что смеялся он через силу.

– Нет, моя красавица! Сегодня ты этого не получишь! – произнёс он напротив её губ, затем ещё раз страстно поцеловал. – Ты меня победила, так что придётся тебе немного поучиться манерам.

Он говорил насмешливо, но глаза его горели желанием. Правой рукой Александр провёл по открытому для него телу, снизу вверх, и повторил это, задержав пальцы на груди, поласкав её. Затем мужчина снова припал к припухшим губам, и пока их языки сплетались в жарком танце, он опустил руку ещё ниже.

Кейли напряглась, когда почувствовала его пальцы на своём лоне, но напряжение быстро сменилось удовольствием.

Она стала влажной, буквально истекала от желания, и Александр понял это, едва коснулся её женской плоти. Он не прекращал целовать её, лишь иногда позволяя сделать вдох, а рукой умело ласкал местечко, к которому прежде так хотел прикоснуться ртом. В тот миг, когда его палец медленно проник внутрь, Кейли вскрикнула от испуга. Это крик был заглушён очередным властным поцелуем, а когда Александр стал медленно двигать рукой, стимулируя её, лаская, страх отступил, и Кейли смутно поняла, что сейчас должно случиться нечто неотвратимое. Она почувствовала такой прилив страсти, что не смогла сдержаться и, отвернувшись, протяжно застонала.

Её руки крепко сжали плечи мужа, а бёдра напряглись. Александр позволил ей этот томный взглас и, опустив голову, поймал губами розовый сосок. Он не отпускал её, продолжая двигать рукой, затем вошёл в неё вторым пальцем, и Кейли, наконец, ощутила это. Её затрясло от невероятного жара, охватившего всё тело. Инстинктивно она двигалась в такт безумной ласке, не желая, чтобы это мгновение заканчивалось. Она выгнулась, как мурлыкающая кошечка под нежной рукой хозяина, потянула Александра за волосы и впилась в него неистовым поцелуем.

Она и не понимала, что он едва сдерживался. Не понимала, с каким титаническим трудом ему удавалось не ворваться в неё в тот же миг. Жаркая волна желания ещё не отхлынула, и Кейли целовала мужа, словно безумная. От этой страсти,

первой в её жизни и такой острой, она потеряла голову. Когда пальцы мужчины покинули её, она смутно поняла, что он потянул её левую руку куда-то вниз. С огромной неохотой она прервала поцелуй и взглянула на напряжённое лицо мужа из-под полуопущенных век.

– Смотри... посмотри сюда... Коснись меня.

Она сделала, как он велел. В тот момент она сделала бы, что угодно, она умерла бы, прикажи он это. Кейли опустила глаза и увидела, что его мужской отросток стал ещё больше, если такое вообще было возможно. Александр направил её руку на себя, затем помог сомкнуть пальцы вокруг его восставшей плоти. На ощупь он был твёрдым, как камень, и одновременно гладким, приятным как бархат. Кейли продолжала сжимать его член пальцами, проводя ладонью снизу вверх. Затем услышала рядом глухой стон и посмотрела на мужа. Он выглядел так, словно страдал от боли, на лбу и на шее у него выступили капельки пота, а волосы лежали в полнейшем беспорядке, и именно таким он показался Кейли настоящим совершенством. Она поняла, что делала с ним то же, что и он с нею, и ею овладела внезапная нежность, потому что он доверился и захотел, чтобы она ласкала его.

И она готова была продолжать, но вдруг почувствовала, что её ладонь стала совсем липкой. Девушка опустила глаза и увидела на самом кончике дрожащей плоти белесые капли.

– О Боже... я просто не верю!

Едва Александр произнес это почти охрипшим голосом,

Кейли мгновенно оказалась лежащей на спине. Он снова навис над нею, и на миг ей стало страшно, потому что его лицо исказилось от нетерпения. Пальцы коснулись её влажного лона, и машинально девушка решила взглянуть на то, как он снова собирался ласкать её. Она увидела, как его дрожащий член упёрся ей между бёдер, и попыталась было дёрнуться, потому что поняла, что он был намного больше, чем пальцы, и ей наверняка будет больно.

Она не успела пошевелиться, и Александр прижал её к перине, тяжело выдыхая возле её уха, пока рукой помогал себе найти вход. Кейли вскрикнула и вцепилась руками в спину мужа, осознав, что никуда не может деться, и ей придётся принять его орган в себя. Тогда Александр приподнялся на локте и медленно вошёл в неё. Сначала не было ничего, кроме странного ощущения наполненности и напряжения, но когда мужчина выгнул спину и дёрнулся, Кейли почувствовала ужасную боль, какую ещё не испытывала. Александр стал двигаться плавно и часто, и она слышала его тяжелое дыхание и собственные вскрипы. Она не сразу поняла, что эта резкая боль заставила её заплакать.

Она не пыталась оттолкнуть мужа, просто прижалась к его влажному телу, ощущая быстрые толчки, и как его толстый член наполнял её, затем покидал, и снова, и снова. На какое-то мгновение мужчина замер, затем ошеломлённая Кейли увидела, как он приподнялся, не выходя из неё, встал на колени и схватил её разведённые в стороны ноги. Она оказа-

лась полностью открыта для него в этой бесстыдной позе, и он продолжал двигаться, не сводя с девушки помутнённого взгляда. Из своего положения она видела его блестящее от пота тело, вздувшуюся от напряжения вену на обеих руках, которые не позволяли ей двинуться. Видела безумие в его глазах, напряжённое выражение на лице и стиснутые белые зубы.

Его пальцы сильнее сжали ноги девушки, а темп движений убыстрился, стал неумолимым. Кейли вдохнула горячий воздух и зажмурилась, потому что ей всё ещё было больно, к тому же в этой позе она видела, как его плоть погружалась в неё, и ей стало стыдно. Она вцепилась руками в подушку и почувствовала, как мышцы её ног и бёдер напряглись. Девушка коротко закричала, но ничего не кончилось. Александр словно взбесился, продолжая брать её с ещё большим рвением. Он глухо зарычал, когда Кейли попыталась стиснуть бёдра, лишь больше распалив его.

Наконец, сумасшедшая тряска прекратилась, когда он подхватил её под ягодицами и с силой рванул на себя, полностью погрузившись в податливое тело. Кейли увидела, что Александр закрыл глаза, потом резко выгнул спину и издал долгий и глубокий стон. Девушка была не в силах пошевелиться, тело словно стало чужим и не желало слушаться. С расширенными от потрясения глазами она смотрела, как Александр медленно приходил в себя. Он так и не вышел из неё, просто стоял над нею на коленях, запрокинув голову, и

громко дышал. Стоило ему открыть глаза и нагнуться, Кейли заметила, что его дикий взгляд смягчился.

Он действительно нагнулся к ней и снова вжал обмякшее тело в постель. Мужчина прижался к покрасневшим губам, сладким и манящим, и явно не сразу понял, что его поцелуи остаются без ответа.

А через сколько мгновений он отпрянул, уставившись на девушку, словно впервые её увидел.

– Ах ты маленькая дикарка! – прошипел он больше от неожиданности, чем злости, утерев с губ каплю крови большим пальцем. – Ты меня укусила!

– Да, именно!

– Зачем, чёрт возьми?!

– Ты сделал мне больно!

Кейли была так зла, так обижена и искренне возмущена, что попросту растерялась, когда Александр хрипло засмеялся вместо того, чтобы разгневаться.

– Как ты смеешь смеяться надо мной? – воскликнула она. – Я думала, что умру здесь!

Она попыталась подняться, но мгновенно почувствовала плоть мужа в себе, и он ответил на её резкое движение глухим стоном. Всё ещё улыбаясь, как нашкодивший мальчишка, Александр лёг на неё, без труда подавив попытки к сопротивлению. Теперь их лица находились совсем близко.

– Твоя матушка разве не предупреждала, что в первый раз будет неприятно? – спросил он так буднично, что Кейли ми-

гом зарделась, ведь при этом он вызывающе качнул бёдрами.

– Она... да, говорила что-то такое... Анита тоже обмолвилась...

– Вот как! Целый легион из умудрённых леди давал тебе советы по поводу первой брачной ночи? – усмехнулся Алекс. – И теперь виноват я?

– Разумеется! – сказала она упрямо.

– Почему? Разве я не подарил тебе незабываемое наслаждение? Ты забыла уже, как стонала тут от удовольствия?

Он был прав, и это взбесило её. Не зная, чем парировать, Кейли попыталась оттолкнуть его, но не смогла. До безумия довольный собой мужчина отыскал её губы и заставил раскрыть их, чтобы впустить его язык. Он целовал её до иступления, пока снова не поднял голову:

– Мне жаль, что тебе было больно. Но клянусь, это единственный раз! Больше никогда ты не почувствуешь такую боль.

– Правда? – спросила Кейли недоверчиво.

– Даю слово! И ты всё же отчасти права. Не стоило мне так усердствовать... Но это и твоя вина тоже! Я из-за тебя потерял контроль.

– Я виновата?! Ты просто животное! Даже не думай перекладывать на меня ответственность, иначе я...

Он не позволил ей договорить, заткнув рот очередным долгим поцелуем. И Кейли, прекрасно осознав своё положение и вспомнив, как сама отдавалась ему в беспамятстве, по-

немногу успокоилась.

Он стал двигаться, медленно и осторожно, так что она сразу почувствовала его внутри себя. Боль утихла, осталось лишь смутное ощущение распираания и скольжения. И она позволила ему продолжить, безропотно подчинившись, потому что, едва он приподнялся над нею, увидела его горящий страстью взгляд и не смогла сопротивляться. Александр снова взял её, на этот раз неторопливо, смакуя каждое движение, и вскоре излился в неё во второй раз, издав такой волнующий стон, что Кейли невольно залюбовалась его лицом, на котором в момент достижения экстаза отразилось совершенное удовлетворение.

Когда он отстранился и принялся ворошить одеяла вокруг них, чтобы укрыться, Кейли осознала, наконец, что истинно стала его женой. Она глядела на его профиль, на смуглое сосредоточенное лицо и лёгкую усмешку на красивых губах, и думала, что, возможно, смогла не просто помочь ему, но и разбудить в этом мужчине что-то, о чём он сам не подозревал.

Ей казалось, что уснуть не получится. Но едва Александр накрыл её влажное тело одеялом, а сам пристроился сзади, сжав в ладонях её грудь, Кейли почувствовала себя безумно счастливой и такой же безумно уставшему. Она быстро заснула с одной единственной мыслью. Она победила.

Глава 18

Александр проснулся около шести утра, когда ещё было

темно, и, судя по отблескам из окна, снаружи шёл снег. Мужчина потянулся и увидел, что почти не прикрыт, зато его жена, свернувшись клубочком почти на краю постели, была укрыта одеялом до подбородка. Алекс осторожно, чтобы не разбудить, придвинулся к ней и отвёл с лица спутанные волосы.

Кейли спала, как ребёнок, подперев кулачком подбородок и чуть приоткрыв губы. Александр улыбнулся, вспомнив, как этот самый кулачок яростно бил его по плечам, а эти самые губы – такие розовые и мягкие – встречали его неистовые поцелуи с ещё большим рвением. Она действительно победила его своими искренностью и напористостью. Хотя теперь сложно было утверждать, что он не сдался бы сам. Не этой ночью, так какой-нибудь другой.

Он думал, что ей не нужна эта близость, пусть она и любит его, но отдаться такому человеку, как он... Он думал, это было выше неё, и что пытаться сохранить её невинность было правильным решением. Он ошибся. Едва увидев её без одежды, Алекс понял, что от его стойкости и следа не осталось. И когда Кейли оказалась с ним лицом к лицу, всё мигом пошло прахом – все благородные попытки удержать её подальше от трясины, в которой он увяз ещё в детстве.

Но это случилось, и вот он лежит рядом с нею и не может поверить в то, как это было хорошо... и взаимно. Алекс откинулся на подушки и потёр переносицу, пряча глупую улыбку за рукой. Она приняла его, как мужчину, она даже

наслаждалась его ласками. Никто из них не пропал, не сбежал или сошёл с ума – всё оказалось правильным, будто встало на свои места.

Он был полным дураком, раз прежде собирался игнорировать такие сильные чувства. И возможно, дальше станет только лучше. Возможно, он даже будет хорошим мужем, и у них появятся дети...

Ночью захмелевший виконт прямо намекнул ему, что ждёт не дожждётся внуков, и Александр не знал, что ему ответить, потому что на тот момент даже не мечтал сделать Кейли своей. Но случилось неизбежное, они оба потеряли голову от страсти. Он снова взглянул на спящую жену и почувствовал, как радость в нём слилась с ревностью и гневом. Привыкшая получать желаемое, эта наглая девчонка получила и его. Он же предстал каким-то суеверным дураком и вдобавок негодяем с задетым мужским самолюбием и гордостью. Если бы эта ночь не была такой невероятной, он, пожалуй, разозлился бы по-настоящему.

Как бы там ни было, что бы он себе ни воображал, чего бы ни боялся прежде, теперь Кейли принадлежала ему. Он открыл в ней чувственную женщину, со страстью отзывающуюся на любовные игры. Ненадолго он представил, чему мог бы научить её, так что в то же мгновение его член затвердел, и острое желание сосредоточилось в паху. Он захотел взять её немедленно...

Это было непривычно и так быстро, что на миг он попро-

сту испугался собственной реакции. Эта девчонка действительно сводила его с ума, и если бы он только мог заниматься с ней любовью всю ночь беспрерывно...

Когда Кейли пошевелилась и медленно повернулась в его сторону, вытянув из-под одеяла руку, Алекс пришёл, наконец, в себя. Она глухо застонала, видимо, ощутив боль между бёдер, потому что её бледное лицо тут же исказилось. Затем она открыла глаза, а увидев проснувшегося мужа перед собой, растерялась.

– Ещё очень рано, – произнёс Александр. – Можешь отсыпаться.

Кейли покачала головой и приподнялась, прижав к груди одеяло. Спросонья хлопая глазами, она осмотрелась, задержав внимательный взгляд на обнажённом торсе мужчины, и тихо сказала:

– Так мне это не приснилось? Ночью мы действительно...

– Да, не приснилось.

– Ох, понятно! Так я и в самом деле вела себя, как...

Александр усмехнулся. Он принял более удобную позу, так что одеяло оказалось зажатым между его ног, а остальное тело открыто взору.

– Вела себя, как кто?

– Я не знаю... не знаю, что сказать...

Она выглядела смущённой и очень пристыженной. Ночная любовная магия испарилась и, видимо, она постепенно вспомнила своё поведение. В какой-то степени это было за-

бавно, но Алекс надеялся, что вскоре она избавится от этого ненужного смущения, иначе забава обратится раздражением.

– Ты уже жалеешь о том, что мы делали? – спросил мужчина нарочито обижено.

– Нет, вовсе нет, но... я никогда не была такой... Мне кажется, это неправильно.

– Почему?

– Потому что... жена не должна вести себя так... бесстыдно.

– Какая глупая мысль! То, что мы делаем за закрытыми дверями – лишь наше с тобой дело. В постели нет места целомудрию и холодному расчёту. Мы же не пуритане!

Кейли отвела глаза в сторону, задумавшись, а Александр, протянув руку, погладил её по нежной горячей щеке.

– Ты помнишь удовольствие, которое испытала благодаря мне?

Девушка кивнула, всё ещё не глядя на него.

– А я рад, что ты доставила удовольствие мне.

– И я рада... Но боюсь, что не смогу это повторить... и ты разочаруешься.

– Думаешь? А вот я убеждён, что в следующий раз будет ещё лучше. Ещё приятнее. – Он наклонился к ней, тогда Кейли встретила с ним взглядом. – Ты хочешь, чтобы я взял тебя снова? Чтобы ты стонала от наслаждения, как никогда прежде?

В её чудесных глазах под длинными густыми ресницами отразилось такое искреннее, неподдельное удивление, что он не смог сдержать победную улыбку. Кейли замешкалась, затем сглотнула и едва заметно кивнула.

– Значит, я всё делала правильно? И тебе правда было приятно?

Он сразу понял, почему она спрашивала об этом. Прежде женщины не вызывали у него столь острого желания, он никогда не реагировал на чьи-то обнажённые плечи или чересчур низкий вырез платья так, как другие, более заинтересованные мужчины. С Кейли он больше не думал о позорном прошлом, не вспоминал даже про Эшбёрна... Он действительно почти не вспоминал про отчима с тех пор, как они прибыли на остров.

– Если бы я знал, как будет, тогда... наверное... – он не договорил, потому что мысль, которую он собирался выразить, была бы слишком жестокой по отношению к Кейли.

Она любила его чистой девичьей любовью вот уже почти четыре года, а он застрял в своём замкнутом мирке из порока и равнодушия. Он не хотел, чтобы она окунулась в него тоже, но было уже поздно.

Взъерошив рукой волосы, на выдохе он произнёс:

– Да, ты всё сделала правильно, и нечего тут стыдиться.

Она улыбнулась и показала ему совершенно милой и такой юной, словно ей снова было пятнадцать. И даже несмотря на это, он хотел её. Несмотря на их разные характеры и

жизненные пути, он хотел её... Сейчас, когда она лежала перед ним, едва прикрытая, и густые спутанные волосы спадали ей на плечи и грудь светлыми волнами, а улыбающиеся губы были такими манящими и сладкими... он хотел её больше всего на свете.

Наверное, она поняла это по его пристальному суровому взгляду. Девушка придвинулась, вытянула шею и поцеловала его в сомкнутые губы. Он не успел ответить, и она, всё ещё смущённая, спросила:

– Ты хочешь и сейчас заняться любовью?

Александр пришлось заставить себя сдержаться и не схватить её в тот же миг. «Я не знаю, какой бес сидит в этой женщине, – подумал он вдруг, – но если кто-нибудь решит отнять её... я убью любого». Он вспомнил произошедшее на королевском балу и разгневанного младшего брата, но тут же постарался отогнать это видение прочь.

Алекс поцеловал жену нежно и в то же время так собственнически, словно желал дать ей понять: теперь он будет единственным мужчиной, кто может к ней прикасаться. С огромным усилием он заставил себя сказать, что им лучше отложить любовные игры на потом, ведь ей всё ещё может быть больно. Он хотел было заставить Кейли раздвинуть ноги, чтобы взглянуть, не повредил ли он её ночью, но передумал. На вопрос, как она себя чувствовала, Кейли ответила, что всё в порядке, и он поверил.

Затем он просто укрыл их обоих одним одеялом и, когда

девушка положила голову мужу на плечо, прижав руку к его груди, постарался уснуть.

В церкви Святого Петра, построенной ещё в XIV веке и в деревушке Шорвелл (однако местные произносили название не иначе, как Шоррел) ближе к закату стало совсем мало прихожан. Кейли знала об этом, поэтому пришла на исповедь одной из последних. Виконт Саутфолк всегда был щедр на пожертвования местным церквям, поэтому его единственную дочь и наследницу, такую вежливую и обходительную девушку, встречали здесь с радостью.

На следующий же день после рождественской ночи Кейли пришла и попросила священника исповедать её. Никогда прежде ей не было так неловко находиться в стенах святого места, тем более говорить о том, что тяготило её больше всего. Заикаясь и краснея, Кейли излила душу за деревянной решёткой, после чего спрятала лицо в ладонях и умолкла.

– Дочь моя, – вздохнул служитель устало, – ещё в послании Коринфянам сказано: «Женатый муж заботится о земных делах и о том, как угодить жене своей, и потому он – не цельная личность. Незамужняя женщина или девственница беспокоится о делах Божьих, чтобы стать святой телом и духом своим, замужняя же женщина беспокоится о земных делах и как угодить мужу своему». Муж есть господин жены... Скажи мне, по любви ли ваш союз?

Пискнув короткое «да», Кейли понадеялась, что за эту ма-

ленькую ложь на неё не свалится церковный потолок.

– Тогда будь смиренна и не стыдись проявления искренних чувств. Ибо, если господин твой так же искренен, тебе не в чем каяться. Но не хвались любовью, не гордись ею даже в мыслях, ибо то есть грех.

Кейли кивнула и, пока священник за решёткой осенял её крестом, подумала о том, что в действительности накручивала сама себя. Александр был прав, и то, что она ощутила в его объятьях, оказалось не только порочной реакцией смертного тела, но и честным откликом её души.

Всё же в большом прохладном зале церкви она встала на колени на каменных плитах под алтарём и величественным витражом и стала так усердно молиться, что потеряла счёт времени, а снаружи почти стемнело. Напоследок она крепче сжала сплетённые пальцы и горячо произнесла:

– Я так сильно люблю его, и пусть это будет моё самое эгоистичное желание, но я умоляю Тебя проявить милосердие! Пусть он тоже полюбит меня! Хоть немножко... Дай ему хоть каплю от моей любви... Всего остального нам хватит на двоих!

Она перекрестилась и, поднявшись на ватных ногах, покинула церковь. Благо, за оградой ей встретилась знакомая матрона, прибывшая на остров к родне из деревни. В компании этой весёлой болтливой женщины Кейли было куда приятнее возвращаться домой.

Празднующих деревенских было слышно отовсюду, даже

с самой дальней объездной дороги. По пути в Чотонфилд Кейли и её спутница слышали отзвуки громких песен, им также повстречались знакомые, обходившие ближайшие дома, и простые фермеры, которые узнавали юную виконтессу и кланялись, снимая головные уборы. В это время, когда совсем свечерело, а падающий снег обратился крупными хлопьями, Александр находился снаружи коттеджа вместе с одним из подчинённых виконта. Они обсуждали расчистку всех дорожек и веранд, когда Кейли подошла ближе.

Её муж оделся не по погоде, несмотря на то, что не было морозно, без пальто и головного убора даже самый крепкий офицер мог заработать простуду. Кейли уже собиралась было напомнить ему о недавней лихорадке, когда мужчина обернулся к ней и улыбнулся так обезоруживающе, что у неё дыхание перехватило. Как же он красив и статен! Снег вокруг него создавал какую-то особую зимнюю магию, белые хлопья оседали на его волосах, на кончике носа, и тут же таяли. А Кейли, заморожённая, желала лишь одного: броситься мужчине в объятия, целовать и не отпускать, как можно дольше.

Ещё один день закончился приятным ужином, за которым даже молчаливый Александр разговорился; пока они с виконтом обсуждали положение дел на Средиземном море и разросшуюся деятельность алжирских пиратов, Кейли с неприкрытым обожанием наблюдала за мужем, попутно напоминая себе о грядущей ночи, которую, разумеется, они

проведут без сна.

Как только свечи в люстрах большой столовой были погашены, а зевающая на ходу прислуга разошлась по своим комнатам, Александр поднялся вместе с женой по парадной лестнице и, не удержавшись, прижал удивлённую девушку к себе уже возле самой двери спальни. Они вошли в комнату, невпопад улыбаясь и целуясь, словно шекспировские влюблённые, затем мужчина принялся судорожно снимать с себя одежду. Получалось у него это не слишком грациозно, и Кейли засмеялась, но меньше, чем через минуту ей было уже не до смеха. Обнажённый, с хитрой ухмылкой на лице, Александр подхватил её на руки и, уронив на заправленную постель, стал поспешно раздевать, не обращая внимание на невинные девичьи протесты по поводу дорогого платья, нижних сорочек и чулок.

– Вот ты и в моей власти, красавица, – прошептал он, с жадностью впиваясь взглядом в обнажённую грудь и белый, мягкий живот жены. – Как же ты хороша! Весь день было настоящей мукой смотреть на тебя без возможности дотронуться. А ты всё время где-то пропадала! Ну что же, придётся заплатить за это сполна...

Кейли знала, что зарделась, но заставила себя побороть смущение, хотя его откровенные фразочки до сих пор заставляли её краснеть.

– Лично я готова, ты даже не представляешь, насколько! А вот хватит ли сил у тебя?

Она бросила Александру вызов, игриво улыбнувшись, и он принял его, а заодно и правила этой невероятно приятной игры. Мужчина упёрся коленом в край кровати и медленно, словно дразня, стянул с Кейли чулок – последний предмет одежды, который на ней оставался. Девушка приподнялась на локте, когда Алекс наклонился, и охотно встретила его жаркий поцелуй. С этой минуты они практически не отрывались друг от друга. Кейли всем своим естеством ощущала, как он хотел её, и она отдалась всецело, отбросив остатки стыда.

Сначала она постаралась сосредоточиться и сделать всё так же, как и предыдущей ночью, но, едва их тела прижались друг к другу, едва Алекс лёг на неё и оказался между разведённых бёдер, она почувствовала, что он не мог больше ждать. Почувствовала это в его неистовых поцелуях, в движениях рук и быстрых касаниях к её истекающему лону. А через мгновение он уже вошёл в неё, и Кейли успела лишь раз крикнуть от неожиданности.

Больше не было никакой боли, никакого смущения. Кейли едва не задохнулась от острого чувства наполненности, после которого, едва мужчина стал двигаться, сначала плавно и медленно, затем всё быстрее, она почувствовала, как наслаждение сковало её тело, ставшее вдруг чужим. И словно все остальные ощущения в мире испарились.

За собственными громкими стонами Кейли не слышала, как тяжело дышал и, стиснув зубы, почти шипел Алекс. Его

момент освобождения был близок, и он беспощадно толкался в неё, сильно, грубо, наплевав на все условности. Кейли запрокинула голову и, не зная сначала, куда деть руки, просто схватила себя за груди и сжала их. Александр увидел это, увидел её раскрытые губы и рассыпанные по подушке волосы, на которые падал лунный свет из мутного окна... Он видел её, совершенную, открытую для него, только для него, и думал, что умирает от наслаждения.

Наконец Кейли затрясло, её бёдра сковало внезапное вязкое ощущение, и она закричала, дёрнувшись в экстазе. Она всё содрогалась на этом пике страсти, и Алекс наклонился, чтобы поцеловать её, успев поймать ртом её возгласы и стоны. Через пару мгновений он замер над нею, и Кейли, всё ещё пребывая где-то между двумя мирами, успела увидеть его взгляд, помутнённый от желания. Она смутно почувствовала, как он излился в неё, и стало очень горячо, а потом почти сразу выскользнул, и девушка ощутила влагу на своём лоне.

Чтобы не давить на неё тяжестью своего тела, Алекс улёгся рядом. Сначала на спину, чтобы немного отдышаться, затем на бок, вплотную к ней, и Кейли сама повернулась к нему, обняв за шею и поцеловав во впадинку между ключицами. Его кожа была солоноватой от пота, но запах его тела показался ей пьянящим и приятным. Быстрым движением Александр закинул её левую себе на бёдра, и Кейли почувствовала, как его плоть упёрлась ей между ног... Это ощу-

щение сводило с ума. Он был так близко, ещё чуть-чуть, и она снова могла быть наполнена им. От этой мысли Кейли хотелось стонать, и она крепче прижалась к мужу, лаская его широкую грудь ладонью.

– Тише, тише, красавица моя, – прошептал Алекс, улыбаясь между короткими поцелуями, – я тебя чувствую...

– А я тебя!

– Ты не устала? Я не сделал тебе больно?

Она коротко засмеялась и потёрлась щекой о его плечо.

– Ах, о чём ты? Я прекрасно себя чувствую! Но разве это всё?

– Конечно, нет, но я не хочу тебе навредить. Ты стала женщиной только вчера, и долгие ласки могут оставить неприятный след на твоей коже...

– Я уже говорила, не стоит опекать меня, как маленькую. Если я в порядке, значит, всё хорошо, – она с нежностью взглянула в обеспокоенное лицо мужа и улыбнулась, коснувшись рукой спутанной копны его волос. – Мне так нравится то, что ты делаешь. Иногда я словно схожу с ума, но всё же... Мне нравится быть твоей!

Она видела, что он хотел ответить, он и собирался сказать что-то, однако вместо слов просто подхватил её рукой под ягодицей и медленно ввёл член внутрь, затем резко дёрнул девушку на себя, отчего Кейли вскрикнула, но через мгновение покорно прижалась к его твёрдому телу. Он снова стал двигаться в этой странной позе, и где-то на задворках созна-

ния Кейли поняла, что это было самым невинным из того, что он знал и умел. Они лежали на боку, лицом друг к другу, одной рукой Александр держал Кейли за бёдра, другой схватил за длинные волосы на макушке, так что теперь она не могла отвернуться. Он брал её с такой силой, что его напряженное раскрасневшееся лицо расплывалось у Кейли перед глазами, но это не продлилось долго, и он кончил с глухим стоном, закатив глаза в экстазе. И она видела это, и не могла поверить в то, что это происходило с ней, с ними обоими.

Она думала, что он снова отпустит её, но как только его член покинул её тело, Алекс опрокинул девушку на спину и впился ртом в её сосок, дразня сначала языком, потом с шумом втягивая его губами. Кейли ощутила, словно сотни игл пронзили её ослабевшее тело. А он всё продолжал сосать, бесстыдно поднимая на неё глаза, словно желая узнать её реакцию. А потом (она даже не заметила, как быстро) его язык оказался между её ног, и Кейли задрожала от наслаждения, наконец, познав самую мучительную ласку, какую он только мог придумать. Когда к этому безумному языку присоединились и пальцы, Кейли подумала, что вот-вот сойдёт с ума. Её трясло, бёдра сковывало волнами жара снова и снова, а он всё не отпускал её. И иногда она слышала, но будто издали, как он звал её и шептал какие-то непристойности, правда, она не поняла их, да и был ли смысл, потому что её снова пронзало сумасшедшее ощущение блаженства.

Наконец, опустошённая после этой ласки, Кейли превра-

тилась в безвольную куклу, потому что тело ослабло так, что она даже руками пошевелить не могла. Лёжа на scom-канных влажных простынях в бесстыдной позе, она видела, как Алекс улыбался, разглядывая её, и в этом пристальном взгляде угадывалось восхищение... и ещё больше желания. Она почти удивилась, когда он приподнял её за бёдра и придвинулся ближе, приставив головку вздыбленной плоти к её входу. Он двинулся резко, безжалостно, и она дёрнулась в его руках, не в силах пошевелиться.

«Он не может уже быть готов... Поверить не могу... Неужели в нём до сих пор остались силы?» – мелькало молнией в её голове, пока Александр брал и брал её, снова и снова, будто они и не начинали вовсе.

Она не поверила своим ушам, когда, всё ещё оставаясь в ней, но двигаясь плавно, почти полностью выходя из неё и снова вторгаясь, он наклонился к её лицу и прерывисто прошептал:

– Теперь ты видишь... как это может быть?.. Впредь не берись... дразнить меня... О Боже, как хорошо!

Когда любовные игры, наконец, закончились, и когда он, совершенно удовлетворённый и такой же опустошённый, как его молодая жена, упал на спину рядом с ней, Кейли инстинктивно свела ноги вместе и поморщилась. Но уже через минуту никакого дискомфорта или боли она не ощущала. Стало тихо, и кроме их общего выровнявшегося дыхания ничто не нарушало эту тишину. Александр потянулся будто

довольный ленивый кот, повернулся к жене и сказал:

– Надеюсь, ты довольна? И не упрекнёшь меня больше в том, что я могу «рано закончить»!

Эти слова странным образом показались ей забавными, так что Кейли лишь вымученно засмеялась, тихо, почти неслышно. Мужчина коснулся её правой груди, слегка сжал в ладони и поигрался большим пальцем с затвердевшим соском, отчего Кейли застонала. Алекс улыбнулся и произнёс:

– Прости, но удержаться так трудно... Всё-всё, не смотри ты так! Я не стану тебя больше истязать. На сегодня хватит. Я и сам выжат до последнего... Но будет ещё много ночей, обещаю.

– Много ночей...

Кейли улыбнулась и зевнула, затем Александр укрыл их обоих одеялом. Девушка мигом прижалась к нему, вытянувшись вдоль его могучего тела, и вдруг подумала о том, что такой счастливой она ещё никогда не была и, возможно, не будет.

Через шесть дней наступил новый год. И все эти несколько чудесных дней Кейли чувствовала себя на седьмом небе. Её отец пребывал в добром расположении духа, шутил и улыбался, часто вспоминая покойную супругу. Вечерами, когда снаружи неслышно падал снег, укрывая голые поля и древние строения, виконт вместе с дочерью усаживался за пианино и подыгрывал ей очередную хорошо знакомую мелодию. Иногда заглядывали гости. Иногда Александр, обыч-

но безучастный и тихий наблюдатель, играл против тестя в шахматы, партия за партией, пока Кейли читала или вышивала вместе с Оливией, и они совершенно забывали о времени.

Дни протекали спокойные и мирные, типичные праздничные дни в деревне. А ночью, едва Александр запер за собой и женой дверь спальни, Кейли спешила распустить собранные в две косы волосы, потому что он любил зарываться в эту золотистую копну лицом, вдыхать их аромат и пропускать волнистые локоны сквозь свои пальцы. С этой минуты внешний мир переставал существовать для них обоих, и из молчаливого капитана Алекс превращался в опьянённого желанием любовника, который с каждым разом открывал для юной супруги новые эротические тайны.

Иногда Кейли понимала, что он мог быть невнимателен и груб, но это лишь сильнее распяляло её. Ей нравился его необузданный нрав и поведение дикаря, когда в самые жаркие минуты она становилась для него центром вселенной, и ничто больше не имело значения. И хотя порой, падая рядом с женой на спину и утирая ладонями лицо, Алекс бормотал ругательства и проклинал себя за несдержанность, Кейли тихо смеялась, потому что он не понимал, как сильно возбуждали её эти грубые офицерские ласки.

Он научил её такому, о чём, пожалуй, даже всеведущая графиня Бриджертон не догадывалась. Разумеется, ни о чём подобном Кейли прежде не знала, а поначалу вовсе проти-

вилась, поминая Божью кару. Но Александр умел убеждать, и под его руками, его телом и волей она становилась такой покорной, что все условности отходили на второй план.

Ей нравилось наблюдать, как он терял контроль. Она стала хорошо понимать, почему Алекс любил разглядывать её во время любовного акта, и её это больше не смущало. Кейли узнала, как доставлять ему наслаждение, и при этом ощущала свою власть над ним, так что порой они с радостью менялись ролями.

Иногда, засыпая на рассвете, Кейли с тоской думала, что добилась своего совсем не так, как ей того хотелось. Несколько раз, будучи на пике наслаждения, она едва не проговорила, что любит его. Ей бы хотелось прокричать эти слова, пока он был в ней, пока его самого уносило прочь на волнах наслаждения, но каждый раз она вовремя сдерживалась. Он не скажет ей того же самого, и эта жестокая мысль отрезвляла её лучше любого средства.

Она стала замечать, как во время прогулок по заснеженному саду или за весёлыми трапезами Александр пристально смотрел на неё, слегка сощутив глаза и держа ухмылку на губах, которая придавала ему некий загадочный вид. Кейли хотелось верить, что он уже полюбил её, поэтому был так внимателен, а ночами не давал покоя и дарил невероятное наслаждение... Но гаденький голос в её голове всё повторял: «Он не верит в любовь, он считает это глупостью. Ему нравится твоё тело. Он просто занимается тем же, чем и прежде,

как с другими женщинами до тебя, но с удовольствием, потому что ты красива и послушна, и принадлежишь ему...»

Кейли не могла заставить этот голос замолчать. Из-за него она продолжала нервничать и бояться проговориться.

И вот в одну из ночей, когда Александр довёл её до полного изнеможения, взяв сзади, внезапно, быстро и грубо, она закричала, потеряв голову от страсти, и произнесла ненавистные три слова.

Она сразу же почувствовала, как он напрягся. Он отпустил её, повернул лицом к себе, и Кейли увидела, что он был растерян настолько, что не мог ничего сказать... И она улыбнулась, притянув его к себе, обвинив его тело руками и ногами, и произнесла:

– Не нужно ничего говорить, слышишь? Я не жду от тебя ответа. Ты и так знал, что я люблю тебя... Мне этого достаточно, пока ты рядом.

– Кейли, я... – прозвучал его хриплый голос.

Но она с жаром поцеловала его, а потом прошептала:

– Всё хорошо. В конце концов, два раза я уже одержала верх. Возможно, однажды ты тоже полюбишь меня...

Ей показалось, что на его лице отразилась невероятная мука, словно она сделала ему больно... Но в тот раз он ничего не сказал. Лишь неопределённо пожал плечами, отвернувшись, затем уложил Кейли рядом с собой и быстро заснул. Для себя же она решила, что ждать чего-то, тем более просить, от человека, пережившего столько горестей и стра-

даний, как он, было бы несправедливо. Она знала, что однажды сможет смириться...

А через пять дней после наступления 1820 года пришло письмо из Рипона. Александра ждали в училище неотложные дела, тем более, что герцог Веллингтон хотел придержать для него место в Палате вооружений, что, разумеется, было большой честью для молодого капитана, а посему он обязан был поскорее вернуться.

С горьким чувством сожаления Кейли наблюдала, как шли приготовления к отъезду. Снова придётся запереть этот дом, в котором она познала столько счастья, снова придётся вернуться туда, где Александр будет днями пропадать из конторы в контору и добиваться для себя нового статуса. Она была рада за него, но вместе с этой радостью примешивалась ревность. Ей хотелось, чтобы он был рядом не только ночами... потому что ночами он знал и хотел только её тело.

И, в конце концов, им придётся вернуться в Фаунтинс, где не будет её отца, а Эшбёрн с лёгкостью сможет приходить, когда ему вздумается.

К десятому января, ровно за месяц до её дня рождения, все сборы были завершены, и Кейли с грустью наблюдала из окошка экипажа, как удалялся за снежной стеной Чотон-филд и его окресты.

– Не печалься, родная, – утешал её ласково виконт. – Мы сюда обязательно вернёмся. Все вместе. А, возможно, нас к тому времени станет ещё больше...

– Возможно, – произнёс Александр, задумчиво глядя на жену, которая уже предательски покраснела.

В Фаунтинс всё оставалось по-прежнему, но для Кейли словно закончилась та невероятная магия, соединившая её с Александром в коттедже на далёком острове. Без компании отца, пока супруг занимался делами и всё больше сближался с окружением герцога Веллингтона, Кейли начала скучать. Поездка в резиденцию Бриджертонов немного развлекла её, но счастливый вид заметно располневшей Аниты заставлял Кейли ощущать себя ещё более одинокой.

Несколько раз она получала короткие письма от Джорджа из Виндзора. Он извинялся, но не слишком искренне. К тому же извинялся он исключительно перед нею. О брате даже словом не обмолвился.

Кейли видела Александра так редко, что, казалось, она снова теряла его. Она засыпала в одиночестве и просыпалась без него, хотя ночь он проводил в её постели. Порой она оборачивалась к нему, гладила рукой его небритую щеку и почти невесомо целовала в сомкнутые губы. Совершенно уставший он спал так крепко, что не отвечал ей.

Когда спустя полторы недели в Фаунтинс-холл явился сам Артур Уэлсли, первый герцог Веллингтон, национальный герой и знаменитый фельдмаршал, Кейли осознала, насколько велико было его мнение об Александре, и она постаралась изо всех сил произвести наилучшее впечатление на этого статного брюнета с длинным орлиным носом и глубокими

кариими глазами.

За праздным ужином он похвалил молодую виконтессу и высказался о том, что желал бы видеть капитана Стоуна в числе своих приближённым в Плимуте, поскольку в октябре прошлого года стал его губернатором. Также Александру нашлось бы место в Оксфорде или Лондоне, в вестминстерском министерстве иностранных дел. Оглушённая всей этой информацией Кейли слегка потеряла нить разговора, поскольку дальше Александр и герцог завели не примечательный диалог о политике и беспокойном положении между Францией и Алжиром.

И единственное, о чём она с ясностью подумала в ту минуту, что на самом деле проиграла именно она. Александр владел её телом и разумом, занимал все её мысли, без него ей казалось, будто воздуха не хватало. Это было пугающе сильное чувство зависимости, от которого она уже никогда не избавится.

Глядя на то, с каким задором Александр отвечал Веллингтону, на его великолепную улыбку, и слушая его искренний смех, Кейли молилась в собственных мыслях, заставляя себя быть сильной.

«Скоро всё наладится, – размышляла она. – Ему нужна эта работа, чтобы никогда больше не смотреть на отчима, как на единственного идола. Он станет свободен от его ядовитого влияния... Может быть, тогда он полюбит меня?»

Той ночью, проводив экипаж Веллингтона за ворота,

Александр пришёл в спальню жены и увидел её сидящей перед зеркалом. Кейли плакала, и он оторопел. Она так глубоко окунулась в своё отчаяние, что даже не заметила его прихода.

Она плакала, потому что он стал единственным, ради кого она существовала. Плакала потому, что её напугала страшная мощь этой любви, и она устала быть её покорной рабыней. Наконец, она плакала потому, что не желала становиться такой же эгоисткой и собственницей, как Эшбёрн. Александр может и должен жить без её постоянного присутствия рядом... потому что он свободен от всех привязанностей... и от неё тоже.

Когда он бесшумно приблизился, встал рядом с нею на колени и попытался обнять, она не стала сопротивляться. Он ничего не спросил. Алекс осторожно подхватил девушку на руки и отнёс к постели. Там он просто лёг рядом и стал целовать слёзы, нежно лаская руками её напряжённые плечи, шею и спину.

Она не желала большего. Лишь бы он не покинул её. И только на минуту представив, как её девичий эгоизм и капризная влюблённость могут отпугнуть его, Кейли испугалась и разрыдалась, отпустив Оливию и оставшись в одиночестве в своей спальне.

Теперь он был рядом, целовал её, ласкал и шептал «моя милая». Всё остальное было не важно, иные слова просто ни к чему. Она уже давно знала, что была создана только для

него.

Глава 19

Вести о смерти сына короля, Эдуарда Августа, который лишь недавно возвратился в Англию, застали Александра в конторе Веллингтона в Оксфорде. Многие приближённые, в том числе и сам Александр, знали, что принц Эдуард был тяжело болен, но никто и вообразить себе не мог столь фатальные последствия. А ведь его лечением занимались лучшие доктора...

Веллингтон вошёл в офис не один, вместе с ним прибыл российский посол от императора Александра Павловича. Оба бледные, небритые и раздражённые, они уселись за стол, пока капитан Стоун приводил в порядок бумаги, и разговорились о сложившейся ситуации. Затем подали чай, и беседа пошла немного живее.

Граф Сухтелен со своей стороны сетовал на раскол между братьями, сыновьями покойного императора Павла I, и полной неразберихой в их престолонаследии. Ходили слухи, что ныне действующий Самодержец подумывает уже об отречении в пользу брата Константина, который сам не горел желанием править. Веллингтон соглашался с тем, что подобное положение дел нужно исправлять, в то время как их собственный старик-король в состоянии настолько ужасном, что, того гляди, вслед за сыном помрёт, тогда официально королём станет принц-регент, Август Фредерик, он же Георг IV – самый непопулярный и нелюбимый у народа. А вдоба-

вок у него наследников вообще не имеется, ведь единственная дочь Шарлотта умерла три года назад.

Алекс закончил с бумагами и сел напротив Сухтелена. Стоун посетил как-то Варшаву, где мельком встретил того самого Константина – потенциального наследника после его брата. В то время он был главнокомандующим польской армии и полностью оказался погружён в смотры и реформации среди состава новых войск. Вскоре он стал переживать кризис в связи с неприятием со стороны Царства Польского. И, судя по всем рассказам Сухтелена, кризис этот не прошёл. Алексу нравился Константин, его стойкость, мужество и дерзость, а также преданность военному делу, но совершенно не нравился тёзка, который слыл пессимистом и давно испытывал апатию по отношению к управлению Империей. Однако слухи о нежелании Константина занять престол вряд ли были беспочвенны. Алекс сочувствовал и отвергнутому поляками наследнику, и его брату, Николаю.

Обо всём этом, разумеется, он сразу же написал Кейли. В вопросе конфиденциальности он полностью ей доверял. Но в этот самый вечер, когда услышал от герцога о смерти принца, решил, что Кейли вскоре сама всё узнает. Так и вышло. Печальная новость молниеносно распространилась среди народа.

Алекс оказался в таком пугающем водовороте событий, что порой ему некогда было отоспаться. Веллингтон нагрузил его делами, попутно водя за собой повсюду от Оксфор-

да до Лондона. На похоронах принца Эдуарда в Виндзоре, в Капелле Святого Георгия, он присутствовал, как правая рука герцога. Усталый и раздражённый отказом жены приехать, Алекс едва держал бесстрастное лицо, но Веллингтон всё замечал. Под оглушительный звон колоколов, стоя выше огромной толпы британцев, фельдмаршал взглянул на поросшее щетиной лицо молодого капитана и сказал:

– Будет вам дуться, Стоун! Ваша супруга верно поступила. Ей нечего делать в этой грязи и духоте. Да вы бы всё равно не смогли и пары часов вместе провести... Но даю вам слово! Как только уладятся дела с Его Величеством, вы вернётесь домой, и она отгадет.

Веллингтон говорил убедительно, однако к заветному дню рождения жены Алекс так и не освободился от своих новых обязанностей. За две недели отсутствия Алекс получил от неё лишь пару посланий весьма «сухого» содержания. С истекающим от тоски сердцем ему пришлось оставить её после визита герцога в Фаунтинс. Тогда она проводила его следующим же утром, даже улыбнулась и поцеловала на прощанье. Но в её потухшем взгляде он увидел настоящую скорбь. Она была разбита, и он догадывался, почему. Они отдалились с тех пор, как покинули остров Уайт.

«Она любит тебя до безумия, идиот, – ворчал он на себя позже. – А ты не смог её утешить».

Едва тело принца Эдуарда, оставившего после себя дочь Викторию, которая родилась в мае, навеки упокоилось в ко-

ролевском склепе, Алекс не успел оглянуться, как вместе с Веллингтоном оказался подле постели Его Величества Георга III. Ослепший, глухой и в бреду, этот немощный старик то недвижимо лежал в окружении подушек и одеял за тяжёлым пологом, то заливался истеричным криком, который было слышно по всему дворцу.

28 января, в душной комнате Виндзорского замка, собрались почти все его приближённые, в том числе и один из сыновей, Его Высочество Фредерик, герцог Йоркский. А когда врач, качая головой, приблизился к собравшимся на пороге вхожим джентльменам, Алекс по его лицу понял – это конец.

Веллингтон оказался прав, и короля Георга не стало всего через шесть дней после смерти его любимого сына, о которой, из-за болезни и полнейшего безумия, он так и не узнал.

Почти тридцать тысяч британцев собралось в день похорон. Траур обещал быть долгим и тяжёлым для всей страны. Александр до того не привык к постоянному бдению в присутствии первых лиц королевства, плюс ко всему он настолько устал, что порой мог почти сорваться на Веллингтона, который, впрочем, ничуть не обижался. Он хлопотал за будущую карьеру капитана, и Алекс искренне надеялся на успех, в очередной раз усаживаясь за стол напротив фельдмаршала вместе с самыми яркими представителями тори.

К его огромному сожалению, десятое февраля он встретил в Кенсингтонском дворце, надеясь, что одно из его писем хоть немного сгладит вину перед супругой. Он писал,

что мечтает быть с нею рядом в день рождения, что сучает и просит его простить. А сразу же после громких и печальных похорон старого короля Алексу поручили сопровождать (и едва ли не пылинки сдувать) вдовствующую герцогиню Кентскую с её двумя старшими детьми от первого брака и маленькой Викторией – одной из претенденток на трон после Георга IV. И последующие несколько дней, привыкая к Кенсингтонской резиденции, капитан находился в её окружении. Эта приятная статная брюнетка, умная и честолюбивая, сразу прониклась к нему симпатией, потому что, как мать потенциальной наследницы, герцогиню плохо принимали братья покойного супруга, и Александр оказался одним из немногих мужчин, кто был искренен, обходителен и вежлив с нею.

Особенно стала заметна неприязнь к крошке Виктории со стороны будущего короля. Он явно невлюбил племянницу, которой ещё и года не исполнилось, а многие подданные уже вставали на сторону её матери. Веллингтон полагал, что для Георга сослать герцогиню с детьми в Кенсингтонский дворец, скромный и тихий, было сравни уроку, мол, это поумерит пыл «высочки немки и троих её отпрысков».

– Он понимает, всё понимает, – сказала как-то герцогиня Кентская в присутствии Алекса. – У него нет наследников, да и вряд ли появятся... с его-то характером и увлечениями. Толстый безбожник! Моя дочь уже популярнее него, а малышка даже ходить ещё не научилась!

При этом молодая женщина хитро улыбалась, и Алекс, как и многие, невольно становился на её сторону. Самодовольный Георг, неприятный и чересчур счастливый после смерти отца, не был ему симпатичен, как и Веллингтону, что, разумеется, нельзя было высказать вслух.

– Хотела бы я видеть вас в качестве управляющего нашего домашнего хозяйства, – произнесла вдовствующая герцогиня как-то раз, оставшись с капитаном наедине. – Кроме стойкости и жёсткости, в вас ещё сохранились остатки простодушия. Порой мне этого так не хватает...

Александр был поражён, причём настолько, что мигом покраснел, и Её Высочество это заметила. Она рассмеялась и назвала молодого мужчину «очаровательным». А он-то вообще не рассчитывал на подобные должности. Февраль был в самом разгаре, Георг IV фактически уже стал королём, но неприязнь со стороны народа к нему росла, тогда как любовь к потенциальной будущей королеве становилась всё крепче.

– Хватайся за эту возможность! Даже не думай упустить её! – высказался Веллингтон, едва Алекс всё ему рассказал.

Это была настолько пылкая реакция, что фельдмаршал сам почти смутился. Он успокоился и объяснил, что, если Александр станет приближённым будущей королевы Виктории, то его могут ждать такие высоты, какие даже герцогам не снились.

– Я на это не подписывался. Я офицер, а не шталмейстер, как какой-нибудь Джон Конрой, – категорически возражал

капитан. – Мне было достаточно охранять Её Высочество, пока она адаптируется к жизни в новой резиденции...

– Ты дурак, Стоун! – рявкнул Веллингтон. – Дальше собственного носа не видишь! Герцогиня тебе доверилась. Ты уже завоевал расположение Карла и Феодоры. Ещё немного, и она позволит тебе нянчить Викторию, а это всё равно, что после управлять всем государством!

Алекс слушал его, затаив дыхание. Затем опустился в кресло, и долго сидел так, пытаясь собрать мысли в кучу. Веллингтон был прав, двое старших детей герцогини от первого брака уже полюбили его. Шестнадцатилетний Карл, которому вскоре предстояло вернуться в частную школу в Берне, привык играть с молодым капитаном в шахматы и расспрашивать о военных событиях. Его сестра, Феодора, хоть ей и было только тринадцать, едва ли в рот ему не заглядывала и всё время краснела, когда он кланялся ей. Сама герцогиня умилялась этому, но Александр не ощущал ничего, кроме давящего чувства ответственности и усталости.

Он не был дома уже полтора месяца, и за столь короткий период изменилось слишком многое, что, казалось, ещё чуть-чуть, и он забудет, как всё начиналось.

К концу февраля ситуация стала накаляться, потому что во дворце появился, наконец, знаменитый сэр Джон Конрой, шталмейстер покойного принца Эдварда и офицер до мозга костей. С его появлением Алекс всё реже стал проводить время около герцогини и её детей. Конрой обожал власть и

намеревался управлять Викторией, как марионеткой, так что они с Александром невзлюбили друг друга с первого дня знакомства.

Противостояние это продлилось недолго. Казалось, грядёт некая развязка, привести к которой могло лишь решение герцогини Кентской. Алекс и без того ощущал себя зажатым со всех сторон. С одной – Веллингтон и его давление, с другой – окружение нового короля, в котором не принимали ни Марию Луизу, ни её детей. Порой ему казалось, что весь мир настроился против него. А кем он был? Просто пешкой в чьей-то игре.

Время от времени он получал письма от Кейли и отчима. И нежные, короткие послания жены, которые Алекс перечитывал снова и снова, разбавлялись длинными давящими письмами Эшбёрна, уговаривавшего его остаться при дворе и взять ситуацию в свои руки, поскольку герцогиня к нему столь расположена. Александр уже ничего не хотел, кроме обыкновенного глотка свободы. Он думал только о Кейли и о том, как бы поскорее избавиться от цепей, сковавших его.

И вот однажды, в один из последних дней февраля, пасмурный и дождливый, это случилось. Судьба повернула своё колесо, и выбор был сделан. В тот вечер Александр три раза подряд проиграл Её Высочеству в карты. Герцогиня заметила это и спросила с улыбкой:

– Вы сегодня совершенно не собраны, мой друг, что случилось? Сэр Конрой снова пытался вас третировать?

– Нет, Ваше Высочество... Просто я устал...

– Вы? Устали? Ах, оно и понятно! Далеко от дома, от близких, к тому же это постоянное давление то от Георга, то от брата его, Вильгельма...

– Больше всего давления я получаю от сэра Конроя, – Алекс позволил себе недобрую усмешку, которая, впрочем, была весьма очаровательной. – Он просто деспот. Неужели вы и вправду хотите растить Её Высочество Викторию под руководством этого тирана?

Герцогиня Кентская сбросила карты, взглянула на капитана и засмеялась молодым залиvistым смехом. Она всегда забавлялась колкими замечаниями Александра и прощала ему остроты даже в сторону Джона Конроя, к которому слишком прикипела.

– Вы из-за этого так подавлены? – спросила она. – Полно, друг мой! Карл уехал, и вам, разумеется, не с кем больше фехтовать или рассматривать европейские карты, но я до сих пор здесь. И никуда не денусь.

Её пристальный взгляд, тёмный и испытующий, возродил на минуту в памяти Александра далёкие неприятные воспоминания. То, о чём он почти забыл благодаря Кейли... И вот опять!.. Если уж сама герцогиня, пусть она и мать наследницы, но в первую очередь всё-таки женщина, решила вести с ним эту игру...

– Я скучаю по своей жене, Ваше Высочество, – твёрдо произнёс Алекс. – Я не видел её два месяца.

– Вот как! Отчего не привезли её сюда, поближе?

– Она хоть и виконтесса, но не большая поклонница шумного города, – он решил выкрутиться, зайдя издалека, но, судя по тяжёлому пристальному взгляду герцогини, ему это не удалось. – Она ещё очень молода и все дела поместья остались на ней. К тому же я не собираюсь заставлять её делать то, чего она не хочет.

– Я вас понимаю... Хотелось бы мне увидеть вашу супругу... к которой вы столь нежно относитесь. У вас есть её портрет?

Разумеется, Алекс взял с собой изображение Кейли работы Голике. Он никогда не расставался с этим небольшим портретом, и это хоть как-то помогало скрашивать одинокие и порой бессонные ночи. Герцогиня Кентская с улыбкой взяла из его рук портрет Кейли, и Александр заметил, как постепенно изменилось выражение её лица. Улыбка медленно исчезла, в глазах появился надменный огонёк. Алекс нервно вздохнул. Он мигом всё понял.

– Думаю, от неё у вас появятся самые красивые дети, – сказала герцогиня, вернув ему портрет. – Теперь мне понятно, отчего вы так стремитесь домой... Она очень молода...

– Ей только исполнилось двадцать лет, Ваше Высочество. «И ты ей не чета!» – хотелось бы сказать, но, разумеется, голова на плечах ещё была ему нужна. Хотя, судя по испорченной атмосфере и недовольной складке у губ тридцатилетней герцогини, она уже успела сравнить себя с краси-

вой молодой виконтессой.

– Вы друг другу очень подходите, – произнесла она, наконец, и поднялась из-за стола. – Молодость и любовь... Это прекрасно!

Жаль только, что произнесла она это таким скорбным голосом. Но Александру уже было всё равно. Он думал о другом. В Фаунтинс-холле его ждала удивительная женщина, которая любила его так сильно, что сама этому удивлялась... и при одном взгляде на которую он сходил с ума.

– Любовь... – произнёс Алекс задумчиво. – Да, вот именно.

Этот разговор решил всё и перечеркнул всё. Следующую ночь Александр грезил только о возвращении домой. И цена за эту возможность его не интересовала.

Через несколько часов раздражённый герцог Веллингтон столкнулся с ним на дорожке, которая вела в дворцовую оранжерею. Здесь фельдмаршал высказал Алексу всё, что думал о его разговоре с герцогиней, и речь эта была отнюдь не самая цивилизованная.

– Ты испортил всё, что только можно было испортить! – выдохнул герцог, наконец. – Немка сразу же пошла к своему псу, этому Конрою, и велела ему готовиться к новой должности.

– Это было неизбежно...

– Нет, этого можно и нужно было избежать! Ты что, не понимаешь, что они вдвоём просто сожрут девчонку? Герцо-

гиня и Конрой будут вертеть всеми нами, как им захочется!

– Но Георг ещё никуда не делся, – упрямо произнёс капитан. – Как и его братья.

– Это всё дело времени, олух! Немка и Виктория были у тебя в руках, а ты упустил их!

– К чёрту! Я не играю в политику! – процедил Александр со злостью. – Мне осточертел этот дворец! Пусть Конрой забирает всё, чего он так хочет, мне плевать!

– Ты болван, Стоун...

– Я думал, вы мне пророчили офицерскую карьеру, а я, оказывается, должен был стать красивой игрушкой для этой женщины, которая готова бросить свою дочь в котёл, лишь бы удержать в руках власть!

– Мы могли бы спасти принцессу от этого изверга Конроя! Могли бы сами встать у штурвала, но ты разнылся и убежал! – казалось, ещё немного, и Веллингтон ударит его или плюнет в лицо. – Ты просто бестолочь!

Побагровевший от злости Александр фыркнул и, развернувшись, быстрым шагом направился прочь. Он остановился лишь, услышав громкие слова, сказанные грозным голосом Веллингтона:

– Если ты сейчас уйдёшь, твоей карьере конец! Ты ещё можешь приползти к герцогине на коленях и попроситься на службу... Но если уйдёшь, ноги твоей не будет в Лондоне! Уж я об этом позабочусь!

Алекс подавил в себе желание обернуться и посмотреть на

человека, которого он так боготворил. История повторялась. Как и Эшбёрн когда-то, Веллингтон разочаровал Алекса, решив, что сможет воспользоваться его молодостью и преданностью. Но теперь всё было кончено.

В этом мире остался лишь один человек, к которому Александр мог вернуться, найти у него утешение и покой. И он решил, что, если не с Кейли, тогда пусть всё иное идёт прахом. Наконец молодой капитан сделал вдох, расправил плечи и ушёл, оставив обозлённого фельдмаршала одного, в зимнем саду.

Перед тем, как покинуть Лондон, он всё же принёс письменные извинения Веллингтону, а заодно передал короткое послание герцогине. Возможно, она бы простила его внезапный побег, если бы Конрой, как всегда, не нашёптывал ей в ухо подсказки. Но Александру уже было всё равно, он посчитал свой долг исполненным и понадеялся, что в Рипоне или Лидсе ему улыбнётся удача. Возможно, даже Веллингтон однажды остынет.

И вот, в последний день февраля, пока высокие чины готовились к официальной коронации нелюбимого всеми Георга, Александр налегке оставил Кенсингтонскую резиденцию и приготовился к двадцати пяти часам непрерывной скачки. Погода наладилась, уже ощущалось дуновение весны, и, несмотря на размытые грязью объездные дороги, Алекс с нескрываемой радостью бросился в путь. Он решил не делать остановок до самого Фаунтинс и, благодаря свое-

му резвому и отдохнувшему за время пребывания в Лондоне жеребцу, добрался до Йоркшира без происшествий, в кратчайший срок.

Эдмонд был первым, кого Алекс встретил у самых ворот. Оказывается, Стокеру поручили руководить починкой и покраской прутьев, и к закату он и несколько рабочих уже заканчивали часть работ. Камердинер поначалу опешил и не узнал хозяина, увидев нежданного всадника возле ограды. Александр впопыхах поприветствовал его и проехал дальше, к конюшням.

В поместье жизнь текла размеренно и тихо. Те же приятные, напоминающие о детстве, запахи из кухни, большой камин в гостиной всё так же ярко пылал, и миссис Миллз неизменно следила за работой горничных, заканчивающих очередной день в особняке.

Алекс с порога услышал знакомые голоса, поприветствовал старика Грэма и спросил о Кейли, на что управляющий сказал, что миледи на четыре часа зачиталась в библиотеке. Отдав редингот, Александр, взволнованный и возбуждённый, быстрым шагом направился в библиотеку. Он будто вмиг забыл об усталости и о том, как сильно продрог по дороге домой.

Кейли сидела в глубоком кресле, укрыв ноги пледом, и читала книгу, когда он вошёл, резко толкнув дверь. На высоком столике рядом горели три свечи, и на лицо девушки, чуть склонившей голову, падал неровный свет, отражавший-

ся в её немигающих глазах цвета малахита. Александр застыл на пороге, словно прикованный, и на мгновение представил, что эта девушка – это видение в белом домашнем платье – ненастоящая, неживая. Но когда она вздрогнула, услышав его вздох, когда повернула голову, и их удивлённые взгляды пересеклись, ему захотелось упасть на колени и сказать ей...

– Алекс? Ты уже вернулся? – она мигом вскочила на ноги и отложила книгу. – Мы ведь только вчера получили твоё письмо!

Неожиданно она быстро оказалась рядом, обняла его, и Алекс мигом почувствовал тепло её тела и знакомый аромат парфюма, лёгкий, едва уловимый.

– Я закончил с делами быстрее, чем ожидал... – произнёс он; опустив глаза, он увидел, что Кейли смотрит на него с улыбкой. – Прости, что пропустил твой день рождения... Я бы так хотел...

– Ничего! Я и не думала, что ситуация окажется такой серьёзной, но твой... – на мгновение она смутилась, и перестала улыбаться, – то есть, лорд Эшбёрн приезжал к нам. Погостил всего день и рассказал о делах в Лондоне. Я не знала, что он близок к окружению Его Величества...

«Понятно, отчим всё же добился тех связей, о которых так мечтал, – мелькнула в его голове мысль. – И он знает всё, что происходит при дворе».

– Что ещё он рассказал? – поскольку Кейли не ответила,

Александр нахмурился. – Он не обидел тебя? Вы не повздорили?

– Нет, конечно. Он лишь сказал, что ты будешь очень занят и приедешь нескоро, и что герцогиня Кентская дорожит твоей компанией... затем сразу отбыл.

– Да чтоб его...

Кейли почти отстранилась, но Александр взял её за плечи и поцеловал в лоб. Затем стал успокаивающе водить пальцами по линии её шеи и ключиц. Платье на ней имело не самый глубокий вырез, и мужчина вздохнул, потому что ему немедленно захотелось прижать ладонь к её мягкой груди.

Пока накатывающая волна желания окончательно не свела его с ума, Алекс произнёс, неотрывно следя за реакцией Кейли:

– Давай-ка я приведу себя в порядок перед ужином. Потом расскажу всё поподробнее.

Прижав ладонь к пылающей щеке, Кейли кивнула и выскользнула из его рук. Она пробормотала, что распорядится насчёт ванны и ужина, затем поспешила проскочить мимо. Александр лишь посмотрел ей вслед, прищурился и улыбнулся.

Она ждала его, и она скучала. Очень. Но приятнее всего было именно то, что она прекрасно догадывалась, какая долгая ночь ожидала их обоих сегодня. Так он снова почувствовал знакомую сладкую истому. Настолько быстро, что, если бы Кейли не ушла, он, пожалуй, сорвался бы и даже напугал

её.

– Она меня с ума сведёт, и будь моя воля... – буркнул он в пустоту библиотеки. – Что с этим делать?

Затем взял ночник и вышел в коридор.

Время за трапезой пролетело незаметно, а во время чая к ним присоединился и Стокер. Алекс рассказал обо всём, что случилось после смерти старого короля, от чего ему заметно стало легче. Словно он сбросил с души тяжкий груз. Однако кое-что до сих пор смущало. Эшбёрн знал о том, какие дела он вёл при герцогине, и явно желал, чтобы это зашло намного дальше. В то же время отчим самостоятельно пробился к окружению нового правителя. Через кого? Палату лордов? Наверняка, один из любимчиков Георга IV, кто-то из знаменитых денди, вроде Браммела, поспособствовал его «продвижению наверх».

Алексу не хотелось больше думать об этом человеке. Единственное, что его беспокоило – чтобы отчим больше не приближался к Кейли. Жаль, что нельзя было просто заставить его исчезнуть, бесследно и навсегда. Он размышлял об этом, поднимаясь поздно вечером в свою спальню. Сняв жилет, домашние туфли и расстегнув рубашку, он некоторое время мерил шагами комнату. Потом занялся своей походной сумкой, с которой привык путешествовать верхом.

Как раз в тот момент, когда он прятал в ящик стола новенький кремнёвый револьвер, в дверь постучали. Кейли вошла в комнату, одетая в пеньюар и распахнутый парчовый

халат. Её волосы были аккуратно расчёсаны и красиво, словно длинный шлейф, спадали по плечам и спине. Александр замер ненадолго, забыв даже, что держал в руке оружие. Заметив на лице жены удивление, он поспешил захлопнуть ящик и подойти к ней.

– Что это там у тебя? – спросила она, кивая на стол. – Неужели...

– Да, это мой револьвер. Я с ним уже год не расстаюсь. Ты не знала?

– Я его прежде не видела. Не думала даже, что в доме есть оружие, помимо охотничьего.

Алекс улыбнулся, когда встал перед нею. Слабый свет от камина делал её локоны золотистыми, и в этом свете он увидел, что её щёки порозовели.

– Я не знал, что ты придёшь... вот так, бесцеремонно.

– Хм, я достаточно ждала у себя, и уже было решила, что ты уснул, – его насмешливый тон явно её задел.

– А-а-а... Ты так сильно ждала, моя хорошая?

Алекс коснулся пальцами её щеки, погладил нежную кожу, проведя рукой до подбородка, затем приподнял его, чтобы Кейли взглянула ему в лицо.

– Ты же не думала, что я настолько обессилел, чтобы не прийти к тебе? – спросил он с усмешкой, и Кейли судорожно сглотнула.

– Тогда чем ты занимался?

– Просто... думал... о чепухе.

– Если тебя тяготит ещё что-то, ты всегда можешь мне рассказать.

Она улыбнулась, смущённо и так по-детски, что Александру стало совестно. Ненадолго, но всё же он это почувствовал. Нельзя, чтобы она беспокоилась ещё и об Эшбёрне. Возможно, он даже зря себя накручивал. Но одна только мысль, что отчим мог бы причинить Кейли вред (а он мог бы), заставляла его беситься.

– Хочешь, чтобы мы пошли в твою спальню, или останемся здесь? – спросил он совершенно будничным тоном, на какой только был способен.

Лишь хитрая улыбка выдавала все его намерения. Кейли в изумлении распахнула глаза. Затем ответила, даже не раздумывая:

– Давай останемся. Я хочу снова оказаться в твоей постели.

Его почти поразила такая искренность. И её чистый голос без капли лукавства. Да, они уже не на острове, где словно не было никаких границ. И вот, оказалось, дело вовсе не в месте или окружении. Так пусть весь остальной мир катится к чёрту, ибо, где они не окажутся, она всегда будет принадлежать ему...

Свечи были потушены, остался лишь догорающий камин. Когда они оба, уже раздетые и нетерпеливые, оказались друг перед другом, Алекс подумал, что, ожидай его завтра смерть, он не пожалел бы, потому что самое настоящее счастье он

уже познал, он владел им, и никто больше не был ему нужен.

Когда он поцеловал Кейли, стоя возле постели, она едва удержалась на ногах – таким долгожданным и невероятным оказалось желание, пробуждённое этим поцелуем. Девушка вцепилась ему в плечи и ответила яростно, почти безумно, и Алекс потерял голову. Она шептала его имя, бормотала о том, как сильно соскучилась, и целовала с такой настойчивостью, что он сам едва поспевал за нею. И, когда она вдруг встала перед ним на колени, схватив сзади руками за ягодичцы, а её губы тут же прикоснулись к его восставшей плоти, Алекс подумал, что умрёт от этого острого тянущего ощущения.

Такого с ним никогда не было, и прежде, с другими, он даже ненавидел это. Но то были другие, не *она*.

Он хотел, чтобы она продолжала ласкать его. Хотел, чтобы её маленькие ладони гладили его спину и торс, а он бы, опустив глаза, видел только её макушку напротив своего паха... Но в какой-то момент решил, что этого будет достаточно, поэтому велел ей остановиться, затем поставил Кейли на ноги и тут же уронил на постель.

С огромным трудом он подавил желание быстро взять её. Сначала были поцелуи – жаркие, томные и долгие, потом ласки и требовательные касания рук и пальцев. И только после этого, когда она, такая влажная и открытая, уже почти плакала и умоляла его, Александр вошёл в неё, ощущая каждое её движение, впитывая каждый стон напротив своего ли-

ца. Затем он выпрямился на руках и, не прекращая двигаться, врезаться в неё, стал наблюдать за Кейли, так что где-то на задворках сознания он понимал, что ничего прекрасней в жизни не видел.

Когда она закричала, запрокинув голову, сжимая пальчиками свои груди, он буквально зарычал от удовольствия. Он продолжал двигаться даже после того, как всё закончилось, только чтобы быть в ней, ощущать её изнутри и смаковать каждый миг этой близости.

Она была самым прекрасным, самым искренним и нежным созданием в его тёмном мире, где он уже привык никому не доверять, отмахиваться от всего светлого и чистого, что его окружало.

И она любила его.

Упоённый этой внезапной мыслью, с отяжелевшей головой и бешено бьющимся сердцем Алекс прижался к ней, уткнувшись носом в мягкую ложбинку между грудей, и замер.

– Я всё для тебя сделаю, – прошептал он, ощущая, как бьётся её сердце. – Ради тебя одной... Ты моя. Моя. У меня больше никого нет. Ты победила.

Он не знал, что она онемела, услышав его слова, и её руки, прежде гладившие его влажную спину, застыли на месте. Не знал, что это признание заставило Кейли заплакать, так что слёзы теперь скатывались по вискам на подушку.

Он просто лежал так, вдыхая запах её тела, с одним един-

ственным желанием, победившим все остальные – чтобы эта ночь длилась вечно.

Глава 20

«Разум – место само по себе. И из Рая может сделать Ад, а из Ада – Рай».

Джон Мильтон

Миссис Серена Миллз внимательно наблюдала за тем, как старательно Её Милость заполняла очередной документ. Иногда девушка мило морщила носик, иногда поправляла очки или локон волос, упавший на лоб. Такая очаровательная и элегантная, настоящая леди, и для миссис Миллз странно, но приятно было осознавать, что именно она стала хозяйкой Фаунтинс. А ведь прошёл уже год с того дня, как леди Саутфолк вошла в двери этого поместья, чуть позже приобретшего новую жизнь с её лёгкой руки. Они тогда совершенно не поладили, но миссис Миллз не понадобилось много времени, чтобы сдаться перед обаянием и настойчивостью супруги капитана Стоуна.

Экономка нет-нет, да вспоминала о тех непростых днях. Как много изменилось с тех пор, и Кейли тоже, и особенно капитан Стоун. И если даже этот суровый и не пробивной (как казалось прежде) молодой мужчина пал перед виконтессой Саутфолк, что тут говорить о других...

Миссис Миллз вздохнула и взглянула за окно хозяйского кабинета, пока Кейли занималась бумагами. Уже апрель,

и пусть ещё ощущался прохладный шлейф зимы, Фаунтинс готов был ожить после долгих месяцев зимнего сна. И это чувствовалось повсюду – от самой дальней ограды владений до последнего начищенного прибора в столовых комодах в поместье.

– Вот, и этот тоже, – произнесла Кейли, закончив, и протянула документы экономке. – И прошу вас, миссис Миллз, если мистеру Грэму или его семье понадобится что-нибудь... любая мелочь... Незамедлительно сообщите. А лучше сами распорядитесь и исполните. Я вам полностью доверяю.

Экономка кивнула и улыбнулась. На её улыбку Кейли ответила своей привычной нежной улыбкой. Все в Фаунтинс обожали мистера Грэма, и он служил Эшбёрну верой и правдой, но время пришло, и пару недель назад они очень скромно, по-домашнему, собрав весь штат прислуги прямо в холле поместья, проводили его на заслуженный отдых. Старик даже растрогался, когда капитан Стоун самолично пожал ему руку.

– Пусть Грэм и принял это решение, всё же мы заметили, уходить ему ох как тяжело было, – позволила себе заметить женщина. – Но семья его поддержит. А мистер Кроули послужит достойной заменой. У него большой опыт ведения хозяйством. К тому же он быстро нашёл общий язык с мистером Стокером... Подумать только! Этот бедолага поначалу боялся его, как огня! А всё потому, что в своё время не прошёл должного обучения, и камердинер из него, скажу я

вам, не самый умелый...

По лицу Кейли, однако, сложно было понять, слышала ли она экономку или эти речи её не слишком волновали. Миссис Миллз стала замечать в последнее время, что хозяйка словно немного растеряна, порой отвлекается и витает в облаках. Списывала она это на долгие задержки капитана Стоуна на службе, ведь после ссоры с Веллингтоном ему необходимо было навёрстывать упущенное. Должно быть, Её Милость просто скучала.

– Всё же дела наши идут хорошо, – заключила экономка чуть воодушевлённое обычного.

Виконтесса наконец кивнула, ненадолго задержав взгляд на деревьях за окном.

– Как быстро летит время... – Её голос прозвучал почти мечтательно, затем она словно очнулась от своих грёз. – Пусть мистер Кроули продолжает в том же духе... Ах, ещё так много нужно сделать! Я распорядилась насчёт выплаты компенсации Форстерам и их мастерам по камню... Благотворительный комитет из Лидса прислал нам запрос на выделение средств на подарки для сирот. Вот мой ответ, возьмите. И пусть мистер Кроули проконтролирует это дело, я решила нанять рабочих из швейной мастерской на Хэклер-лэйн, чтобы они подготовили форму для девочек и мальчиков к началу нового учебного года...

– Это хорошая идея, мадам.

– Затем мы так и не разобрались с жеребцами для Кофф-

ферсов, ведь без заверенных бумаг мы не можем расстаться с ними, а документы всё не готовы. Поторопите, пожалуйста, мистера Стокера. Он вызвался заняться продажей наших лошадей.

– Я напомню сегодня же, м'леди.

– А моё письмо с поздравлениями графине Бриджертон уже отправили?

– Да, м'леди.

Кейли улыбнулась, и, наконец, её щёки снова порозовели. Анита Спенсер буквально три дня назад разрешилась от бремени, она родила наследника Бриджертонов, прелестного мальчика, которого назвали Уильям Фрэнсис. Эта новость очень обрадовала Кейли. Она скучала по своей лучшей подруге, но в конце февраля граф строго-настрого запретил супруге принимать даже самых близких знакомых. И вот, наконец, это случилось. Анита стала матерью, её супруг был на седьмом небе, это чувствовалось даже в его официальном письме.

Кейли не переставала улыбаться, думая о подруге, о её сыне. Иногда даже по-доброму завидовала ей. Она и Александр давно уже не заговаривали о детях, и чутьё подсказывало Кейли, что такие беседы его бы не слишком обрадовали. Да, она знала, что победила в своей личной битве за его любовь – он почти признался, когда вернулся из Лондона. Но душевные раны, нанесённые отчимом когда-то, никуда не исчезли. От них остались шрамы, и Кейли не знала, как их

излечить. Александр едва открылся ей, признал её, но не ратовало ли думать о детях? Узнав о сыне графини Бриджер-тон, он просто улыбнулся и почти безрадостно сказал: «Как славно». Отчего-то Кейли в тот миг стало тоскливо.

Она знала, что Эшбёрн время от времени присылал Александру письма, в которых не прекращал обвинять его в ссоре с Её Королевским Высочеством герцогиней Кентской и Джоном Конроем, известным своей злопамятностью. Помимо этого, свёкр не унимался насчёт наследника, и Кейли не понимала, какую выгоду этот негодяй хотел найти во внуках. Она бы сделала что угодно, лишь бы не дать Эшбёрну взглянуть на её ребёнка.

А прошлым днём ещё и миссис Миллз ошеломила внезапным вопросом:

– Ваша Милость, а вы уверены, что вы сами не в положении?

Что и говорить, Кейли едва не выронила из руки стакан во время ланча. Благо, в столовой находились лишь они да Оливия. И, пожалуй, болтушка горничная была одной из причин, почему экономка решила коснуться этой темы. Кроме Оливии Кейли никому не доверяла свои комнаты, тем более постель. Стоило бы поучить девушку поменьше говорить лишнего. И всё же тогда виконтесса задумалась. С тех пор, как Александр вернулся домой, у неё действительно не шла кровь. Кроме этого, пожалуй, признаков и не было.

Кейли машинально прижала руку к животу. Была ли она

небрежной и невнимательной, или просто заболела и даже не догадывалась об этом?

Сейчас она заставила себя успокоиться и поинтересовалась делами племянника мистера Блэка, занимавшегося облагораживанием местного сада. Вот тут пришла очередь миссис Миллз хмуриться.

– Мистер Стивенс снова жаловался мне на Элино́р, мадам, – женщина необычайно быстро покраснела до кончиков ушей. – Моё терпение уже на исходе.

«О, милостивый Боже, – подумала Кейли тревожно. – Только не это...»

– Вот как?

– Истинно! Хотя «жалоба» – слово довольно громкое. Он постарался быть куда тактичнее. Как бы так выразиться...

– Говорите, как есть, миссис Миллз.

– Эта девица выследила его после обеда в саду, когда он делал обход. Она снова досаждала ему разными... намёками... Мадам, я встала бы на её сторону, клянусь, но это уже последняя капля!

Кейли с усталым вздохом вернула перо в чернильницу, сняла очки и потёрла пальцами переносицу. Новая горничная – Элино́р Гринбуш, шестнадцати лет – работала в Фаунтинс-холле уже полтора месяца, а проблем от неё столько, что хоть новый журнал непослушания заводи. Девушка прибыла из деревни, и её матушка, у которой помимо самой Элино́р ещё четыре сына и две младшие дочери имелись,

уговорила миссис Миллз – свою давнюю знакомую – взять старшую из детишек Гринбуш на работу.

Элино́р обеща́лась быть покладистой и ответственной, на деле же оказалась нерасторопной, грубоватой и, что хуже всего, кокеткой. Роджер Стивенс сразу привлёк её внимание, и она активно стала его обхаживать, не боясь ни за его, ни за свою репутацию тоже. Неделю назад он сам дал понять Кейли, что новая горничная всячески пыталась подтолкнуть его к «определённым действиям», после чего молодая виконтесса вызвала мисс Элино́р для разговора. Однако девушка и не отрицала.

– Он красив и холост, и я понятия не имею, почему вы столь категоричны, – отвечала она после долгой речи Кейли об ответственности, дисциплине и приличиях. Это был позор. В тот вечер миссис Миллз долго бранила девицу за её тон и манеры перед виконтессой.

Поначалу Кейли и сама не воспринимала всю эту ситуацию всерьёз. Не сложно было догадаться, что Элино́р, будучи младше хозяйки всего на четыре года, не видела в Кейли должного авторитета. Миссис Стоун же терпела и наблюдала за новой горничной, за тем, как та ластилась к несчастному садовнику (оказавшемуся куда тактичнее и мудрее, чем Кейли считала прежде), и вспоминала себя. А ведь всего четыре года назад она сама буквально липла к Александру, обезумев от первой влюблённости. Даже покойная леди Кларисса опасалась, что, в случае разрыва с капитаном Стоуном,

репутация Кейли будет разрушена, и над наследницей виконта будет смеяться всё высшее общество.

Теперь Кейли наблюдала, как окружающие, будь то ближайшие деревни или Фаунтинс, смеялись над непристойным поведением мисс Элинор Гринбуш. Перевоспитывать её пытались все, даже сама хозяйка поместья, в течение этих утомительных недель, но девушка оказалась из рук вон плоха. Она часто била посуду, вставала позже другой прислуги, неохотно выполняла задания экономки и управляющего, и даже умудрялась ссориться с Оливией, что раздражало Кейли больше всего.

– Вы думаете, она безнадежна, миссис Миллз? – спросила девушка, наконец.

– Моё мнение таково: если вы дадите ей очередной шанс здесь, в Фаунтинс-холле, ничем хорошим это не кончится. Наймите другого садовника – она просто сменит объект для атаки на мистера Стокера. А он, будучи тьюфом, простите, не сумеет с нею справиться. Сами догадываетесь, что за этим последует.

Молодая виконтесса внимательно её выслушала, затем поблагодарила и попросила оставить её одну. Девушка откинулась на спинку стула, позволив себе повздыхать немного, ибо у неё голова уже раскалывалась от всех этих отягощающих раздумий. Жаль было многодетную матушку семьи Гринбуш. Не менее жаль было бы расстаться с мистером Стивенсом. Кейли очень не хотелось его отпускать – он ока-

зался большим умельцем в своём деле, и ей нравились его чертежи. А если горничная продолжит атаковать здешних холостяков и доберётся до камердинера её супруга – быть беде. У капитана Стоуна полно иных забот, не хватало ему ещё и со служанками разбираться. Кейли представила, какой униженной она себя почувствует, если муж вообще обо всём узнает, ведь она и одобрила кандидатуру Элинор.

Хозяйка Фаунтинс-холла ещё немного посидела в тишине, наблюдая в окно за тем, как Жосайя Макдуф выводил её Сверчка на прогулку. «Мы с Алексом до сих пор даже верхом вместе не покатались, – с грустью подумала Кейли, закусив ненадолго губу. – Поскорее бы он разрешил все дела в училище. Боже мой... И пусть герцог его простит!»

А затем она наконец приняла решение. Позвонила и велела привести к ней мисс Элинор.

В тот же день, несмотря на уговоры Оливии лечь пораньше, Кейли специально решила подождать возвращения мужа. За ужином его не было, и она знала, что в таком случае Александр задержится до полуночи. Как она и рассчитывала, он тихонько постучал примерно во втором часу ночи, молча вошёл и прикрыл за собой дверь. Девушка с лукавой улыбкой наблюдала за ним в зеркале, перед которым массировала запястья, втирая в кожу по капельке ароматизированного масла.

В тусклом свете канделябра Александр посмотрел на жену долгим, пристальным взглядом, затем подошёл к туалет-

ному столику и коснулся локона её распущенных волос. Его же волосы были влажными и небрежно растрёпанными, и это делало его расслабленный образ ещё более привлекательным. Кейли кокетливо вздохнула, сделав вид, будто эти горячие длинные пальцы, касающиеся её волос, вовсе её не волнуют.

– Прошу прощения, что снова пропустил ужин, – услышала молодая виконтесса над собой. В ответ она изящно пожала плечами, промолчав.

С усмешкой мужчина подвинул маленький табурет поближе и вдруг положил на столик перед Кейли увесистую книгу в тёмно-бардовой обложке.

– Подарок от моего знакомого, некоего лорда Байрона, из Италии, – произнёс Александр с улыбкой столь соблазнительной, что у Кейли в очередной раз перехватило дыхание. – Говорят, что автор романа – супруга мистера Шелли, но это большой секрет. Бедняга нынче в немилости на родине.

– Я знаю это произведение, но до сих пор не было возможности приобрести хоть один экземпляр! – Кейли с самой детской непосредственностью взялась рассматривать новёхонькое издание, посвящённое Уильяму Годвину. – Вот же папа удивится, когда скажу ему, от кого ты получил эту книгу!

Смеясь, она полистала несколько страниц, вдохнула их изумительный запах, и на минуту перенеслась куда-то далеко, успев при этом подумать, что, пожалуй, ничего лучше и

быть не могло: приятный подарок от её любимого, он рядом, и он смотрит на неё так, словно она для него – единственная в целом свете драгоценность.

Кейли с нежностью прижала книгу к груди и посмотрела на Александра, восседавшего рядышком, в одной только хлопковой сорочке, с самым важным видом и этой его плутоватой улыбкой.

– Так и быть, капитан, вы прощены, – девушка отложила презент на столик и потянулась к мужу, чтобы поцеловать его в губы.

И минуты не прошло, он уже настойчиво потянул её к себе на колени, прижал крепче, и Кейли пришлось ухватиться за его плечи, чтобы удержаться, потому что их поцелуй в очередной раз вскружил ей голову. Она настойчиво заёрзала в неудобной позе и уже было принялась поднимать полы своей длинной ночной рубашки, как вдруг Александр отстранился, всё ещё хватая ртом воздух, и спросил самым обыденным тоном:

– Краем уха я слышал, ты была расстроена чем-то сегодня. Что случилось?

Она удивилась и даже немного огорчилась, что их любовная игра была прервана, однако быстро сообразила, что он всё же переживал за неё. Кейли показалось это очень милым. Он и сам выглядел мило, растрёпанный, наблюдавший за нею с нежностью, пока его руки гладили её плечи и спину...

Так, сидя у мужа на коленях, она вкратце рассказала о ситуации с Элинор. О том, что пришлось уволить её без рекомендаций, но с компенсацией, поскольку ей было жаль матушку Гринбуш, которой предстояло как-то поднимать младших детишек.

– Я надеялась, что последняя беседа с Элинор заставит меня передумать, – пробормотала Кейли, не отводя глаз от расстёгнутого ворота мужской рубашки. – Но она была такой дерзкой, даже умудрилась оговорить при мне Оливию, а ты знаешь, как я люблю её... Этой девице не быть служанкой, но ей определённо прямая дорога замуж за какого-нибудь кузнеца с тяжёлым характером. Иначе я понятия не имею, кто сможет перевоспитать её и уберечь от дурных слухов.

Внимательно выслушав, Александр улыбнулся и поцеловал Кейли в висок.

– Ты здесь хозяйка, и, если таково твоё решение, значит, всё правильно.

– Я действительно не хотела беспокоить тебя по пустякам, ты и без того занят.

Молодой капитан ненадолго откинул голову назад, вымученно вздохнул, затем принялся медленно-медленно развязывать бант из ленты на груди его жены.

– Я думаю, Его Светлость соизволил меня простить, так как сегодня в училище доставили рекомендацию, подписанную рукой Веллингтона.

– Это же замечательно! – обрадовалась Кейли и поцело-

вала его в уголок губ. – А ты не рад? Разве это не хорошая новость?

– Он хочет, чтобы я работал в его конторе, в Плимуте. Помнишь, что он стал губернатором в прошлом октябре? А Девоншир не близко, Кейли.

Он был прав, и радость быстро сменилась горькими раздумьями. Разумеется, она понимала, чем грозила такая служба. Частое отсутствие Александра будет тяготить её гораздо больше, чем сейчас, ведь сейчас он хотя бы бывает дома каждый день. Однако это могло оказаться последнее предложение герцога. Его щедрость однажды иссякнет, и что же тогда? Кейли представила своего мужа, занятого лишь обучением солдат, его тоску и однообразность окружения, при этом его в любой миг могли бы призвать на поле боя. Если появилась возможность заниматься делами в городском совете Плимута, по крайней мере Александру не грозила бы война...

Окунувшись в эти размышления, Кейли не заметила, как он посмотрел на неё. С обожанием, со страстью и нетерпением. Мужчина улыбнулся своим мыслям и неожиданно подхватил взволнованную жену на руки.

– Хватит грустить, у меня есть ещё целый месяц до принятия решения, – объявил он, вдохнув аромат её волос по пути к постели. – Лучше покажи мне, как сильно ты соскучилась.

Она взглянула с вызовом, когда он опустил её на кровать,

и с усмешкой произнесла:

– Сначала ты постарайся заставить меня забытья... и я подумаю.

Ей нравилось дразнить его. Нравилось, когда он понимал её с одного взгляда. Нравилось даже представлять, что так будет всегда. Кейли невольно подумала о том, что могла бы подарить ему сына, и этот ребёнок, рождённый в любви и радости, станет для Александра исцелением от ужасного прошлого, которое до сих пор его тяготило. Вместе с этим ребёнком они бы вместе учились тому, чего он оказался лишён.

Это были правильные и воодушевляющие мысли, но и они вскоре растворились в сладкой истоме, и Кейли уже ни о чём не могла думать, когда этот удивительный мужчина ласкал её, нащёптывая на ухо непристойности, от которых в любую другую минуту она бы сгорела со стыда. Когда он так любил её, всё иное теряло смысл, и она сама теряла голову, глядя в сияющие от страсти глаза своего мужчины. А какие же они красивые в самый момент наслаждения, его глаза...

Когда всего через полтора часа в двери спальни настойчиво постучали, Кейли не придавала этому значения. Но стук повторился, на этот раз громче, и она услышала взволнованный голос Эдмонда Стокера, зовущего Александра по имени. Сердце Кейли забилося с тревогой, и сон как рукой сняло. Подтянув одеяло к подбородку, она невольно поинтересовалась вслух, что же такое могло произойти посреди ночи. Александр молча надел рубашку и приоткрыл дверь так, что

со своего места Кейли не могла расслышать слова Стокера.

– Всё хорошо? – спросила девушка, и, когда супруг обернулся к ней, по его хмурому лицу она поняла, что нет.

– Незванный гость требует встречи. Прямо сейчас.

Его голос прозвучал совершенно разбито, и на мгновение Александр с таким отчаянием посмотрел на жену, что ей немедленно захотелось кричать, чтобы он не оставлял её одну. Она не посмела, конечно, да и язык почему-то не ворочался во рту. Капитан Стоун ушёл в свою спальню, чтобы одеться, напоследок велел жене оставаться в постели...

Из своей спальни на втором этаже она хорошо слышала голоса мужа и его отчима. Конечно, только мистер Эшбёрн посмел бы пожаловать к ним в поместье в столь поздний час. А теперь он спорил о чём-то со своим сыном...

Приёмным сыном. Кейли уже устала каждый раз поправлять себя, но делала это упрямо и настырно. Он ему не сын, на самом-то деле. *Он не его сын.*

Разговаривали они на повышенных тонах, и продолжалось это уже... сколько? Минут двадцать? Почти полчаса? Кейли металась по комнате, одетая лишь в тонкий пеньюар, едва подвязанный халат да домашние тапочки, в которых её ноги так жутко мёрзли. Камин давно уже погас, и в нетопленной спальне было прохладно, но она продолжала метаться туда-сюда, гадая, что же ей делать, если этот Эшбёрн... это чудовище не уйдёт сию же секунду.

И вдруг из холла первого этажа раздался звон, будто что-

то разбилось о пол. Кейли замерла, как вкопанная. Руки у неё дрожали, а в мыслях было только одно: Алекс...

Он говорил, что не нуждался в её помощи. Предупреждал, чтобы она не лезла, куда не просили. Но как она могла игнорировать то, что узнала о нём, о собственном муже, о человеке, которого, как она считала, всё это время любила?

Кейли дёрнулась, потому что снизу снова раздались их голоса. Казалось, вот-вот, и будет драка. И одна лишь мысль о том, что Эшбёрн посмеет прикоснуться к её мужу... Девушка бросилась в смежную спальню, а оттуда – в кабинет супруга. Едва ли она осознавала свои действия в тот момент, но всё, о чём Кейли могла и хотела думать – это Алекс и его безопасность.

Плевать, если он разозлится потом. Плевать, если накричит на неё или даже не захочет с нею разговаривать. Подсознательно Кейли уже пожертвовала их отношениями ради этого искреннего порыва. Даже если он не поймёт, ей хотелось его защитить.

Она знала, где хранился его револьвер. И знала, что он был заряжен. Благо, нижний ящичек в шкафу оказался не заперт. Дрожащими руками Кейли взяла оружие и, совершенно наплевав на то, как выглядела со стороны, кинулась в коридор.

Она резво сбежала вниз по лестнице. В парадной дверь была приоткрыта. Жуткий сквозняк свистел в большом холле.

Там она и увидела их – мужа и его отчима. Оба почти красные от напряжения и злости. На полу, на светлой мраморной плитке были разбросаны осколки стакана из-под бренди. Одного мгновения Кейли хватило, чтобы понять по лицу Эшбёрна – он в ярости. Ещё бы немного, и случилось что-то непоправимое, ведь их с Алексом отделяло не больше трёх шагов...

На Александре лица вовсе не было: он мигом побледнел, глаза были красными, а губы скривились, будто он только что выпил нечто мерзкое, и его уже тошнило... Кейли лишь раз посмотрела на него, и в голову ей тут же ударил гнев, да такой сильный, что все остальные ощущения сразу померкли.

– А вы что здесь делаете, дорогуша? – услышала Кейли в свой адрес от лорда Эшбёрна. – Ещё и в таком виде?

Её ответом стала решимость. Кейли встала между Алексом и его приёмным отцом, вытянула правую руку с револьвером и направила его на Эшбёрна.

– Дорогая моя, вы не в себе? Уберите это от греха подальше, – сказал мужчина, сменивший злость на саркастичный тон. – Право, нам тут несчастный случай не нужен.

Кейли стояла и слушала его жалкие уговоры. Он говорил с нею, как строгий дядюшка с нерадивой племянницей, испачкавшей руки в чернилах. Позади неё стоял Александр. Он молчал. Она слышала его тяжёлое дыхание. От этого звука и от вида ненавистного лица Эшбёрна Кейли ощутила внутри такую жгучую горечь, что желание пристрелить свёкра на

самом деле почти возобладало над нею.

– Александр, твоя жена чертовски упрямая, – произнёс мужчина с издёвкой. – Ты можешь сделать с нею хоть что-нибудь? Ей Богу, она же поранит себя!

– О, нет, сэр, не себя!

Язык у неё во рту еле ворочался, в горле пересохло, но она готова была отвечать за свои действия перед этим монстром, даже если бы это затронуло её гордость и честь.

Всё то, что рассказал ей Алекс об этом человеке, все его ужасные поступки до сих пор отдавались эхом в её мыслях. Ей хотелось кричать, что он заслуживал смерти. Что из-за него она порой не могла спокойно спать по ночам. И, самое главное, что он разрушил жизнь и душу её мужа, а теперь с наглостью и презрением крутил этим фактом у него перед лицом.

Кейли больше не могла сдерживать слёз. Её губы дрожали, а плечи стали вздрагивать. И в тот момент, судя по исчезнувшей ухмылке Эшбёрна, он догадался, что она всё узнала. Это и была точка невозврата.

– Он – мой. Он – только мой... – шептала она, держа палец на курке. – Слышите?

Услышал её Эшбёрн или нет, было уже неважно. Границы между моралью, честью и любовью стёрлись в ту ночь. А она сделала выбор, понимая, что, будь он неверный, она потеряет своего мужа. И на этот раз навсегда...

Как бы то ни было, напряжение достигло наивысшей точ-

ки. Неожиданно лорд Эшбёрн одарил Кейли любопытным взглядом, и мелькнувший в этих глазах хищника огонёк напугал её. Однако мужчина ничего больше не сказал. Он с раздражением посмотрел на стоящего позади девушки Александра и, не дождавшись, когда капитан всё же удостоит его вниманием, взял с ближайшего высокого столика свой чёрный цилиндр.

Он не заметил выскочившего из соседней комнаты Стокера и сам распахнул двери. Дрожа от страха и неизвестности, Кейли опустила руку с револьвером, ожидая, что Эшбёрн вот-вот уйдёт, но на пороге он остановился, обернулся и охрипшим голосом произнёс:

– Вы оба ещё пожалеете о том, что пошли против меня.

Только тогда он ушёл. Эдмонд Стокер запер за ним двери и в полнейшем смятении взглянул на капитана и его жену. Тут уже миссис Миллз подросла, и как раз вовремя. Кейли выдохнула и выронила револьвер, потому что он вдруг показался ей жутко тяжёлым, а её руки просто повисли вдоль тела в полнейшем изнеможении. Она почувствовала себя слабой и утомлённой, и сама не понимала, почему. Внезапно она осознала, что натворила. Угрожала человеку, а самое страшное – выдала себя, выдала Александра. И Эшбёрн теперь всё знал.

Позади кто-то обнял её за талию и легко поднял на руки. Кейли услышала, как Алекс строгим тоном велел Стокеру убрать револьвер, а экономке скорее прибратся и убедить-

ся, что никто из прислуги не сновал поблизости. Александр нёс её на руках в библиотеку, не наверх, и она всем телом чувствовала его напряжение. Она понимала, какой тяжёлый разговор предстоял им обоим, и с горечью думала, что гармония, на которую она так уповала прежде, в этот дом уже не вернётся.

Глава 21

В малой библиотеке тоже было холодно. Кейли продрогла ещё по дороге сюда, но Александр быстро распорядился насчёт чая и попросил миссис Миллз принести из спальни его парчовый халат.

Всё было исполнено без лишних вопросов, и через несколько минут Кейли, укутанная в халат мужа, сидела в кресле. Рядом, на тележке с высокими резными ножками, стоял поднос с дымящимися чашками лимонного чая. Алекс расположился в соседнем кресле, предварительно пододвинув его поближе. Два подсвечника на несколько свечей были расставлены на подоконнике, возле книжных полок.

После случившегося Кейли словно впала в оцепенение. Благо, всё прошло, едва экономка вышла из комнаты, а Александр сел напротив. Несколько минут царило обоюдное молчание. Кейли думала о случившемся. Вспоминала испытанное чувство страха, негодования, боли. Было больно, потому что она оказалась бессильна перед человеком, властным подавлять Александра, несмотря на все её старания очистить его разум... и душу.

Кейли вымученно вздохнула и потянулась к чашке. Но ощущение, с которым её пальцы совсем недавно сжимали пистолет, заставило девушку отдёргнуть руку. Это острое ощущение покалывания кожи на ладони... На миг Кейли взглянула на собственную руку, на тонкое запястье, и поразилась тому, как она вообще решилась на подобное.

Смогла бы она, в случае чего, убить человека? Даже столь одиозную персону, как Кристофер Эшбёрн?

Кейли прикусила губу и посмотрела на своего мужа. С самым жалким видом Александр сидел напротив, уперевшись локтями в колени и опустив голову. А когда их взгляды наконец пересеклись, она увидела тень скорби в его прекрасных голубых глазах.

Непрошенное видение открылось её внутреннему взору: мальчишка с дерзким взглядом и светлой копной густых волос, ещё совсем юный и неискушённый, в западне, один на один в доме с людьми, извращающими его тело и разум.

Девушка непроизвольно выдохнула. Её внутренности будто сплелись в комок, и Кейли снова почувствовала глубокое отвращение.

В конце концов Александр сделал глоток уже почти остывшего чая, чтобы промочить горло. Ещё около минуты он хранил молчание, потом обратился к Кейли:

– Надеюсь, ты пришла в себя. Стало полегче?

Она кивнула, и Алекс вздохнул.

– То, что произошло... не должно было произойти.

– Я действовала спонтанно, эмоции взяли верх, – пробормотала девушка. Впрочем, она удивилась дальнейшим словам мужа, поскольку ожидала, что он станет укорять её.

– Ты действовала так, как я никогда не решался. Это был отчаянный поступок, но мужественный, и я ни в чём тебя не упрекаю. – Его голос звучал глуше, а речь – виновато. – Я столько лет жил в страхе... Тот страх, о котором многие люди и не подозревают... Он стал моим вечным спутником и, в конце концов, превратился в зависимость, с которой я сумел ужиться. А потом появилась ты... и я с ужасом и трепетом наблюдал, как ты рушила безопасные стены, в которых я спрятался от одной простой истины.

Он попытался улыбнуться ей. Кейли видела, как он нервно сжимал и разжимал пальцы. Вены на его руках вздулись, и по всей напряжённой фигуре стало понятно, как непросто давались ему эти откровения. Кейли молча слушала, ощущая, как её истекающее тоской сердце откликалось на каждое слово.

– Знаешь, в чём та истина? В том, что мне и не хотелось стать свободным.

– Алекс, пожалуйста...

– И пусть я уже пытался оттолкнуть подальше этот чёртов мир, приносящий одни лишь страдания... Я лишь делал вид, что пытался. Разными способами, знаешь. Но я так и остался там, как и много лет назад. А теперь я вижу, будь я хоть на долю смелее, как ты...

– Но Алекс...

– Нет, дай мне сказать! – повысил он голос, сжав кулаки. – Будь я хоть немного сильнее, я бы победил это. Победил *его*.

Горькая усмешка скользнула по его губам, и это заставило Кейли сжаться. Она не могла понять, что именно чувствовала – страх или смятение. Или всё и сразу.

– Я не смог его победить. В этом ты сегодня убедилась. – Он вдруг поднялся, обошёл кресло и встал позади него. – Хотел бы я быть настоящим мужчиной, чтобы моей маленькой молодой жене не пришлось отстаивать мою честь и переживать то, в чём она неповинна.

– Прошу, перестань так говорить! – упрямо сказала Кейли. – Ты был ребёнком, а он был сильнее...

Александр просто отмахнулся, ненадолго прервав зрительный контакт, поскольку ему, видимо, её жалостливый взгляд был в тягость. И с каким-то пугающим чувством опустошённости Кейли представила, будто снова теряла его, здесь и сейчас. Ей хотелось сказать, что он неправ, что она любит его и плевать она хотела на его прошлое... Она промолчала, потому что этого всё равно оказалось недостаточно. И он не лукавил: чувства, которые он испытывал, и сама его суть – эта «тёмная» личность, взращённая Эшбёрном – всё это пребывало в нём до сих пор. То, чего они с Кейли достигли за последние месяцы, было растоптано в одночасье.

Руки у неё похолодели. Кейли показалось, что перед глазами всё начинает плыть, но она настойчиво призвала все

свои силы и мужество. Её мутило от осознания собственной беспомощности и от всей этой ситуации в целом. И всё же она сумела посмотреть Алексу в глаза и задать единственный насущный вопрос:

– Зачем он приехал? Что ему было нужно от тебя?

Мужчина выдержал паузу, словно обдумывал дальнейшие слова, боясь высказаться неверно. Его потемневший взгляд был прикован к побледневшему лицу Кейли, и отчего-то ей вдруг стало неуютно под этим тяжёлым и будто бы чужим взглядом.

– Три дня назад Джордж дал о себе знать, – начал Александр сухо. – Он написал Эшбёрну довольно объёмистое письмо. Оказалось, после нашей ссоры он пустился в приключения, до сих пор не уступающие предыдущим его загублам. В январе он расстался с Её Высочеством Софией. Кое-кто из окружения нынешнего короля узнал об их романе, и её вынудили выставить Джорджа вон... Правда, его это не слишком расстроило.

Кейли не удивилась. Она отлично знала отношение Джорджа к Софии Глостерской. Наверняка, они расстались полюбовно, учитывая его характер и обаяние. Пока Александр не продолжил, молодая виконтесса нерешительно поинтересовалась:

– А ты... ты знал, что они больше не вместе?

– Будучи при Веллингтоне, я получал различные новости. О Джордже знал лишь, что он уехал из Виндзора куда-то в

деревенскую глушь, к друзьям Софии. Больше ничего, клянись.

– А что же потом?

– Почти сразу же Её Высочество подтолкнула его познакомиться с семьёй приходского священника, с Кларенсами. Это некая семья из Гэмпшира, которых София довольно долго поддерживала материально. У них есть дочь, Мари-Анна, ей восемнадцать лет...

Кейли нутром почуяла неладное. Там, где есть Джордж Эшбёрн и восемнадцатилетняя дочка священника, несомненно быть беде. Видимо, прочитав на её лице смятение, Александр скривил губы в усмешке и кивнул.

– Да, ты не ошиблась. Мой вездесущий братец и здесь поспел. Правда, его «охота за богатыми наследницами» тут и окончилась. Мари-Анна забеременела, и она на втором месяце уже...

– Господи... – Кейли не сдержалась и прикрыла ладошкой рот. – Не могу поверить, что он всё рассказал своему отцу в письме!

– Так и есть. Дело в том, что Её Высочество всё узнала и устроила им тайное венчание. Знаешь, весьма благородно со стороны Софии проспонсировать бывшего любовника и его невесту.

– Что? Ты хочешь сказать, Джордж женился на этой девушке, никого не предупредив? – услышав в ответ едкий смешок, Кейли не удивилась, но возмутилась. – Не могу по-

верить, что ты относишься к этому столь легко. Твой брат ничего нам не сообщил. Прошло всего три месяца, а он за это время успел жениться... И у него будет ребёнок!

– Теперь ты понимаешь, почему Эшбёрн ворвался сюда сегодня?

Она тут же прикусила язык. Александр был прав. Можно только представить реакцию лорда Эшбёрна, когда он понял, что младший сынок-повеса обручился с дочерью священника. Кейли с шумом втянула носом воздух, спрятала пылающее лицо в ладонях и просидела так пару минут, пытаясь успокоиться.

– Эшбёрн рвал и метал, – продолжал Александр всё тем же насмешливым тоном. – Говорил, что в письме Джордж просил его о встрече. Просил приехать и поговорить с глазу на глаз. Хотел всё исправить, чтобы снова стать одной семьёй.

«А была ли она, эта семья, хоть когда-нибудь?» – подумала девушка, заранее зная ответ. Вслух же спросила:

– А как же ты?

– Он и обо мне написал. О том, что желает покончить с обидами, но сначала просил прощения у отца за все свои... позорные приключения.

– Ну что ж, в этом он не лукавит! Джордж умудрился опуститься в моих глазах до невозможного!

Алекс улыбнулся, как часто это делал, соблазняя, с хитрым огоньком в глазах, и от этой улыбки сердце Кейли за-

трепетало, будто ей снова было пятнадцать. Она ничего не могла с собой поделать – он обезоруживал её за один миг, и порой это даже пугало.

– Я знаю, что на самом деле ты вовсе не злишься на него, – Александр провёл рукой по волосам, взлохматив их; он опустился на колени перед женой и взял её руку в свою. – Ты слишком добра. И он тебе нравится.

На это она ничего не ответила.

– Я тоже, пожалуй, уже не держу зла. Честно говоря, я не почувствовал ничего, когда узнал о его раскаянии. Однако это уже случилось. Хотелось бы верить, что Джордж одумался. И я мог бы с ним встретиться.

– Возможно, ты прав... Но я очень расстроена, что из-за него лорд Эшбёрн не оставляет тебя в покое. Он не имеет права ничего требовать от тебя, – нежным жестом Кейли прикоснулась к его щеке, погладив пальцами чуть колючую кожу. – Скажи, о чём вы говорили, пока я не пришла?

Александр устало вздохнул. Выражение его лица изменилось, во взгляде появилась тоска. Он мягко взял запястье Кейли и отвёл её руку.

– Как и всегда, после бокала бренди он обвинил меня во всех смертных грехах. Я сказал, что он всегда позволял Джорджу слишком много, и Эшбёрн взбесился. Напомнил о моём отказе служить герцогине Кентской, о ссоре с Веллингтоном и Конроем. Упомянул, что все его новые приятели теперь смеются над ним на каждом светском приёме.

– Ох, Алекс...

– А Джон Конрой торжествует, потому что я мог бы занять его место. На всё это я ответил, что его репутация меня больше не волнует. И что у него нет надо мной власти...

Он замолчал ненадолго, нервным движением погладив запястье девушки, затем тихо произнёс:

– Он припомнил мне всё, что мы делали тогда... Всё, что он заставлял меня делать... и то, чем я занимался с удовольствием. И я впал в ступор. Тогда пришла ты... и спасла меня.

Кейли не знала больше способов его утешить. Не знала, как ей поступить и что сказать, глядя в лицо любимого мужчины, чьё сердце ей так и не удалось излечить. Сколько же боли и тоски оно впитало! Да, оно пропиталось пороком и страхами, потому что много лет Александр просто не знал иной жизни. Он существовал так, как его учил Эшбёрн. А теперь она видела это в его глазах и сама испытывала муку.

– Я встречу с ними. С ними обоими. Ничего иного не остаётся, – Александр пожал плечами, напустив вдруг безразличный вид. – И тебе больше не придётся защищать меня.

Кейли кивнула и вымученно улыбнулась. Он считал себя жалким, но она видела это иначе. Она всегда смотрела на него не так, как он видел себя. Теперь он решил попытаться поставить точку в порочной истории, не отпуская его с самого детства. И, возможно, это будет последняя попытка избавиться от кошмара, которому он так долго не решался взглянуть в глаза. Ведь нельзя преодолеть страдание, если

откажешься смотреть на него.

Молодая виконтесса пообещала сама себе поддержать его. Кейли выдохнула и, неожиданно для Александра, бросилась ему на шею. Она прижалась к нему всем телом, и парчовый халат соскользнул с её плеч. В конце концов, сильные руки коснулись её в ответ, горячие ладони стали успокаивающе поглаживать поясницу, и Кейли с облегчением решила, что Алекс понял её. Забравшись к нему на колени, она продолжила обнимать мужа, шепча о том, что всё будет хорошо.

Он был удивлён, получив приглашение от отчима всего через неделю после инцидента в Фаунтинс-холле. Подъезжая в экипаже к нужному дому, находившемуся в западной части Лондона, Александр то и дело прокручивал в голове сухое содержание того приглашения. Эшбёрн встретится с ним и Джорджем в доме его «знакомой», некой миссис Вулдрич. Алекс ничего не знал о ней, но догадывался, что под «знакомой» отчим подразумевал очередную любовницу.

Экипаж остановился напротив нужной калитки, и перед тем, как решиться постучать в двери, Алекс снова подумал о своей жене. Это были непрошенные мысли, и каждый раз, вспоминая заплаканное лицо Кейли, ему хотелось бросить эту затею, развернуться и отправиться обратно, в Фаунтинс, где она ждала его, в их доме.

Капитан Стоун мотнул головой и приказал самому себе быть стойким. Он пару раз постучал по выкрашенному се-

рым дереву, и за дверью послышались шаркающие шаги. Открыла ему довольно пожилая дама в помятом чепце. «Занятно, – подумал Александр саркастично, – как быстро у него поменялись вкусы».

Он удивился ещё больше, когда, стоило ему ступить за порог, в узком коридоре его встретила другая женщина, брюнетка с высокой прической, много моложе и ухоженнее. На вид ей было около сорока лет, и ей очень шло домашнее платье из шерстяной клетчатой ткани. Она улыбнулась и представилась миссис Вулдрич, после чего пригласила капитана пройти в комнату на втором этаже. Глядя ей в спину, Алекс скучливо закатил глаза. Вот это был выбор Эшбёрна, не иначе. И о чём он только думал...

Пожилая дама в чепце закрыла за гостем входную дверь и прошаркала в домашних туфлях куда-то под лестницу.

В комнате, где Кристофер Эшбёрн ожидал Александра, горел камин, а на столике уже был приготовлен поднос с шерри. Миссис Вулдрич прошептала что-то на ухо своему любовнику и поцеловала его в щетинистую щёку. Оставив на каминной полке бронзовый подсвечник в тяжёлой подставке, женщина грациозно склонила голову перед Александром и покинула комнату.

– Твой брат опаздывает, как и всегда, – бросил Эшбёрн через плечо. – Горбатого лишь могила исправит. И с чего вы оба решили, что женитьба на дочери какого-то церковника его изменит?

Алекс пропустил мимо ушей его замечание насчёт поведения брата. «Кто бы говорил!» – подумал он, но сдержался и промолчал. Капитан Стоун подошёл к столику, плеснул в стакан шерри и осушил его залпом.

– А своему отцу не нальёшь? – послышался со стороны неожиданно ласковый голос Эшбёрна.

– Нальёшь себе сам, – рявкнул Алекс, чересчур громко поставив стакан на место.

– А-а... Всё такой же суровый. Не меняешься. В ту ночь я уж было решил, что из-за маленькой виконтессы ты действительно размяк.

Александр вмиг ощутил, как злость вместе с обжигающим напитком разлилась в груди. Он посмотрел на отчима тем самым взглядом, которого так боялись желторотые солдатики в его училище, если бы посмели провиниться перед капитаном.

– Вам бы попридержать язык, сэр. Ни слова о Кейли, ясно? Её это никак не касается.

Эшбёрн тем временем налил себе шерри, пригубил немного и встал со стаканом в руке у единственного незашторенного окна, облокотившись о стену.

– Всё же тут явно что-то не так. Уж не влюбился ли ты? – произнёс он вслух, на что Алекс хотел сделать выпад, однако мужчина настойчиво продолжил: – Нет, нет, можешь не отвечать, всё понятно! Напомнить тебе, кто именно устроил этот союз? Кто крутился вокруг виконта Саутфолка, если

выпадал такой шанс?

– Этот разговор не имеет смысла. Я сюда не семью виконта обсуждать пришёл...

– Да-да, ты пришёл в очередной раз защитить своего никчёмного брата! – Эшбёрн усмехнулся и сделал ещё глоток. – Какое же он недоразумение! Оставил нас без пенни, разорил наш дом, потом слинял, чёрт его знает, куда, из-за чего мне пришлось стелиться перед Хардингом едва ли не денно и ночью! И что дальше? Мальчишка с удовольствием стал временной подстилкой принцессы, до которой едва ли кому было дело! Но даже она его прогнала! Позорище...

– И вы прекрасно знаете, сэр, отчего он стал таким!

Александр сделал произвольный жест рукой, ударив по пустоте. Пусть отчим говорил правду, но у этой правды имелаась твёрдая и неприятная почва. И Алекс чувствовал, что, если так пойдёт, у него сдадут нервы. Он уже разозлился. А Эшбёрн всегда умело этим пользовался.

– Просвяти-ка меня, мальчик, – протянул отчим, иронично подняв бровь.

– После смерти матери не только вам пришлось искать способы излечиться от этого горя. А Джордж был ещё маленьким! Ему нужен был отец, а вы его за пустое место считали!

– Потому что я понятия не имею, мой ли он...

– Чушь! Мама была вам верной супругой...

– Ты не помнишь, а ведь мы поженились, потому что ей

нужны были мои деньги.

– Хватит! Она вам не изменяла!

Кристофер Эшбёрн глухо засмеялся, и Алексу захотелось ударить его в раскрасневшееся от алкоголя и смеха наглое лицо.

– Все знали, что она меня не любила... И Джордж может не быть моим сыном.

– Это лишь то, во что вы решили поверить.

– Ты знал, что он несколько раз занимал у меня крупные суммы, пока ты в Фаунтинс прохлаждался? – мужчина хмыкнул, поглядев сквозь стакан. – А потом спускал их в карты и на любовниц.

Алекс знал, разумеется, откуда у брата появлялись средства. Он частенько клянчил деньги у отца, но за последний год Александр и не думал, что Джордж кормился за счёт Эшбёрна и того, что они получили от виконта. Но разве это важно? Стоун изо всех сил сдерживался, чтобы снова не повысить голос.

– Вы меня вообще слышите, сэр?

– А ведь на эти деньги – приданное твоей ненаглядной девчонки – я собирался выкупить фамильный дом и землю...

– Это всё в прошлом!

– Этот мелкий пакостник ничего не вернул, – произнёс Эшбёрн, кивая самому себе в ответ. – Пришлось снова подбивать клинья под Элизабет... Боже, кто бы знал, какая она

заносчивая гадина! А в Америке вечно лишь тебя вспоминала...

– Мне что, поблагодарить вас за попытку уберечь от очередной встречи с этой женщиной?

– Не за это, но за то, что я обеспечил твоё будущее! – отчим так яростно сверкнул в его сторону глазами, что на миг Алекс вздрогнул, будто вернулся в детство. – Так и прирос бы к своему чёртовому училищу с жалким доходом офицера! Я знал, знал, что ты никогда не решишься на нечто большее! Всё пришлось брать в собственные руки!

Опьяневший он чуть не разбил стакан о подоконник, так яростно он стал жестикулировать. Александр смотрел на него с отвращением и, как это ни странно, жалостью. Старик так искренне поносил разочаровавших его отпрысков, не принимая факт собственной вины, отчего все эти обильные излияния казались попросту смешны. И Алекс посмеялся бы над ним... Не будь он тем, кем являлся на самом деле.

– И нечего сверлить меня этим взглядом! – Эшбёрн хотел было свободной рукой схватить Алекса за плечо, но тот ловко увернулся. – Плевать мне, чего там хочет твой брат. Я никогда его не приму. Ни его ублюдка, ни его извинения! И пусть катится к чёрту!

– Он всего лишь хочет помириться.

– Да, он до одури наивный и простой. Зато без труда охмуряет девиц... Такой же, как его мать... А вот мы с тобой другое дело. Из иного теста слеплены.

Мужчина сделал на удивление твёрдый шаг вперёд, и Александру пришлось собрать всё мужество в кулак, чтобы не отпрянуть от него. Он стоял так близко и смотрел так провоцирующе, что Алексу вмиг стало тошно. Тот же взгляд, что и в детстве. Тот же голос – наигранная нежность вперемешку с надменностью. Казалось, вот-вот он ударит его, как часто бывало, потому что Алекс не слушался и сопротивлялся.

– Хоть ты и не мой сын, но ты тот, кем я мог бы гордиться, – произнёс Эшбёрн, ожидая от молодого капитана некой реакции, наблюдая за ним, и вдруг положил руку ему на затылок, притянув ближе. – Ты забыл наши развлечения? Забыл, чему я учил тебя? Нет, нет, разумеется не забыл! И то, что у тебя в жизни появился небольшой груз, не значит, что мы не можем испытать это удовольствие снова...

Стоун оттолкнул мужчину от себя, когда почувствовал его дыхание слишком близко. Его тошнило, хотелось выбежать на свежий воздух, но Эшбёрн всё не унимался. Он схватил Александра за ворот обеими руками и потянул на себя.

– А может, она всё-таки изменила тебя? – прошипел он с внезапной яростью. – Что она сказала, когда узнала о твоих проделках в постели, а?! Ты говорил ей, чем мы занимались, когда тебе исполнилось тринадцать?

– Ты пьян! Отпусти, или я тебе руку сломаю!

– Наверняка, она была разочарована! Но ты всё же умудрился переспать с нею, значит, тот опыт пригодился...

Одним ударом, сильным и точным, Алекс сбил его с ног. Эшбёрн влетел спиной в стену, сполз по ней, но остался в сознании. Александр тяжело дышал, всё ещё сжимая правый кулак, где на костяшках пальцев осталась кровь. Стоун перевёл взгляд на отчима – его губа распухла и была рассечена. На полу, совсем рядом, лежали осколки разбитого стакана.

Это была пугающая долгая пауза, пока Александр собирался с мыслями, глядя на свои дрожащие руки, а Эшбёрн пытался подняться. И вот тогда, прежде чем с изувеченных губ мужчины сорвалось первое проклятье, Стоун заметил, как быстро кровь отлила от его лица. Кристофер Эшбёрн резко встал, ухватившись рукой за край подоконника, и на выдохе прошептал:

– Джордж...

У Алекса сердце упало. Он обернулся и увидел на пороге комнаты своего брата. Белого, как его рубашка, с взглядом испуганного оленёнка. Александр мысленно выругался. Он настолько растерялся из-за поведения отчима, что даже не заметил, как пришёл кто-то ещё!

Он хотел что-то сказать – не получилось. Слова комом застряли в горле. И по бледному лицу младшего брата он понял, что Джордж слышал их с отчимом разговор. Он слышал всё.

– Как давно ты тут стоишь?

Вопрос Эшбёрна остался без ответа. Джордж просто переводил ошеломлённый взгляд с него на брата, а Алексу ка-

залось, что это из него выбили весь дух. Наконец, Джордж пошевелился. Он осторожно закрыл позади себя дверь, затем прошёл на середину комнаты и уставился на отца безумным взглядом.

– Вот, значит, какие развлечения ты имел ввиду тогда, в детстве, – прозвучал его пугающе пустой голос. – А я всё не мог понять, почему я не мог участвовать... Почему ты не возился со мной, как с Алексом...

Стоуна словно пригвоздили к месту, он не мог пошевелиться. Случилось худшее, что он только смел вообразить. Сердце его любимого младшего брата, разгильдяя и повесы, в глубине души наивного добряка, было разбито. А когда Джордж медленно обернулся, и их взгляды встретились, он увидел в глазах брата застывшие слёзы.

– Я дурак, да? – одними губами произнёс он и вдруг опустил голову.

– Мало того, что девчонка Хардинг всё узнала, теперь ещё и ты... – Эшбёрн едва стоял прямо, видимо, удар капитана оказался действенным. – Уже слишком поздно... Но раз ты всё знаешь, нет нужды притворяться.

Кристофер Эшбёрн сделал глубокий вдох, посмотрел на Джорджа, спрятавшего взгляд за длинной чёлкой, сплюнул на ковёр кровь и раздражённо процедил:

– Нет у меня детей... Не было... И нет!

Краем уха Алекс расслышал копошение за дверью и на миг подумал, что их вот-вот прервёт очередной свидетель.

Но в следующую секунду увидел, как вышедший из оцепенения Джордж выпрямил спину, бросив жалостливый взгляд в его сторону, и очень тихо прошептал:

– Да будет так...

Стоун успел только рот открыть, его отчаянное «стой!» так и осталось не произнесено, потому что, резко обернувшись, Джордж вдруг схватил с камина подсвечник и ударил им отца. Острый угол тяжёлой подставки пришёлся как раз в висок мужчины, в это мгновение с его губ сорвался глухой стон. Он упал тут же, под окном, затылком на осколки разбитого стакана.

Александр подхватил брата под руки, но тот и не думал сопротивляться. Он обмяк, и какое-то время в комнате слышны были лишь тяжёлое дыхание Джорджа да треск поленьев в камине. Алекс усадил брата на пол и устался на отчима, который уже не шевелился. Глаза его были широко раскрыты, а в правом виске над линией бакенбарды зияла рана. Будто загипнотизированный, Александр смотрел в эту рану, в самую её глубь, и почему-то ему казалось, что сочащаяся оттуда кровь живая. Она пульсировала и извивалась лентами, стекая к уху и дальше, по волосам, на ковёр. «Странно, – подумал он неожиданно безразлично, – на поле боя всё выглядело по-другому».

Когда за спиной послышался топот нескольких пар ног и скрип двери, Алекс не обратил внимания. Он подскочил к брату, прижавшемуся к стене, выхватил у него подсвечник и

бросил на пол подальше.

– Какого дьявола здесь произошло?!

Оба брата взглянули на застывшего в проёме лысого здоровяка, одетого в перештопанные рубашку и брюки, а поверх них длинный засаленный фартук. Он бегло оглядел бардак, увидел тело на полу и тут же побагровел. За его спиной, ни жива, ни мертва, визгливо закричала хозяйка дома.

– Милостивый Боже! – перекрестился мужчина. – А ну вы, оба, встаньте! И не вздумайте бежать отсюда!

Его резкий резонирующий голос заставил Джорджа очнуться от ступора. Подняться на ноги он сам не смог, Александру пришлось подтянуть его и держать за плечи.

– Что же... Что же делать, Алекс? – молодой человек в отчаянии взглянул на него, его губы дрожали. – Господи, что теперь будет?! Я правда его убил? Алекс, я не нарочно... Я ничего не видел перед собой! Что мне делать?!

Странно, но, пока Джордж, рыдая, хватался за него, как за спасательный плот посреди океана, и прятал пылающее лицо у брата на плече, а позади подоспевшие свидетели о чём-то негромко переговаривались, Александр чувствовал облегчение и некое спокойствие. словно тёплая волна накатила на него и укрыла с головой... И пусть через минуту это ощущение тепла сразу испарилось, Алекс прижал Джорджа к себе и властно произнёс ему на ухо:

– Успокойся! Успокойся сейчас же, слышишь? Я всё исправлю! Не плачь, они не должны слышать, как ты плачешь!

Смотри на меня! – и он заставил Джорджа взглянуть на него, коснувшись его лба своим. – На меня посмотри! Мы справимся. Старший брат сумеет выкрутиться, как и всегда! Помнишь, да? А теперь пообещай мне только одно – делай в точности как я говорю!

Последние слова он процедил угрожающе строго, и Джордж закивал без раздумий. И перед тем, как в доме появился констебль и увёл их обоих, Александр ещё раз успел взглянуть на остывающее тело своего отчима. Он не смог сдержать ироничной ухмылки, переступая порог проклятой комнаты вслед за констеблем.

Главная причина всех страхов, его пугающей зависимости и безумия больше не могла его преследовать. Александр ощущал себя на удивление свободным, прекрасно осознавая, какую жертву придётся принести ради этой свободы. И страшнее всего оказалось то, что он был к этому готов.

Глава 22

Было уже поздно, когда из окна большой библиотеки Кейли заметила закрытую коляску на подъездной дороге. Девушка сняла очки для чтения и пригляделась, но пассажиров рассмотреть не смогла.

– Ах, но ведь это не он! – произнесла она вслух.

Александр отсутствовал уже пять дней. Ни весточки не прислал сам, ни даже строчки от мистера Стокера не было. Они уехали вместе через сутки после громкого появления лорда Эшбёрна, и с каждым днём неведения Кейли ощуща-

ла, как нарастала её тревога. Александр просил не волноваться и обещал сразу после разговора с отчимом и братом вернуться домой. И вот, уже скоро неделя, как он исчез, а новостей всё нет. Что-то произошло в Лондоне, и молодая виконтесса порывалась уже сама поехать и всё разузнать. Её терпение и мужество были на исходе, а последние две ночи она вовсе не спала.

Предчувствуя, что поздний гость мог быть послан капитаном, Кейли набросила на плечи шаль и спустилась в холл. Там она столкнулась лицом к лицу с Эдмондом Стокером, и он был не один. Рядом с камердинером, перебросив через правый локоть своё вельветовое пальто, стоял темноволосый мужчина с цепким взглядом серых глаз и длинным острым носом, придающим ему величественный вид. На первый взгляд ему было около сорока пяти лет, выглядел он солидно и модно в своём дорожном костюме. Заметив Кейли, сошедшую со ступеней парадной лестницы, он снял шляпу, передав её Стокеру, и элегантно поклонился.

Камердинер капитана Стоуна, едва ли не запинаясь на каждой фразе, представил его как сэра Джона Копли⁴, генерального солиситора Англии и Уэльса, и по совместительству члена ордена барристеров. Кейли понятия не имела, кто он такой, и тем более ради чего юрист явился в Фаунтинс в столь поздний час.

⁴ 1-й барон Линдхерст, (21 мая 1772 – 12 октября 1863 г.) был британским юристом и политиком.

– Её Милость не предложит нам чашку чая в тихой обстановке? – намекнул сэр Джон Копли, и Кейли вмиг покраснела.

Она велела подать чаю в малую гостиную и зажечь свечи. После того, как все формальности оказались соблюдены, а экономка откланялась, Кейли решила поинтересоваться о цели визита уважаемого барристера.

– Мне весьма горько сообщать вам об этом... С другой стороны, хорошо, что слухи не распространились за пределы Лондона, ведь в нашем деле чем меньше свидетелей, тем лучше.

Сэр Копли говорил чётко, глядя прямо собеседнику в глаза, его строгий тон был неумолим, при этом он не казался чопорным или надменным. Но для Кейли его слова стали чем-то вроде иглы, воткнутой в сердце. Она перевела беспокойный взгляд на Стокера, поразившись его бледности и испарине на лбу, и спросила, наконец, в чём тут дело.

Эдмонд дрожащей рукой протянул ей большой конверт, из которого девушка извлекла два документа, на одном из них красовалась с чья-то размашистая подпись.

– Что это? Что происходит, господа? – раз уж они оба молчали, Кейли повысила голос на камердинера. – Где мой муж, мистер Стокер?! Вы ответите мне или нет?

И тогда Джон Копли, откашлявшись в кулак, встал перед нею.

– Леди Саутфолк... Я здесь по просьбе герцога Веллинг-

тона. Он поручил мне это дело, поскольку считает меня одним из лучших в ордене. Один из документов, что вы держите, это копия признания вашего мужа, капитана Стоуна, а второй – приказ сэра Уильяма Гарроу, назначенного на это уголовное дело судьи.

– Я всё равно вас не понимаю. Какое признание? Какое дело? Мистер Стокер! Может, вы соизволите объяснить, почему вернулись из Лондона без моего мужа?

Но Эдмонд её словно не услышал. Утерев платком лицо, он тихо обратился к Копли:

– Всё же хорошо, что это не попало в газеты, сэр. Я боялся огласки, тогда даже тут никакого покоя не было бы...

– Огласка будет, поверьте! Тут уж ничего не попишешь. Ни Конрой, ни Его Величество это так не оставят...

– О чём вы оба тут болтаете?

Кейли уже было плевать на условности. Она знала, чувствовала, что с Алексом что-то произошло. И если в разговоре промелькнуло имя Джона Конроя, то всё намного хуже, чем кажется.

– Сядьте! – неожиданно велел Копли, и Кейли инстинктивно подчинилась. Сам мужчина сел напротив, в глубокое кресло. – Слушайте же, и я призываю вас быть сильной. Несколько дней назад, в одном из жилых лондонских домов, несколько соседей и хозяйка стали свидетелями преступления. Убийство. Был убит Кристофер Эшбёрн...

Кейли резко откинулась на спинку софы, словно нечто

притянуло её за плечи назад. Она потеряла дар речи. Дрожащей рукой она прикрыла рот, вспоминая ночь, когда угрожала Эшбёрну оружием прямо тут, в этом доме. В это же мгновение она с ужасом осознала произошедшее. Её стало мутить. Стокер заметил, как кровь отлила от лица девушки, и поспешил подать ей чай, но больше одного глотка Кейли не осилила.

Сэр Копли продолжал говорить всё тем же властным голосом. Рассказал, что в доме, помимо Эшбёрна, находились оба его сына. Свидетели обнаружили их в той же комнате, возле тела.

– Они не сопротивлялись, не бежали, напротив, оба сотрудничали. В комнате нашли орудие убийства. Тяжёлый бронзовый предмет, которым ударили жертву... Что ж, удар был крайне сильный и пришёлся в височную область головы... Нет, я не стану шокировать вас подробностями, тем более всё это более ёмко описано в признании капитана. – Сэр Джон удержал паузу, заметив, что Кейли ещё приходила в себя; она пыталась дышать глубоко, ровно и то и дело прикрывала глаза. – Когда страсти поутихли, капитану Стоуну предоставили возможность сообщить всё мистеру Стокеру. Тот в свою очередь догадался поспешить в контору герцога, где донёс до его секретаря о случившемся.

– Никто пока не хотел тревожить вас, – поддакнул Эдмонд. – Пару дней только выясняли все подробности, допрашивали свидетелей, вашего супруга и его брата...

– И как только я узнал, что будет назначен суд присяжных, я помчался в Лондон, поговорить с заключёнными...

Кейли понадобилось некоторое время, чтобы всё это осмыслить. Эшбёрн мёртв. Действительно мёртв. Случилось то, что она сама едва не совершила ещё несколько дней назад. От этой мысли её едва не затошнило, но пришлось сдержаться. Значит, Джордж и Александр встретились с отцом в том доме.

«А если это в отместку за меня? Или потому, что Эшбёрн мог угрожать, ведь я всё знаю о нём и Алексее», – Кейли медленно вздохнула, воззвав к стойкости, но руки у неё уже предательски похолодели и задрожали.

– Где они сейчас? – с трудом спросила она.

– Ваш муж в Ньюгейт, это тюрьма для ожидающих смертной казни, но не спешите с выводами! – мужчина сделал знак рукой, призывая Кейли к спокойствию. – Он содержится в отдельной камере, несмотря на плохие условия, он далеко от негодяев, которых в тех стенах в любом случае ждёт смерть. К сожалению, об убийстве Эшбёрна узнали быстро, кто-то из приближённых короля, и мы не знаем, кто именно. Но через Палату общин предварительно был выдан приказ запереть капитана в Ньюгейт. Таково условие...

– Условие? – Кейли поёжилась, ей стало зябко. – А где Джордж? Где его брат?

– В том всё и дело, миледи. До слушания младший Эшбёрн остаётся в Олд-Бейли, под присмотром. Благодаря

признанию вашего мужа он будет лишь свидетельствовать. Очень многое зависит от этого суда... Но ещё больше зависит от того, что скажет капитан Стоун в свою защиту.

– Разве не вы... Разве это не вы будете его защищать? И почему Джордж не в тюрьме? Я что-то не...

– Прочтите копии документов, леди Саутфолк, – сказал Копли на этот раз с отеческой строгостью. – Я донёс до вас лишь суть. Более того, никто не должен видеть эти документы, кроме представителей королевской атторнейской службы... Но Веллингтон к вам весьма расположен. И к вашему супругу. Он хочет бороться за него... То, что вы прочтёте – тайна за семью печатями!

Бросив на неё, поникшую и болезненно бледную, жалостливый взгляд, Джон Копли поднялся и перебросился парой фраз со Стокером.

– Прошу меня простить, я должен ехать, – сказал он напоследок. – Будьте смелой. Помните, что я добьюсь смягчения приговора, чего бы нам это ни стоило.

Пока он не покинул гостиную в сопровождении Стокера, Кейли вдруг окликнула его и спросила упавшим голосом:

– Я могу его увидеть?

– Увы, до дня суда это невозможно. И боюсь, что для капитана эта встреча была бы слишком тяжёлой.

Мужчины ушли, оставив её в одиночестве. Кейли хотела подняться, но ноги не держали. Долгое время она сидела так, слушая лишь шипение воска свечей и как ветер тревожил

голую ветку за окном. Наконец, сбросив шаль, Кейли взялась за бумаги, оставленные Стокером.

Один из документов действительно был подписан судьёй Гарроу, в нём он констатировал статус дела, заключение под стражу Александра Стоуна на основе показаний свидетелей и его собственного признания, а также детали обвинения и дата слушания. День суда приходился на двадцатое апреля. Уже совсем скоро. Кейли с тоской думала о том, что Алексу придётся провести всё это время в Ньюгейт, в прежние времена славившейся ужасными условиями содержания заключённых и частыми бунтами.

Второй документ содержал признание капитана Стоуна и был переписан чужой рукой. Прежде чем приступить к чтению, Кейли сделала глубокий вдох и приготовилась к чему-то такому, что способно было неумолимо её ранить. Возможно, даже разбить ей сердце.

Признание было написано сухо, в официальном тоне, без лишних эпитетов и субъективных деталей. Александр писал, что в ночь определённого дня вместе со своим единоутробным братом Джорджем встретился с отчимом для обсуждения прошедшей свадьбы младшего Эшбёрна. Завязался конфликт, и капитан кулаком нанёс первый удар отчиму в лицо; затем, вышедший из себя, он ударил его посторонним предметом, не рассчитав силы, поскольку был зол на Кристофера Эшбёрна; тот якобы оскорбил память о покойной супруге и Джорджа, на которого в детстве часто поднимал руку.

В заключение он полностью признавал свою вину, упоминая, что Джордж Эшбёрн оставался лишь непричастным свидетелем.

Всё прочитанное отняло у Кейли больше сил, чем она могла предположить. Перед глазами, словно вживую, стояла картина убийства и Александр, разгневанный, возвышающийся над телом отчима. Чувствовала ли она жалость по отношению к покойному? Ничуть. И Кейли это не смущало. Кристофер Эшбёрн заслужил смерть. Но Кейли боялась, что, отпустив былые страхи и рискнув всем, Александр окончательно потеряет себя. Вдруг, это уже случилось? Мало того, его может ожидать казнь, а она даже не знает, как помочь.

И до сих пор он не передал ей ни строчки... вот, что действительно ранит.

Кейли швырнула документы на сиденье рядом и спрятала лицо в ладонях. Ей казалось, если бы не её вмешательство в ту ночь, эта сумасбродная выходка с угрозой на глазах у мужа, то этой трагедии вовсе не случилось бы.

И в какой-то миг, когда отчаяние взяло над нею верх, она подумала о ребёнке, которого уже могла ожидать. О том, что Александр мог умереть, так и не узнав ничего. Она представила себя без него, с малышом на руках, и содрогнулась. Девушка коснулась живота, бездумно погладила его ладонью и беззвучно заплакала, уставившись в одну точку.

Ещё месяц назад ей казалось, что никакие невзгоды не заберут у неё мужчину, которого она обожала, боготворила.

Она добивалась его расположения, отринув гордость и разум, она билась за его любовь, и он ответил ей... А сейчас всё это медленно катилось к чёрту.

О том, что суд присяжных состоится на следующее утро, Александр узнал от тюремщика, посещавшего его камеру чаще остальных. Так уж получилось, он потерял счёт дням примерно через неделю, как оказался здесь. Несмотря на то, что из этой узкой камеры с высокими потолками ему всё же был доступен кусочек неба за решёткой, расположенной на расстоянии примерно в две руки ввысь, Алекс не следил за временем. Спал он мало, в основном сидел на краю койки, или у стены.

По ночам было холодно, ноги и руки никак не отогревались, хоть ему и принесли покрывало через три дня, этого оказалось недостаточно. Он устал, продрог, отчаялся. Но страха не было. Александр не боялся ни этого места, ни того, куда попадёт после тюрьмы.

Он ощущал себя свободным наедине с мыслью о том, что человек, к которому он был прикован невидимыми кандалами, больше никогда не встанет у него на пути. Он не посмотрит хищным прищуром ему в лицо, не напомним о долгих ночах похоти и разврата, оставшихся выжженными в душе. Его душа черна, конечно, но Алекса это не тяготило. Порой он не мог сдерживать улыбки – ничто более не мешало ему признать себя негодяем и грешником.

Хуже всего здесь, в этом холоде, в темноте, наполненной частыми криками и лязгом чьих-то цепей, да ударами плети, было вспоминать Кейли. Он старался, как мог, не думать о ней. Бесполезно. Как и год назад, проникнув в его жизнь, она и здесь не давала ему покоя. Он запомнил каждую её черту, каждый изгиб её молодого тела, каждый дюйм этого тела, потому что успел хорошенько изучить, попробовать всеми доступными способами... Он скучал по ней, проклинал её, проклинал себя, потому что влюбился, а потом всё разрушил.

Это худшее наказанием из всех – знать, что она где-то там ждёт его и страдает, а он обрекает их обоих на расставание. Увидеть бы её, взять за руку, прикоснуться к локонам, которые хранят её аромат, и сказать, как ему жаль... О чём он только ни думал, сидя на каменном полу своей камеры. Но, глядя на толстые решётки и слушая грубую брань где-то в глубине тюремных коридоров, Алекс убеждал сам себя, что пора бы вырвать её из сердца, иначе он умрёт неприкажанным.

Она так старалась спасти его, излечить. Но как можно спасти кого-то от них самих? Александр знал, что он трус, а она сильнее него. Она справилась бы без него. Так зачем продолжать? К чему все эти душевные страдания, муки любви и привязанности? Если бы не она, если бы она не появилась и не прикоснулась к его израненному сердцу, ему вообще не пришлось бы задумываться об этом.

«Не нужно было любить её, – гложила его одна мысль. – С самого начала я не должен был давать ей надежду».

Всё было кончено. Ничего не осталось, кроме инстинктивного желания спасти брата в последний раз. В любом случае Джордж обещал молчать. Обещал жить достойно, и на этот раз Александр ему поверил. И Бог ему судья...

Ещё до заката к нему привели посетителя. Тюремщик предупредил, что это женщина, и Алекс тут же вскочил с койки, бросившись к дубовой двери. Он вцепился в массивную решётку и приник к ней, с ужасом и волнением ожидая, что сейчас из темноты выйдет его жена. Одна мысль, что Кейли окажется в этом отвратительном месте и увидит его таким – жалким оборванцем – заставляла его дрожать.

Но гостем оказалась не Кейли, и Александр выдохнул. В сопровождении двоих молодых людей к его камере подошла миловидная женщина лет сорока, рыжеватая, с большими карими глазами и удивительно тёплой улыбкой. От шеи до пят она была закутана в чёрный плащ, волосы скрывал чепец с белым кружевом.

Разумеется, абы кого не пропускали в Ньюгейт, лишь с разрешения лорда-мэра города, Джона Томаса Торпа. Посетительница любезно поприветствовала капитана Стоуна и представилась Элизабет Фрай⁵, и Алекс понял, что его навестил сам «ангел тюрем», как все её называли. Об этой уди-

⁵ (21 мая 1780, Норвич, Англия – 12 октября 1845, Ремсгейт) социальная активистка, реформатор тюремной системы Англии.

вительной женщине ходили легенды, она много лет уже посещала Ньюгейт, добиваясь улучшения условий для заключённых, навещая местных женщин и детей. Она жертвовала одежду, занималась благотворительностью и писала в Палату общин. Чиновники прислушивались к ней, на её выступлениях в комитетах парламента творился всеобщий ажиотаж.

Александр не без сарказма вслух заметил, что миссис Фрай свернула не в том коридоре, раз попала к нему. Женщина улыбнулась, и его сердце дрогнуло. Она сказала, что новости о заключении молодого капитана застали её уже здесь, и она ощутила потребность встретиться. Фрай почувствовала ему, затем спросила, не будет ли он против, если она почитает при нём. Александр не мог возразить. Ей принесли табурет и свечу, и около получаса «ангел тюрем» вслух читала Алексу Евангелие. Это не раздражало, не беспокоило, даже когда Элизабет Фрай мягко припомнила его грех, он ни слова не сказал. Обиды не было, её голос успокаивал. К тому же перед уходом женщина вдруг подошла ближе, хоть это и было запрещено, взглянула Александру в глаза и с материнской нежностью сказала:

– Вы не похожи на хладнокровного убийцу, сэр, а я могу распознать убийцу, если увижу. Хотела бы я помочь вам, однако не в силах это сделать. Если Господь дал вам это испытание, я желаю пройти его с достоинством. Пусть ваше сердце обретёт покой.

Неожиданно она скользнула рукой между прутьями две-

ри, прямо к его руке, и вложила в его ладонь нечто крохотное, завёрнутое в кусок сероватой ткани.

– Это передал мне один из ваших покровителей, – шёпотом произнесла женщина. – Кажется, вы женаты на леди Саутфолк? Если Всевышнему будет угодно, и когда-нибудь я встречу её, я скажу ей о том, как огонь любви к ней не угасал в ваших глазах всё это время.

Для Александра это прозвучало, как наивное женское утешение, но именно из-за этих слов ему стало стыдно, а в горле сгустился горький ком. Элизабет Фрай ушла, стало совсем тихо, и он раскрыл то, что она передала. В куске ткани было завёрнуто обручальное кольцо. То кольцо, которое конфисковали у него в день убийства Эшбёрна.

Алекс вернулся на своё место у стены и, сев под окошком, принялся крутить кольцо перед собой. Затем спрятал под рубашку, повесив на нить, вырванную из покрывала. В эту ночь он снова не спал.

Когда на следующий день вместо конвоиров к камере подошёл сам Джон Копли, его адвокат, Александр удивился. Он ожидал, что его уведут в Олд-Бейли, на слушание, но Копли сказал, что дело решено, а процесс – это условность для газетчиков.

– Так значит, приговор уже вынесен? – пробормотал Стоун безразлично.

– Именно.

Джон Копли смотрел на него сквозь дыры в двери очень

строго и пристально.

– Послушай меня, сынок, и послушай внимательно. Я расскажу лишь единожды, а ты решайся. За твою голову боролись две стороны – противники Веллингтона и он сам. И только я и герцог знаем, что на самом деле произошло в том доме.

– Пожалуйста, Джордж не должен...

– Я в курсе, и не перебивай меня! Чтобы сохранить тебе жизнь, пришлось пойти на уступки. По итогам сего тебя не казнят, и твой брат в безопасности.

Алекс с недоверием встретил тяжёлый взгляд барристера.

– И в чём же подвох, сэр?

– Тебя высылают и лишают чина и всех привилегий. Газетчикам уже велено написать об убийстве лорда Эшбёрна и суде над главным подозреваемым, но твоё имя не упомянуто. Ты просто исчезнешь.

– А имущество? – Алекс отчаянно вжался в дверь. – Как же Фаунтинс-холл, сэр?

– Не беспокойся по поводу земельных владений. Веллингтон смог об этом позаботиться, и твоей супруге не нужно будет с ними расставаться.

– Вот как...

На короткий миг им овладела радость, но упоминание о Кейли повергло всё в то же болезненное отчаяние. Значит, так решилась его судьба. Не казнь, так ссылка? По взмаху чьей-то властной руки он будет где-то далеко. Если бы Кейли

всё узнала...

– Сэр, о чём вы хотели, чтобы я размышлял?

– Об этой позорной высылке, сынок, – Копли снял цилиндр и судорожно утёр платком лоб. – Если не согласишься, тогда, увы! Здесь выход только на эшафот.

Значит, выбор всё же был. Александр натянуто улыбнулся, уперевшись лбом в холодную поверхность. Вот и всё, пути назад не было. Он сам к этому привёл и оказался здесь, потому что не поборол внутренних демонов. Да, они были чертовски сильными. И если бы не влияние Веллингтона, он перестал бы дышать уже совсем скоро. И никогда больше не смог вспомнить, как Кейли умеет улыбаться...

– Что я должен сделать? Что я должен подписать? – сорвалось с его иссохших губ прежде, чем Алекс подавил невесть откуда взявшуюся тоску.

Было слышно, как за дверью Джон Копли с облегчением вздохнул. Он сказал, что нужные бумаги предоставят, когда Александр покинет Ньюгейт. Но сначала нужно появиться перед присяжными. Весь процесс станет фальшью с заранее подготовленным решением.

– Держитесь, мистер Стоун. Скоро всё кончится.

Барристер кивнул, надев цилиндр, и ушёл, а Алекс вернулся к своей койке без сил и всяческих желаний, кроме как провалиться в долгий глубокий сон.

Глава 23

Конечно, никто не позволил Кейли даже приблизиться

к зданию Олд-Бейли в день суда. Она умоляла сэра Джона Копли провести её в зал, где должно было пройти слушание, но барристер заверил, что процесс предполагался закрытый. Даже газетчики останутся за стенами, ожидать новостей после вердикта.

Но Кейли не желала оставаться в стороне. Она достаточно долго была в неведении, мало того, на единственное письмо, которое она написала мужу, ответ так и не пришёл. Стокер говорил, что оно было передано через надёжного человека, однако была вероятность, что Александру попросту не позволят написать ответ. Но что-то подсказывало Кейли – дело вовсе не в запретах. Оттого она чувствовала себя совершенно разбитой. За последние дни ей казалось, будто её и Алекса уже разделял океан.

Вместе с нею в Лондон, к назначенному дню, приехал не только Стокер, но и сам виконт Саутфолк с целым штатом своих секретарей. За месяц до слушания они с дочерью всеми силами добивались аудиенции у Его Величества, но, разумеется, всё было напрасно. Никто из влиятельных людей в Виндзоре не воспринимал скорый суд над «каким-то там» капитаном Стоуном всерьёз, а виконту и вовсе советовали смириться и не лезть в это дело. Каролина Брауншвейгская, однако, приняла его у себя, едва только возвратилась домой, но дальше сочувствующих слов ничего не продвинулось. Нелюбимая королева была в немилости у мужа и его приближённых, поддерживала её только общественность, и

ей тяжело приходилось мириться с таким положением. Ей пророчили скандальный развод с Георгом, из-за чего Каролина хворала и не могла более ни о чём думать.

Вот так, попытки пробиться через эти стены, дабы помочь Александру, провалились, и только Веллингтон и его влияние могли хоть что-то сделать.

Двое суток до суда Кейли не могла сомкнуть глаз. Уставшая и бледная, непривычно раздражённая, она стала игнорировать просьбы отца побереечь себя, поскольку кто-то проговорился, что она может быть беременна. Возможно, болтливая Оливия или же графиня Бриджертон в одном из писем. Кейли было всё равно. В голове крутилась только одна мысль: если Александра повесят, она с этим не смирится. Она умрёт.

Утром решающего дня она вместе со своим сопровождением (Оливия и другая горничная ни на шаг от неё не отходили по просьбе виконта) отправилась в церковь Святой Елены, на Бишопсгейт, находившуюся менее чем в получасе ходьбы от Олд-Бейли.

Это было лишь эгоистичное желание быть поближе к месту, где её любимого собирались судить за убийство человека, испортившего его жизнь, исказившего его разум и душу. Когда местный священник выслушивал её исповедь, Кейли не задумывалась о собственной душе. Она говорила о покаянии и смирении, о вере в то, что Господь слышит её и его решение будет истинным. Всё, как того требовали приличия,

а сама же мысленно находилась в зале суда. Но грех лукавства её не беспокоил. Святой отец советовал быть сильной и помолиться, так она и поступила. Кейли стояла на коленях в огромном зале церкви, перед алтарём, среди нескольких других прихожан, но не могла сосредоточиться. Среди величественных колонн, под высоким сводом древнего здания, где её душа должна была успокоиться, она знала – ей здесь не было места, потому что меньшее, о чём она сейчас думала – это покой и вера.

И всё же в последний момент её стойкость дала трещину. Прошло несколько часов, и девушка, сцепив, наконец, пальцы вместе и прижав их к губам, начала молиться.

– Я знаю... правда, знаю, что была не самой послушной, часто пропускала службы и не соблюдала Заветы... Но всё, что происходило в моей жизни до этого дня, особенно то, что я считала пустяками, и оттого не обращалась к Тебе – всё это уже прошло и стало неважным...

И пусть от резких запахов ладана и свечного воска ей сделалось дурно, даже заболела голова, Кейли продолжала стоять на коленях, мысленно сходя с ума от тревоги и неведения.

– Я знаю, матушка поняла бы меня, как бы эгоистично это ни прозвучало... она ведь тоже любила моего отца. Поэтому, и потому, что без своего мужа я просто не вижу ни в чём смысла, я умоляю Тебя... – девушка подняла глаза с застывшими слезами к ликам на стене. – Я прошу Тебя, спаси

его! Ты велик, и ты знаешь правду! Знаешь, что он хороший человек, и он гораздо лучше, чем многие... и чем сам себя считает.

Кто-то из прихожан позади неё тоже закончил своё тихое откровение, поднялся на ноги и, прошелестев мимо, между скамейками, ушёл. Кейли всхлипнула, где-то в груди ощутив болезненный укол – раз, и сразу же отпустило. Но слёзы было уже не остановить. Девушка уткнулась в сцепленные пальцы и зашептала:

– Ты – моя последняя надежда. Если его отнимут у меня, я этого не выдержу. Все вокруг утешают меня, твердят быть стойкой и верить, что мои страдания не выше того, что я смогу вынести. В это Ты хочешь, чтобы я поверила? Что после счастья, которое он мне подарил, после той любви, которую я пронесла с собой сквозь года, наше расставание заслужено?

Перед тем, как продолжить, Кейли пришлось пропустить это гаденькое горькое ощущение через себя – внутренности у неё словно огнём горели, а в горле застрял тугой ком. На мгновение она представила лицо Александра – как он улыбался, как сияли его глаза, когда он смотрел на неё с лукавым прищуром – и уже ничего не могла с собой поделаться. Ей хотелось вцепиться в эти перила и закричать. Чего, конечно, не случилось

– Лучше бы Ты забрал мою душу. Это был бы честный обмен, разве нет? Или моя душа уже принадлежит ему... по-

этому так больно? Умоляю, спаси его... Потому что если не спасёшь, я сама погибну, ведь больше во мне ничего не останется. Ни боли, ни ненависти... ни любви... ни веры не будет.

Услышь её кто посторонний, непременно осудил бы. Но в тот самый момент откровения она не хотела быть леди, не хотела быть христианкой. Даже не хотела быть достаточно сильной. Она устала и отчаялась, а весь мир вокруг словно нарочно замолчал, отвергая её. И как же тогда Бог мог исполнить её просьбу?

Кейли зарыдала, уткнувшись в ладони, и лишь тогда Оливия поспешила к ней, чтобы помочь подняться и успокоить. Она отвела Кейли во внутренний дворик, на воздух, усадила на скамейку и обняла, позволив несчастной приклонить голову к её плечу. Совсем как в тот день, в детстве, когда умер старый пёс Брут...

Ближе к обеденному времени прибыли виконт Саутфолк и Эдмонд Стокер. Они отыскали её здесь же, в церковном дворике, и, ещё завидев отца издалека, Кейли поняла по его угрюмому выражению лица – ничего хорошего он ей не расскажет. Однако он был бодр и даже воодушевлён, когда сообщал дочери о решении суда присяжных.

– Сэр Уилльям Гарроу оказался весьма и весьма красноречив, когда описывал место преступления... Он был суров, когда припоминал капитану ту сцену, однако принял во внимание признание твоего мужа и его заслуги перед коро-

левством... – Виконт вздохнул и едва ли взглянул на дочь, прекрасно зная её состояние. – Решение присяжные вынесли всего через пятнадцать минут после того, как удалились из зала. Беспрецедентный случай! Думаю, Его Светлость во многом повлиял на это. Нам нужно быть бесконечно ему признательными.

Кейли поняла, что речь шла о герцоге Веллингтоне, и неохотно согласилась. Утерев платком лицо виконт Саут-фолк, наконец, произнёс:

– Судья Гарроу решение поддержал. Твой муж будет выслан из королевства в течение трёх дней.

У Кейли сердце замерло. Что было сил, она схватилась рукой за край скамьи так, чтобы отец этого не видел, но ей просто нужно было за что-то взяться.

– Выслан... Куда же?

– А вот это, милая, нам знать не позволено. Один из приятелей герцога, тоже солиситор, столкнулся со мною сразу же после заседания. Я пытался выяснить, куда отправят капитана, но мне дали ясно понять, что родственникам эта информация недоступна...

– А я... я могу поговорить с Его Светлостью?

Мужчина поджал губы, покачав головой. А Кейли снова хотелось разрыдаться.

– Увы, герцог отбыл в Плимут. Там у него полно дел. Он обещался написать по прибытию, но не думаю, что это нам поможет. По крайней мере, твой муж будет жить! Это

большой успех, дорогая! Да и сэр Джон намекнул, что место ссылки далеко, однако многое может измениться уже через несколько лет.

– Несколько лет? – Кейли ахнула и взглянула на отца так, словно ощутила невидимую пощёчину. Ей снова стало дурно.

Стокер же, с понурым видом стоявший в паре шагов от них, по знаку виконта сообщил, что всё имущество, принадлежащее лорду Эшбёрну, конфисковано. Всё, кроме Фаунтинс, и у Кейли остаётся право распоряжаться им, как угодно.

Они ещё немного поговорили о финансовом положении и моральном состоянии Джорджа Эшбёрна – тому, мол, предписано уехать в Гэмпшир и оставаться там. Сам же молодой человек выглядел в зале суда неважно. Бледный и осунувшийся, он еле ворочал языком, давая показания. Зато ему дали попроситься с братом. Что же до капитана Стоуна – держался он хорошо, несмотря на явный недосып и усталость, он не опускал головы и вёл себя достойно...

Давно прошло время обеда. Воздух был бодряще-свеж, но ветра совсем не было.

Приунывшая Оливия, переминаясь с ноги на ногу, начала уже было торопить всех домой, поскольку виконтессе явно требовался отдых. Кейли, не сказав ни слова, поднялась и, набросив на плечи шаль, пошла в одиночестве по тропинке прочь от церкви. Она шла несколько минут, никуда не всмат-

риваясь, ни на что не обращая внимания.

Мысленно она была не здесь. Она находилась в таком месте, в котором никогда бы себя не представила. Александр Стоун – её драгоценность, её страсть, её *всё* – будет жить, и это замечательно... Почему же тогда она до сих пор ощущает себя побеждённой? Ни искры радости, ни даже отголоска чего-то светлого. Ей всё ещё хотелось умереть. На мгновение ей подумалось: куда же делась та беззаботная юная непоседа, дочка виконта, обожающая бегать босиком по траве и запускать воздушного змея?

А потом всё стихло, и шелест крон деревьев, и болтовня прохожих за высокой оградой. Стихло даже в её мыслях. Кейли остановилась у калитки и поёжилась. *Вот так*, значит, Господь Бог ответил на её молитвы – об этом она подумала перед тем, как покинуть территорию церкви.

Неподалёку экипаж уже ждал её и остальных, чтобы отвезти в лондонскую резиденцию виконта, где Кейли придётся провести несколько дней до возвращения домой.

В начале июля, когда установилась самая благоприятная погода, Кейли наконец была готова объявить всем домашним в Фаунтинс о переезде. Это оказалось не так просто, и многие из тех, кто работал здесь до её появления, восприняли эту новость болезненно. Даже мистер Стивенс, полностью готовый к преобразению сада, едва сдерживался, чтобы не высказаться вслух в грубой форме. Его можно было понять,

но Кейли, как хозяйка, уже всё решила.

Объявляя о денежных выплатах, компенсации и рекомендации для будущих нанимателей, леди Саутфолк гордо держала голову, глядя прислуге в глаза. Ей тоже было грустно, но оставаться в Фаунтинс она больше не желала.

Через три недели всё было готово к отъезду. Кейли в последний раз вышла за реденькую живую изгородь, на тропинку, которая вела к одинокому вязу, высокому и ветвистому, и остановилась тут, понаблюдать с холма на зелёный простор. «А ведь мы планировали здесь аллею, и скамейки вдоль дорожки, и сирень...» – подумала Кейли и тут же отбросила эту мысль. Она давно уже дала себе зарок не размышлять о многочисленных «если бы».

Кто-то приблизился сзади, и по звуку этих неуверенных шагов она поняла, что Джордж Эшбёрн всё же посмел нанести визит. А ведь она столько раз предупреждала его не приезжать!

– Вы до омерзения упрямы, – произнесла она, не оборачиваясь.

– Не более, чем вы...

– Я уже всё сказала в письмах, приходите самолично было не обязательно.

Поскольку он так и не ответил, ей пришлось взглянуть на него. Небритый и уставший, он всё же выглядел куда лучше, чем после суда. Так ей показалось, по крайней мере. Кейли проследила за его реакцией – ненадолго в его тёмных глазах

отразилось смущение вперемешку с удивлением. Значит, он заметил её выпирающий живот.

– Моя супруга сейчас тоже...

Кейли сделала нетерпеливый жест рукой:

– Мне нет дела до вашей жены, до её положения, до вашей жизни в целом.

– Почему вы покидаете Фаунтинс? – спросил Джордж напряжённым голосом. – Вы же были счастливы здесь.

– Поэтому и покидаю. Не волнуйтесь. Миссис Миллз с её семья будут обеспечены на всю оставшуюся жизнь. Как и большинство, кого коснулось моё решение...

– Я знаю, о чём вы думаете. На вашем лице написано. Да что там, все эти месяцы, что я пытался до вас достучаться, в каждом письме я это понимал...

Она высокомерно посмотрела на него, положив правую руку на живот:

– И что же такое вы поняли, сэр?

– Вы считаете, что это меня не должно быть здесь. Что вместо Алекса меня стоило сослать туда... где бы он ни был.

– Как вы догадливы! Однако всё, что я думаю о вас и ситуации в целом, больше не имеет значения.

Кейли хотела пройти мимо, и, когда Джордж уже протянул к ней руку, вовремя уклонилась так, что он даже не коснулся её локтя.

– Если вы ещё раз посмеете хвататься за дочь виконта, я клянусь...

– Вы думаете, я сам не хочу оказаться на месте брата? – повысил он голос внезапно. – Вы думаете, вы тут одна страдалица? Его решения изменили не только вашу жизнь.

– О да, но это не ваш ребёнок будет расти без отца.

– Я сам фактически рос без отца! Я знаю, каково это – когда ты пустое место, когда он смотрит на тебя, как на назойливую мошку. Бесконечное ощущение ненужности, и что если бы меня не стало – он был бы счастлив.

– Ближе к делу, сэр!

– Алекс всегда меня защищал! Да, я знаю, я идиот и обязан ему слишком многим. Но это только мой крест! Только мой и... – его взгляд вдруг стал печальным и отстранённым, и у Кейли невольно дрогнуло сердце. – Мой и его тоже. Вы – умная женщина, и поэтому я прошу вас не отказываться от этого дома, от этой семьи. Алекс просил бы о том же.

– Что ж, благодаря некоторым обстоятельствам, нет больше никакой семьи. По крайней мере, мне самой придётся создать её... в одиночку.

Она машинально погладила свой живот, уже таким привычным жестом, затем обратилась к Джорджу, одарив его суровым взглядом:

– Не донимайте меня. Возвращайтесь к своей новой семье и научитесь, наконец, быть настоящим мужчиной.

Но он снова не дал ей пройти. Встал прямо перед нею, так близко, что Кейли почувствовала себя ужасно неловко, даже не успела толком возмутиться. Всё же она стойко встре-

тила его взгляд, стараясь сдержать просящийся с уст приказ убраться прочь.

– Я тоже его любил, – произнёс Джордж, глядя то ей в глаза, то на её сомкнутые губы. – И мне тоже больно. Он считал, если я всё узнаю... да, вы понимаете, о чём я говорю... Он думал, я с ума сойду от этой правды. Жаль осознавать, но он был прав. И всё же его нет с нами. Это было его решение...

Кейли стояла столбом, с омерзением глядя в лицо человеку, которого считала когда-то своим другом. То, что она уловила между строк в его речи, поначалу ошеломило. Однако уже несколько мгновений спустя и это потрясение прошло. И Кейли осознала с пугающим спокойствием: она обо всём догадывалась с самого начала. Поэтому её сердце было разбито. И подтверждений тому не требовалось.

Леди Саутфолк расправила плечи, с ледяной ухмылкой оглядев деверя, затем обошла его и направилась прочь по тропинке, желая лишь одного – никогда больше не встречать Эшбёрна лицом к лицу. В тот же день, перед самым отъездом, Оливия отыскала её в большой гостиной и передала неподписанный конверт.

– Это от мистера Эшбёрна, – сообщила девушка и мигом упорхнула из комнаты, понимая, видимо, что хозяйка этому посланию не обрадуется.

Очередное письмо от Джорджа не сулило, конечно, ничего нового, тем более важного, по мнению Кейли. Однако пустой конверт был явно не в его стиле. Из любопытства Кейли

вынула письмо – единственный лист с потрёпанными краями. Она мгновенно узнала почерк, и принадлежал он Александру, а не его брату.

Кейли пришлось присесть на край софы, прикрытой белой тканью, чтобы ноги в крайнем случае не подвели её, пока она читала:

Милая моя,

Если это письмо попало в твои руки, значит, верный человек доставил его Джорджу, а он – тебе. А ещё это значит, что ты знаешь правду. О той ночи. Джордж поклялся передать письмо лишь в том случае, если будет в этом уверен. С некоторых пор он стал куда более послушным.

Я не стану просить у тебя прощения – это слишком эгоистично. Никаких оправданий ты, разумеется, от меня не примешь. И я знаю, что ты достойно вынесешь эту правду, потому что ты самая сильная и самая удивительная женщина из всех. Я уверен также в том, что ты будешь в безопасности, поскольку ожидаешь нашего ребёнка.

Я хочу лишь, чтобы ты знала одну простую истину: я любил тебя и больше всего на свете хотел быть с тобой. Но меня унесло чёрной волной. Мою душу поразила опухоль. Она проникла глубже, чем мы оба думали, так что твоя любовь была уже не способна меня спасти.

Ты знаешь лучше, как справиться с этим. Но тут, вдали от тебя и нашего дитя, я буду представлять всё произошедшее как очередной кошмарный сон. Это поможет мне

справиться с болью из реального мира. Знаешь, что я сделаю, чтобы прогнать этот сон? Я закрою глаза и подумаю о вас. О том, что я рядом с вами. И, возможно, однажды это произойдёт.

Навеки твой,

Александр.

Ей потребовалось несколько минут, чтобы эмоции поухли, а сердце перестало колотиться, как сумасшедшее. Доктор её отца уже предупреждал, чтобы виконтесса не волновалась и не нервничала. И ради рождения здорового наследника семьи Хардингов пренебрегать советами не стоило...

Кейли вздохнула и поднялась, держась за подлокотник. Она уже замечала, насколько тяжёлой и неповоротливой стала. Интересно, а что бы сказала на это леди Кларисса?

Виконтесса сложила письмо мужа в конверт, подошла к камину и оставила конверт сверху, на каминной полке. Он больше не был ей нужен.

Настойчивый голос Оливии донёсся из коридора. Кейли же, бросив последний взгляд на полупустую комнату, где остатки мебели стояли покрытые простынями – жутковатое зрелище, – шагнула за порог и поспешила за своей горничной.

Эпилог

Август, 1821 год

Марокканское побережье

Когда на корабль напали берберские пираты, команда оказалась совершенно не готова к столкновению. Александр был среди немногих, кто сохранял хладнокровие и не трясся, глядя на две невесты откуда взявшие лодки, снаряжённые пушками. Стоун прекрасно осознавал положение, хоть это и был его первый подобный опыт.

Нападения пиратов в этих водах случались, но весьма редко, поскольку султан Марокко не желал иметь дел с разбойниками. Десятки, сотни предупреждений от ведущих европейских держав на деле оказывались бесполезны против тех же мусульманских каперов – и снова, и снова корабли англичан, французов или испанцев подвергались жестоким атакам пиратов. В этот раз не повезло несчастной команде, сопровождавшей британского посла. И Алекс, готовясь к унижительной стычке и понимая всю бесполезность сопротивления, уже было решил, что умрёт здесь, защищая этого бедного дипломата, или чуть позже, в плену, поскольку берберы частенько похищали молодых и сильных мужчин-европейцев.

Когда посол вышел вместе с ним на палубу, где уже снова туда-сюда разодетые в свои традиционные наряды кочевников разбойники, единственный вопрос, который он задал вслух, был о том, что же с ними сделают, если не убьют на месте.

– Молитесь, чтобы убили, – честно признался Александр; под расстёгнутой рубахой он сжимал рукоять клинка – своё последнее оружие. – Если работорговцы сочтут вас подходящей добычей, приготовьтесь к настоящему Аду на земле...

Посол промолчал, но по его лицу Стоун понял, что бедняге страшно. И решил, что так лучше, чем тешить себя напрасными надеждами на лучшую участь. Впрочем, всё закончилось куда быстрее, чем он ожидал. Один из пиратов, судя по его важному виду, командир, приблизился к ним и, рывкнув что-то своим людям, одарил англичан высокомерным взглядом. Когда он заговорил на французском, Александр почему-то немного успокоился.

– Ваш капитан у нас, на коленях стоит, истекает кровью из носа. Ценных товаров у вас нет, ваши люди, уже исключая шестерых мертвецов, тоже не привлекают меня, – главарь хитро прищурился из-под тёмно-синей чалмы. – Но сегодня я очень добр! Хочу услышать от господина посла, зачем бы мне его освободить.

Только вот господин посол оказался молчуном. Александр заметил, что терпение у бербера кончалось, поэтому ответил вместо дипломата:

– Одно я могу вам обещать. Если похитите или убьёте этого человека, мой генерал-фельдцейхмейстер вам этого не простит. Он вас из-под земли достанет. Впрочем, попробуйте подойти ближе. Я умею драться.

– Какой смелый христианин! А кто есть твой генерал?

– Герцог Веллингтон, главнокомандующий британской армии и тот, кто велел мне защищать этого человека ценой своей жизни.

– Какое ему дело до маленького человечка вдали от дома? Британцы заняты лишь освоением Канады да колонизацией Новой Голландии... Это о-очень далеко, мальчишка!

– После победы над Наполеоном сам Веллингтон сказал мне: «Думаете, я теперь буду спать спокойно? Нет, Стоун. Мои глаза всегда открыты». Если вам кажется, что для генерала смерть очередного посла останется незаметной... То вы большой дурак.

Взглянув на Стоуна с явным удивлением и выдержав паузу, бербер вдруг коротко засмеялся. Он задумчиво погладил свою густую чёрную бороду, при этом нарочно отодвинув край бурнуса и показав саблю на поясе. Александр ответил на этот жест ухмылкой. Станным образом главаря это тоже повеселило.

– Как неудачно я на вас наткнулся! – воскликнул он, улыбаясь. – Беда, если Веллингтон разозлится из-за вашей гибели.

– Разумеется, вы же не рассчитываете на очередную бомбардировку ваших городов. Объединённая эскадра готова атаковать в любое время, стоит вам только повод дать. – Стоун склонил голову вбок, чтобы отросшая чёлка не мешала обзору. – Султан Сулайман бен Мохаммед долго добивался спокойствия в этих водах, а ваши действия всё испортят...

– Ха-ха! До Сулаймана мне дела нет! Я не подчиняюсь марокканцу!

– Так вы из Алжира? Мне стоило сразу догадаться. Значит, Хуссейн-дей позволил вам распоряжаться кораблями, как угодно? И это при столь шатком положении берберского флота? Французы уже не раз предупреждали вас. И мой генерал будет недоволен произошедшим. Угрожая британскому послу, вы угрожаете королевству. На вашем месте я бы поразмыслил над тем, как из этого выпутаться.

С лица разбойника мигом спало всё прежнее веселье. Да, он разозлился, но спрятал свою саблю, лишь плотнее укутавшись в бурнус. Александр молился про себя, чтобы у этого негодяя хватило ума не трогать их, ибо словесно он уже исчерпал все свои аргументы. Разумеется, Веллингтон будет вне себя, когда узнает о нападении пиратов да ещё и на территории Марокко. Но то, что случится потом, может произойти без Алекса. Погибнув, он так ничего и не узнает, не добьётся. А ведь герцог с таким трудом выбивал для него эту миссию – всё лучше, чем в кандалах, на галерах, или гнить в тюремной яме. В конце концов, если бы он выполнял все поручения генерала и исправно докладывал о нараставшем конфликте между Алжиром и Францией с внутренней территории – его ожидало бы помилование. Это обещал ему Веллингтон. В одном из писем он даже упомянул, что Её Королевское Высочество герцогиня Кентская, узнав об аресте отставного капитана Стоуна, оказалась крайне недовольна.

Возможно, она его простила, пожалела. Её слово тоже могло иметь вес, хоть и в будущем...

Берберский главарь, как позже Александр выяснил его имя – Юсуф-паша – переговорил со своими людьми и пришёл к самому верному заключению – убивать англичан нельзя, тем более посла. Дипломата и оставшуюся команду отправят в Надор – небольшой порт в Марокко.

– Оттуда они вольны деваться, куда хочется, – сообщил на французском Юсуф-паша при всех, при этом глядя Александру в глаза, пристально, неотрывно. – А вот ты, англичанин, отправишься со мной. Сначала ты напишешь своему генералу о том, что мы мирно отпустили его людей, и что сам Хуссейн-дей пожелал встретиться...

Стоун ухмыльнулся, покачав головой. Стало ясно, как Божий день, куда клонил этот горе-стратег. О чём Алекс тут же ему высказался.

– Вам бы о французах сейчас подумать. Людовик и его министерство спят и видят вас на дне моря. До блокады алжирского берега уже недалеко. Ваше положение катастрофично...

– Вот поэтому ты поедешь со мной. Ты много знаешь, слишком много, – Юсуф-паша растянул толстые губы в улыбке, и его чёрные глаза блеснули странным огоньком. – Красиво говоришь, толково говоришь. Дей будет рад встрече с доверенным человеком британского генерала. И не бойся, мальчишка! С твоей головы ни один волосок не упадёт!

Александр скривился, но ничего не сказал. Всё равно положение обязывало подчиниться. Какой был смысл сопротивляться? Главное, что посол и остальные остались живы. Вот так берберы забрали его на одну из своих лодок, откуда он в молчании, игнорируя любопытные взгляды мусульман, наблюдал за медленно удаляющимся британским судном.

– Ты много знаешь, и ты выглядишь так, словно ничего не боишься, – услышал он снова французскую речь от Юсуфа-паши. – Это хорошо, мне нравится. И Хуссейну-дею понравится.

Алекс ему не ответил.

– Когда я велел тебе забрать вещи, ты ничего не взял с собой с корабля.

– Всё, что нужно, у меня есть.

Неясно, о чём подумал бербер, коротко засмеявшись. Затем он переключился на изменение курса, и вскоре вокруг пленника заговорили на уже знакомом ему арабском языке. Александр понимал, что ему предстояло заговорить и на нём тоже.

Он не слукавил о своих вещах. На корабле его тоже ничто не держало. Он практически выполнил свою миссию. За пазухой, в нашитом внутреннем кармане он нащупал маленький портрет своей жены. Не потерял – значит, всё хорошо. Иногда, оставаясь в одиночестве, он смотрел на это изображение, представляя Кейли рядом с собой. Отныне это будет ещё тяжелее сделать. Он надеялся быть ближе к дому с

каждой новой миссией. На деле же оказывался всё дальше и дальше.

Его путь лежал в Алжир. Это был очередной удар судьбы, которому он не был способен помешать. И Александр подумал, что у Веллингтона хватит сообразительности и стойкости ничего не рассказать Кейли. Она, как и прежде, не будет знать, куда его забросило.

День угасал, а средиземноморское побережье Алжира было всё ближе. Наблюдая закат, Александр то и дело прижимал ладонь к тому месту, где под одеждой находился портрет его жены.